

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1910.

№ 12.

ЮНЬ—книжка вторая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

- Рационалистическія гипотезы о воскресеніи Господа нашего Иисуса Христа. (Продолженіе). **Профес. Прот. Т. И. Буткевича** 719—758
- Наука и апологетика **А. Лаппарана**. (Продолженіе). **Н. П. Ц.** 759—777
- Спиритизмъ. (Опытъ изслѣдованія вопроса съ точекъ зрѣнія: естественно-научной, исторической, философской и христіанской). **Свящ. І. Дмитревскаго** 778—788
- Натуралистическій монизмъ **Геккеля**. (Продолженіе). **Свящ. Николая Липснаго** 789—798

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

I. Высочайшій Манифестъ.—Отъ Харьковского Епархіального Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ.—Отъ Правленія Похоронной Кассы духовенства Харьковской епархіи.—Разрядный списокъ воспитанниковъ, всѣхъ классовъ Харьковской Духовной Семинаріи.—Росписание пріемныхъ и переводныхъ экзаменовъ въ Харьковской Духовной Семинаріи.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Сумскаго Духовнаго Училища.—Отъ Правленія Сумскаго духовнаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—II. Поученіе въ день рожденія Государыни Императрицы. *Священ. Иоанна Дмитревскаго*.—Четыре рѣчи, произнесенныя при обсужденіи законопроекта о старообрядческихъ общинахъ. *Члена Государственнаго Совѣта Протоіерея Т. И. Буткевича*.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія. (Стр. 799—854).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья ул., № 14.

1910.

ЖУРНАЛЪ

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЪ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи. Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ помѣщаются изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологій, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяць, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной семинаріи, въ харьковскихъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“; въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ **Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія за 1909 г. за 8 руб. съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть приобретаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ:

СОБРАНІЕ СЛОВЪ И РѢЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за семь книгъ семь рублей съ пересылкой. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспоможенія нуждающихся воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи.

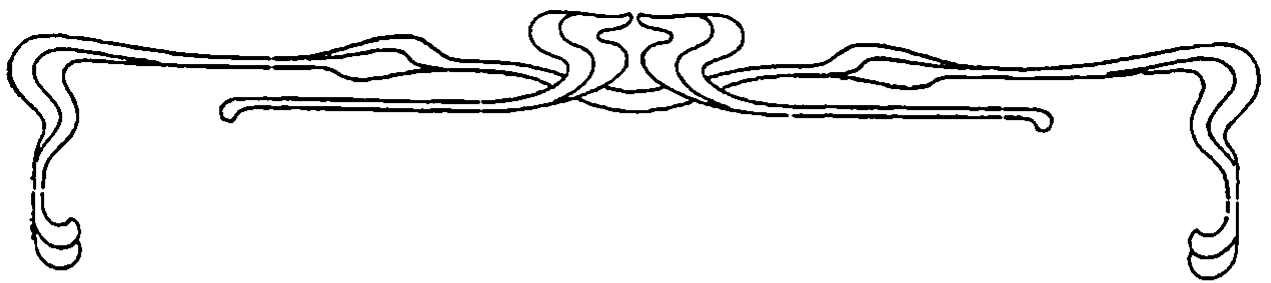
Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Харьковъ. Дозволено цензурою, 30 Іюня 1910 года.

Цензоръ Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.

Рационалистическія гипотезы о воскресеніи Господа нашего Іисуса Христа *).

Если Христосъ не воскресъ, то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра ваша (1 Кор. XV^о, 14. 17).

(Продолженіе **).

Характеристическою особенностію всѣхъ вообще рационалистовъ нужно признать то, что свои произвольныя, вовсе не доказанныя мнѣнія они выдаютъ за несомнѣнныя, какъ бы всѣми признаныя истины, и на нихъ устанавливаютъ свои взгляды и предположенія (гипотезы). Особенно нужно сказать это объ отношеніи рационалистовъ къ оцѣнкѣ евангельскихъ повѣствованій. Что для ихъ взглядовъ невыгодно, то они прямо, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій, объявляютъ „неподлиннымъ“, „позднѣйшею вставкою“, „дополненіемъ чужой руки“ и т. п. Такъ поступаетъ, какъ мы видѣли и Штраусъ. Онъ категорически объявилъ, что всѣ евангельскія повѣствованія суть сказанія мифическія, и на этомъ успокоился. „До сихъ поръ,—говоритъ онъ,—намъ не доказано, чтобы хотя одно какое либо Евангеліе было написано Апостоломъ или инымъ какимъ-либо очевидцемъ-свидѣтелемъ жизни Іисуса“. „Изъ писателей евангельскихъ повѣствованій,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—ни одинъ не слышалъ рассказовъ о жизни Іисуса отъ очевидцевъ“. Но особенно для Штрауса (да и другихъ рационалистовъ)

*) Изъ университетскихъ лекцій 1904 года.

**) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 11 за 1910 годъ.

оказались неудобными заключительный отрывокъ Евангелія отъ Марка (16, 9—20) и 21-я глава Евангелія отъ Іоанна, потому что въ нихъ явленія воскресшаго Спасителя представляются наиболѣе реальными и объективными,—и вотъ онъ объявляетъ эти мѣста евангельскихъ повѣствованій „позднѣйшими вставками“. Само собою понятно, что для рѣшительнаго опроверженія голословныхъ сужденій Штрауса, намъ необходимо было бы предварительно со всею обстоятельностью показать читателямъ, что наши каноническія Евангелія суть несомнѣнно апостольскія писанія. Къ сожалѣнію, это слишкомъ далеко завлекло бы насъ въ сторону отъ главнаго предмета нашего изслѣдованія, и потому въ настоящей разъ мы не можемъ принять на себя столь сложной, хотя и важной задачи. Тѣмъ не менѣе въ виду того обстоятельства, что мнѣніе Штрауса повторяется и всѣми другими рационалистами при сужденіи о воскресеніи Господа нашего Іисуса Христа, мы считаемъ необходимымъ хотя кратко указать и здѣсь на тѣ несомнѣнныя историческія основанія, по которымъ наши евангельскія повѣствованія не могутъ быть отождествляемы съ мифическими сказаніями. При этомъ мы увидимъ и то, насколько не основательно утвержденіе Штрауса, что ни одно изъ нашихъ Евангелій не было написано какимъ либо Апостоломъ или даже инымъ свидѣтелемъ-очевидцемъ жизни Іисуса.

О Евангеліяхъ отъ Матѳея и Марка свидѣтельствуемъ уже іерусалимскій епископъ *Паній*, одинъ изъ семи апостольскихъ отцовъ, „мужъ древній, бывший слушателемъ Іоанна и другомъ Поликарпа“, лично знакомый со всѣми Апостолами и отъ нихъ собиравшій свѣдѣнія объ Іисусѣ Христѣ и Его жизни. Онъ утверждаетъ, что наше первое каноническое Евангеліе было написано на еврейскомъ языкѣ именно Апостоломъ Матѳеемъ и что оно было читаемо и объясняемо всѣми. Его свидѣтельство подтверждаютъ александрийскій писатель *Мантенъ*, имѣвшій уже у себя это Евангеліе, Иринеи, Оригенъ и др. *Паній* пишетъ слѣдующее и о второмъ нашемъ каноническомъ Евангеліи: „Тотъ же пресвитеръ (т. е. ученикъ Господа Іоаннъ) говорилъ еще: Маркъ, бывший истолкователь Петра, съ точностію, какъ только самъ сохранилъ въ памяти, написалъ то, что Христосъ говорилъ и дѣлалъ, хотя и не по порядку (т. е. опи-

салъ не въ томъ порядкѣ, въ какомъ было сказано и сдѣлано Самимъ Христомъ), потому что онъ (т. е. Маркъ) самъ не слушалъ Господа и не сопутствовалъ Ему; впоследствии же, какъ я (Іоаннъ) сказалъ, онъ былъ спутникомъ Петра, который, смотря по требованію обстоятельствъ, излагалъ свое ученіе, не дѣлая однако-же связнаго изложенія Господнихъ бесѣдъ. Посему Маркъ нисколько не погрѣшилъ, описывая нѣкоторыя событія такъ, какъ припоминалъ ихъ. Онъ заботился только о томъ, какъ бы не опустить чего нибудь изъ слышаннаго или не переименовать“. То же самое, только еще подробнѣе и обстоятельнѣе свидѣтельствуется и другою древнѣйшею писателемъ—Климентъ Александрійскій, а затѣмъ—Тертуліанъ, Оригенъ, Іеронимъ, Епифаній, Евсевій и др. И такъ, мы видимъ, что наши первыя каноническія Евангелія не суть мѣстическія сказанія, а—памятники несомнѣнно историческіе, изъ которыхъ первое (Матѳея) написано непосредственнымъ свидѣтелемъ—очевидцемъ, Апостоломъ Матѳеемъ, а второе—со словъ Апостола Петра—его спутникомъ и истолкователемъ. Особенно важное значеніе имѣетъ свидѣтельство Папія,—человѣка, еще вращавшагося въ кругу Апостоловъ и отъ Апостоловъ, по его собственнымъ словамъ, собиравшаго всѣ возможныя свѣдѣнія объ Іисусѣ Христѣ; свѣдѣніе же о писателяхъ нашихъ первыхъ каноническихъ Евангелій имъ получено непосредственно отъ Апостола и любимаго ученика Господа—Іоанна. Даже Штраусъ не нашелъ возможнымъ отрицать подлинность и значеніе этого свидѣтельства, а возраженія, которыя онъ дѣлаетъ противъ него,—ничтожны. Они состоятъ въ слѣдующемъ: 1) по Папію, Матѳеи записалъ будто бы только одни рѣчи (λόγια) Христа; не будемъ говорить о томъ, что, по древнему словопотребленію, λόγια обозначаетъ вообще книги, безъ отношенія къ тому, что въ нихъ содержится, съ чѣмъ согласенъ и самъ Штраусъ (Das Leben Jesu, 1874, стр. 49), а укажемъ только на то, что въ свидѣтельствѣ о Евангеліи отъ Марка Папій говоритъ опредѣленно: „Маркъ написалъ то, что Христосъ говорилъ и дѣлалъ“. 2) По замѣчанію Штрауса, Евангеліе отъ Матѳея, написанное, какъ свидѣтельствуется Папій, первоначально на еврейскомъ (т. е. арамейскомъ) языкѣ до насъ дошло въ греческомъ переводѣ; но кто знакомъ, хотя нѣсколько, съ древне-христіанскою письменностію, тотъ зна-

еть, какъ скоро греческій языкъ вытѣснилъ собою все мѣстныя нарѣчія, когда изъ Палестины христіанство распространилось по всему міру. 3) Штраусъ не хочетъ вѣрить свидѣтельству Папія потому, что писатель *четвертаго* вѣка Евсевій, лично не знавшій Папія, называетъ его человѣкомъ недалекаго ума (*πᾶντο εὐκρότος τὸν νοῦν*). Но Штраусу хорошо извѣстно, что этотъ отзывъ Евсевія основывается *только* на хилиастическихъ воззрѣніяхъ Папія. Но въ тысячелѣтнее царствованіе Христа вѣровали очень многіе современники Папія и заключенія объ умственной ограниченности Папія на этомъ основаніи дѣлать, очевидно, нельзя. Папіи былъ вѣдь епископомъ, а такое мѣсто не могъ занять человѣкъ, лишенный здраваго яснаго пониманія простыхъ вещей. Наконецъ, какъ, будучи человѣкомъ недалекаго ума, Папіи могъ бы написать цѣлыя книги, которыми съ уваженіемъ и полнымъ довѣріемъ пользовался самъ Евсевій?

Что касается Евангелія отъ Луки, то самъ Штраусъ признаетъ, что оно принадлежитъ писателю книги Апостольскихъ Дѣяній, а послѣднимъ несомнѣнно былъ спутникъ Апостола Павла—Лука (срв. Дѣян. 16, 10—17; 20, 5—15; 21, 1—17, 27, 1—28). А что оно было написано еще въ вѣкъ Апостольскій, это видно изъ того, что его цитуютъ мужи апостольскіе: Варнава, Климентъ Римскій, Игнатій Богоносецъ и Поликарпъ Смирнскій.

Штраусъ утверждаетъ, что Апокалипсисъ св. Іоанна Богослова есть древнѣйшая христіанская книга, „которую, *быть можетъ*, написалъ одинъ изъ одиннадцати Апостоловъ“. Это—значительная уступка со стороны все отрицающаго Штрауса. Но если бы Штраусъ былъ безпристрастнымъ и добросовѣстнымъ изслѣдователемъ евангельской исторіи, то по одному языку Апокалипсиса онъ бы не могъ не прійти къ заключенію, что писателю этой книги принадлежитъ также и наше четвертое каноническое Евангеліе. Впрочемъ, кромѣ внутреннихъ признаковъ, мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи и много внѣшнихъ свидѣтельствъ въ пользу того, что писателемъ четвертаго Евангелія былъ именно Апостоль и любимый ученикъ Спасителя, свидѣтель-очевидецъ всей евангельской исторіи и въ частности явленій воскресшаго Іисуса Христа—Іоаннъ. Объ этомъ говорятъ такіе древніе писатели, какъ Теофилъ Антиохійскій, Иринеи Ліонскій и др.,

а Евангеліе отъ Іоанна цитують уже мужи апостольскіе: Ігнатій Богоносець, Варнава, Іустинъ Мученикъ и Климентъ.

Итакъ, послѣ сказаннаго ясно, что Штраусъ былъ не только не правъ, но и недобросовѣстенъ, когда утверждалъ что всѣ наши каноническія Евангелія суть сказанія мнѣнческія и что ни одно изъ нихъ не было написано Апостоломъ или инымъ какимъ либо очевидцемъ-свидѣтелемъ жизни Іисуса Христа, и что изъ евангелистовъ ни одинъ не слышалъ даже разказовъ о жизни Спасителя отъ очевидцевъ.

Теперь перейдемъ къ вопросу о подлинности заключительнаго отрывка Евангелія отъ Марка (16, 9—20) и 21-й главы Евангелія отъ Іоанна.

Штраусъ, а также и другіе писатели раціоналистическаго направленія (Газе, Креднеръ, Бруно-Бауэръ, Кеймъ) утверждаютъ, что конецъ Евангелія отъ Марка (16, 9—20) есть позднѣйшее дополненіе, сдѣланное неизвѣстною рукою. Единственное фактическое основаніе, приводимое ими въ пользу своего мнѣнія, это—то, что въ 4-мъ вѣкѣ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ Евангеліе отъ Марка оканчивалось 8-мъ стихомъ 16-ой главы. Штраусъ при этомъ, очевидно, имѣетъ въ виду свидѣтельство Евсевія. Дѣйствительно, Евсевій говоритъ, что во *многихъ* извѣстныхъ ему рукописяхъ Евангеліе отъ Марка заканчивалось теперешнимъ 8-мъ стихомъ 16-ой главы. Но Евсевій вѣдь на этомъ не останавливается; онъ утверждаетъ далѣе, что ему извѣстны и такія рукописи, въ которыхъ находилась теперешняя заключительная часть Евангелія отъ Марка. Кромѣ того, есть писатели болѣе древніе, чѣмъ Евсевій, напр., *Ириней*, епископъ Ліонскій (Наг. III. 10, 6), ученикъ Поликарпа и современникъ Папія, и Григорій Нисскій (Dial. advers. Pīlag. c. XV), которые даже цитують теперешній конецъ нашего Евангелія отъ Марка. Ясно, что въ ихъ время и даже раньше Евангеліе отъ Марка имѣло свой теперешній видъ (редакцію) и пользовалось распространеніемъ. Чѣмъ же можно объяснить то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, какъ свидѣтельствуется Евсевіемъ, оно встрѣчалось безъ теперешняго конца (16, 9—20)? На этотъ вопросъ, какъ мы видѣли, отвѣчаетъ вмѣсто насъ мужъ апостольскій, лично знавшій еще всѣхъ Апостоловъ и ихъ спутниковъ, іерапольскій епископъ Папія, ко-

торый говоритъ, что Маркъ писалъ свое Евангеліе „не по порядку“, со словъ Апостола Петра, „по требованію обстоятельствъ“, „не дѣлая связнаго изложенія“, „записывая нѣкоторыя событія такъ, какъ о нихъ рассказывалъ въ своихъ проповѣдяхъ Петръ и какъ онъ припоминалъ ихъ, „заботясь только о томъ, какъ бы не пропустить чего-нибудь изъ слышаннаго имъ или не переименовать“. Отсюда видно, что Маркъ писалъ свое Евангеліе не сразу, не „въ одинъ присѣсть“, а по мѣрѣ того, какъ велъ свои бесѣды и о чемъ проповѣдывалъ Апостоль Петръ. Такимъ образомъ, сначала могло быть написано по частямъ все Евангеліе, а впоследствии прибавленъ къ нему теперешній конецъ, какъ особый и, быть можетъ, послѣдній рассказъ Апостола Петра, слышанный Маркомъ, но записанный, по всей вѣроятности, даже при неблагопріятныхъ для Марка обстоятельствахъ, каковымъ могло быть гоненіе Нерона, когда былъ умерщвленъ и Апостоль Петръ, вслѣдствіе чего евангелистъ долженъ былъ спѣшить и изложить уже въ сжатомъ видѣ свое повѣствованіе о послѣднихъ евангельскихъ событіяхъ. А такъ какъ нѣкоторое время Евангеліе отъ Марка не было вполне закончено и, быть можетъ, было доведено только до теперешняго 9-го стиха 16-ой главы, то естественно, что въ такомъ видѣ оно являлось и въ первоначальныхъ спискахъ; когда же, впоследствии, евангелистомъ Маркомъ былъ прибавленъ къ нему конецъ и Евангеліе получило свой настоящій видъ, то слѣдующіе переписчики его, очевидно, внесли это окончаніе и въ свои списки, отчего и легко могло произойти, что во многихъ спискахъ Евангеліе отъ Марка заканчивалось по первой редакціи 8-мъ стихомъ 16-й главы, а въ другихъ имѣло свой настоящій видъ, какой оно получило въ послѣдней редакціи. Для каждаго безпристрастнаго читателя будетъ, впрочемъ, понятно и само собою, что 8-мъ стихомъ 16-й главы Евангеліе отъ Марка не могло заканчиваться, потому что имъ не оканчивается исторія событій, которая евангелистъ намѣревался описать. Такимъ образомъ, не опровергнувъ свидѣтельствъ апостольскихъ мужей—Папія и Иринея, а также и утвержденія Евсевія о существованіи въ его время Евангелія отъ Марка въ его полной редакціи, Штраусъ и его единомышленники только бездоказательно могутъ говорить о неподлинности его заключитель-

наго отрывка (т. е. Марк. 16, 9—20). Возраженіе Штрауса лишь тогда имѣло бы силу, если бы Евсевій утверждалъ, что въ его время не было ни одного списка съ теперешнимъ окончаніемъ Евангелія отъ Марка; но разъ онъ свидѣтельствуетъ, что имѣлъ подъ руками и списки Евангелія въ его теперешней редакціи,—возраженіе Штрауса теряетъ всякое значеніе.

Еще незначительнѣе основанія, указанныя Штраусомъ и его единомышленниками противъ подлинности всей 21-ой главы Евангелія отъ Іоанна. Такъ какъ не было и нѣтъ ни одной рукописи, въ которой Евангеліе отъ Іоанна заканчивалось бы только 20-ю главою, то Штраусу, какъ и другимъ рационалистамъ, не оставалось иного исхода, какъ искать основанія для возраженія въ самомъ Евангеліи. И вотъ они ссылаются на слѣдующее: 1) стихи 30-й и 31-й главы 20-ой ясно будто-бы говорятъ объ окончаніи всего Евангелія; 2) въ самой 21-ой главѣ употребляются слова несвойственныя языку Іоанна: ἔρχεσθαι σὺν вмѣсто ἀκολουθεῖν, παιδία вмѣсто τέχνηα, ἐξεταζεῖν, вмѣсто ἐρωτᾶν, εὐθύς и т. п. 3) въ стихѣ 24-мъ οἶδαμεν (знаемъ) Іоаннъ будто бы также не употребилъ бы: гиперболическое выраженіе о дѣлахъ Іисуса Христа въ стихѣ 24-мъ противорѣчитъ будто-бы обычной простотѣ и естественности изложенія всего Евангелія. Вотъ и всѣ доводы Штрауса и другихъ рационалистовъ противъ подлинности 21-ой главы Евангелія отъ Іоанна. Доводы эти весьма неубѣдительны и они уже вполне основательно опровергнуты христіанскими апологетами. 1) Вотъ что говоритъ даже Толлокъ въ своемъ комментарий: „30-мъ и 31-мъ стихами 20-ой главы евангелистъ какъ бы совершенно закончилъ свои повѣствованія о Христѣ, тѣмъ не менѣ въ 21-ой главѣ еще слѣдуетъ рассказъ о Его явленіи по воскресеніи: это можетъ возбудить сомнѣніе, написанъ ли этотъ рассказъ рукою Іоанна. Ибо признать, что стихи 30-й и 31-й вставлены случайно, и стихъ 1-й 21-ой главы непосредственно примыкалъ къ 29-му стиху 20-й главы,—не возможно. Однако нельзя отсюда дѣлать заключенія, что евангелистъ закончилъ свое Евангеліе 30-мъ и 31-мъ стихами и что это дополненіе сдѣлала чужая рука. Вѣдь Іоаннъ и самъ позже, уже по написаніи двадцати главъ своего Евангелія, могъ прійти къ мысли сдѣлать это дополненіе. Можно, напр. предполагать, что

друзья, которымъ онъ разсказалъ содержаніе этой главы, упросили его собственноручно прибавить къ своему Евангелію и этотъ прекрасный разсказъ. Такъ часто Павелъ заканчиваетъ свои посланія, а потомъ видитъ себя вынужденнымъ дѣлать еще добавленія. У историковъ, какъ показываетъ примѣръ Непота въ жизнеописаніи Аттика, это—не рѣдкость. Можно, наконецъ, указать и специальный мотивъ, именно—опровергнуть слухъ, о которомъ упоминается въ 23-мъ стихѣ“. Съ послѣднимъ предположеніемъ Толлюка, какъ мы видѣли, соглашается и Штраусъ, только онъ утверждаетъ, что 21-ю главу написалъ не самъ Іоаннъ, а кто-либо другой (по Ренану—личный секретарь Іоанна) и уже послѣ смерти Апостола, когда слухъ о томъ, что Іоаннъ будетъ жить до второго пришествія Христова, фактически не оправдался. Но такое предположеніе Штрауса и неосновательно, и голословно. Іоаннъ самъ свидѣтельствуемъ (ст. 24), что 21-ю главу, какъ и все Евангеліе написалъ именно онъ, а не кто-либо другой. Ученики Іоанна (о секретаряхъ не говоримъ, потому что ихъ не было) не могли быть настолько безнравственными, чтобы могли лгать или дѣлать подлоги. Лжецовъ нужно искать въ другомъ мѣстѣ, внѣ круга учениковъ Христовыхъ. 2) Неубѣдительно и второй доводъ, приводимый Штраусомъ противъ подлинности 21-ой главы Евангелія отъ Іоанна. Слово *καὶ*, дѣйствительно, не встрѣчается въ Евангеліи отъ Іоанна, но оно дважды употреблено Іоанномъ въ его первомъ посланіи (2, 13, 18). 3) Несправедливо утвержденіе Штрауса и о томъ, что Іоаннъ никогда не говоритъ о себѣ, какъ о свидѣтелѣ-очевидцѣ, въ первомъ лицѣ множественнаго числа. Даже въ первой главѣ своего Евангелія онъ выражается такъ: „и мы видѣли славу Его“ (Іоан. 1, 14); въ первомъ посланіи (1, 1—6)—тоже.—Послѣ всего сказаннаго мы можемъ съ увѣренностію утверждать, что Штраусъ не указалъ только того единственнаго, но истиннаго побужденія, которое заставило его отрицать подлинность 21-ой главы Евангелія отъ Іоанна: это—его чудобоязнь, нежеланіе—признать явленія воскреснаго Спасителя ученикамъ реальными историческими фактами.

Чтобы представить евангельскія повѣствованія о воскресеніи Иисуса Христа исторически недостоверными и мнѣйскими, Штраусъ, какъ мы видѣли, старается найти въ нихъ

„непримиримыя противорѣчія“. Пріемъ этотъ не новъ. Противорѣчія или—вѣрнѣе—разности въ евангельскихъ повѣствованіяхъ усматривали и другіе изслѣдователи. Только они смотрѣли на нихъ съ другой точки зрѣнія, чѣмъ Штраусъ. Мы знаемъ уже отзывъ Газа. Выслушасмъ еще *Лессинга*. Этого знаменитаго нѣмецкаго критика нельзя заподозрить въ излишней снисходительности къ нашимъ евангельскимъ повѣствованіямъ о воскресеніи Іисуса Христа. Онъ—другъ Реймаруса. Но вотъ что онъ говоритъ по поводу евангельскихъ противорѣчій: „Если Ливій и Полибій, Діонисій и Тацитъ объ одномъ и томъ же сраженіи или объ одной и той же осадѣ сообщаютъ каждый самъ по себѣ обстоятельства столь различныя, что повѣствованія у одного указываютъ на пропуски у другого, то можно ли поэтому отрицать самое происшествіе, относительно котораго они согласны?.. Если же съ Ливіемъ и Діонисіемъ, Полибіемъ и Тацитомъ мы обращаемся такъ либерально и благородно, что не подвергаемъ ихъ истязанію за каждое слово; то почему мы не относимся такъ къ Матеею и Марку, Лукъ и Іоанну?“

Штраусъ судилъ иначе. Онъ, какъ мы видѣли, находилъ непримиримыя и недопустимыя противорѣчія въ евангельскихъ повѣствованіяхъ: 1) относительно времени явленій Христа, 2) относительно мѣста этихъ явленій, 3) относительно путешествій мѣроносицъ ко гробу Спасителя, 4) относительно числа ангеловъ, явившихся мѣроносицамъ и 5) самопротиворѣчія въ Евангеліяхъ Матѳея, Марка и Іоанна.

Съ нѣкоторыми изъ этихъ „непримиримыхъ противорѣчій“ мы познакомились уже при разборѣ гипотезы Газа. Таково указаніе евангелистовъ на мѣсто явленій воскресшаго Спасителя—Іерусалимъ съ его окрестностями или Галилею. Но такъ какъ теперь несомнѣнно доказано, что Галилеею называлась не только одна изъ Палестинскихъ областей, но и сѣверная часть Елеонской горы, находившейся близъ Іерусалима, то ни о какомъ противорѣчій евангельскихъ повѣствованій относительно мѣста явленій воскресшаго Спасителя и рѣчи не должно быть.

Особенно „непримиримымъ“ Штраусъ находитъ въ нашихъ евангельскихъ повѣствованіяхъ „противорѣчіе“ относительно числа и порядка явленій Іисуса Христа по воскресеніи Апостоламъ. Въ этомъ отношеніи,—утверждаетъ онъ,

—разказы евангелистовъ находятся въ частомъ противорѣчїи какъ съ указанїями Апостола Павла, такъ и сами между собою. Въ дѣйствительности оказывается, что „противорѣчїя“ эти Штраусъ усматриваетъ въ томъ, что не всѣ ново-завѣтные писатели говорятъ объ однихъ и тѣхъ же явленїяхъ воскресшаго Спасителя. Такъ Апостоль Павелъ, напр., *ничего не говоритъ* о явленїяхъ Іисуса Христа женщинамъ-муриносицамъ. Но развѣ простое „неупоминанїе“ или „умолчанїе“ можетъ быть названо „противорѣчїемъ?“—Очевидно, нѣтъ. Противорѣчїе было бы только въ томъ случаѣ, если бы евангелисты утверждали, что Спаситель по воскресенїи являлся женщинамъ-муриносицамъ, а Апостоль Павелъ рѣшительно отрицалъ дѣйствительность такого явленїя. Но ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Молчанїе же писателя о томъ или другомъ обстоятельстве, какъ мы замѣтили уже и выше, само по себѣ совершенно ничего не говоритъ противъ исторической дѣйствительности самаго событїя. Только самъ писатель можетъ дать точный и опредѣленный отвѣтъ на вопросъ: почему, рассказывая объ извѣстномъ событїи, онъ отмѣчаетъ одни обстоятельства и умалчиваетъ о другихъ? Читатели же и критики могутъ лишь догадываться о мотивахъ, которыми руководился писатель, и высказывать свои предположенїя,—не болѣе. Въ данномъ случаѣ мы не должны выпускать изъ виду, что Апостоль Павелъ,—съ чѣмъ, какъ мы видѣли, согласенъ и самъ Штраусъ,—даже и не имѣлъ намѣренїя предлагать своимъ читателямъ обстоятельнаго и подробнаго изложенїя исторїи воскресенїя Іисуса Христа изъ мертвыхъ, и уже по этому нельзя ставить ему въ вину молчанїя о женщинахъ, удостоившихся видѣть воскресшаго Господа. Но могли быть у Апостола Павла и другїя причины не говорить о явленїи Спасителя женщинамъ по воскресенїи. Впрочемъ, самъ Штраусъ не утверждаетъ того, что Павлу не были извѣстны явленїя Іисуса Христа женщинамъ, а онъ объясняетъ его молчанїе о нихъ тѣмъ, что свидѣтельство женщинъ Павелъ считалъ будто-бы вообще не заслуживающимъ серьезнаго вниманїя. Намъ кажется болѣе удовлетворительнымъ другое объясненїе—святоотеческое. По этому объясненїю, Апостоль Павелъ заговорилъ о явленїяхъ воскресшаго Іисуса Христа только потому, что, поставивъ съ ними въ рядъ и бывшее ему явленїе, онъ

этимъ доказывалъ свое апостольское достоинство и свое призваніе къ нему. Ясно, что о явленіи Спасителя женамъ-муроносицамъ онъ могъ и не говорить, такъ какъ муроносицы апостольскаго достоинства, въ собственномъ смыслѣ, не имѣли.

Здѣсь намъ приходится коснуться ближе того совершенно ненаучнаго приѣма Штраусовой критики, о которомъ мы упомянули уже выше въ общей характеристикѣ метода, приѣмовъ и тактики, которыми пользуется Штраусъ для превращенія евангельской исторіи въ мнѣніи сказанія. Если евангелистъ не упоминаетъ о какомъ либо событіи или отдѣльномъ обстоятельстве этого событія, то Штраусъ прямо утверждаетъ, что онъ о нихъ *ничего не знаетъ* (*weiss nichts*); но если онъ о нихъ *ничего не знаетъ*, то этимъ онъ-де „непримиримо противорѣчить“ тому евангелисту, который о нихъ повѣствуетъ; а съ другой стороны—если евангелистъ рассказываетъ о такомъ событіи, о которомъ другіе *ничего не знаютъ*, то ясно—моль, что онъ его измышляетъ, говоритъ о томъ, чего на самомъ дѣлѣ никогда не бывало. Но допустимъ ли подобнаго рода чисто софистическій приѣмъ въ объективно-научной критикѣ? На этотъ вопросъ мы уже отвѣтили. Между тѣмъ, у Штрауса этотъ совершенно ненаучный приѣмъ критики имѣетъ господствующее значеніе и производитъ впечатлѣніе на довѣрчивыхъ читателей. Имъ пользуется Штраусъ даже тотчасъ послѣ указанія на молчаніе Апостола Павла о явленіи воскресшаго Иисуса Христа муроносицамъ. „Какъ на перваго (мужчину, если хотите), удостоившагося явленія Воскресшаго,—говоритъ Штраусъ,—Лука (24, 34), какъ и Павелъ, указываетъ на Петра; но о такомъ, бывшемъ Петру особю, явленіи *ничего однако же не знаютъ* Маркъ и Матѳей, а также и Іоаннъ, они *знаютъ только* о явленіи всѣмъ Апостоламъ, которое Павелъ отличаетъ отъ явленія Петру“. По поводу этого разсужденія мы должны сказать, что Штраусъ совершенно не имѣлъ никакого права утверждать, что Матѳей, Маркъ и Іоаннъ *ничего не знаютъ* о явленіи Иисуса Христа по воскресеніи Апостолу Петру; самое большее, что онъ могъ сказать, это то, что названные евангелисты въ своихъ Евангеліяхъ не повѣствуютъ объ этомъ явленіи. Но вѣдь этого не дѣлаетъ и Лука. Онъ лишь упоминаетъ, что десять Апостоловъ въ бесѣдѣ съ эммаус-

скими путниками „говорили, что Господь истинно воскресъ и явился Симоу“. Лука же самъ нигдѣ не рассказываетъ объ этомъ явленіи, какъ не рассказываютъ о немъ и остальные евангелисты. Но значить ли это, что они *ничего не знали* о немъ и что о немъ *ничего не знали* даже и Лука? Кромѣ того, десять Апостоловъ у самого Луки, упоминая о явленіи Иисуса Христа Петру, ничего не говорятъ о Его явленіи мѣроносицамъ; значить ли это, что о такомъ явленіи они *ничего не знали*, хотя о немъ упоминаютъ эммаусскіе путники даже въ бесѣдѣ съ Самимъ Иисусомъ Христомъ?

Ненаучно и небезпристрастно поступаетъ Штраусъ, увѣряя своихъ читателей въ томъ, что, по Лукѣ, Иисусъ Христосъ явился по воскресеніи Петру прежде всѣхъ другихъ Его послѣдователей, потому что Лука подробно повѣствуетъ о явленіи Его эммаусскимъ спутникамъ прежде, чѣмъ приводитъ случайное упоминаніе десяти Апостоловъ о явленіи Господа Петру. Самъ Апостоль Павелъ придерживается не хронологической послѣдовательности явленій воскресшаго Спасителя, а упоминаетъ прежде всего о явленіи Петру только потому, что онъ причислялъ его къ „почитаемымъ столпамъ“ (Гал. 2, 9) первенствующей Церкви. Въ этомъ смыслѣ, быть можетъ, заслуживаетъ вниманія предположеніе Штрауса о томъ, что Павелъ не упоминаетъ о явленіи Иисуса Христа эммаусскимъ путникамъ, потому что это событіе „казалось ему слишкомъ незначительнымъ“. Само по себѣ оно „незначительнымъ“ не было; но Павелъ могъ, дѣйствительно, не упоминать о немъ, потому что эммаусскіе путники не принадлежали къ двѣнадцати Апостоламъ или „столпамъ Церкви“, а Павелъ, какъ сказано, имѣлъ въ виду намѣреніе—доказать коринтянамъ свое равенство съ послѣдними.

Несправедливо также поступаетъ Штраусъ, утверждая, что о явленіи Господа нашего Иисуса Христа эммаусскимъ путникамъ *ничего не знаютъ* другіе евангелисты, кромѣ Луки, ибо они, какъ и Апостоль Павелъ, прекрасно могли знать всѣ подробности этого событія и могли имѣть достаточныя причины не говорить о немъ, а о Маркѣ нельзя сказать даже и этого, ибо онъ хорошо знаетъ (16, 12), что послѣ встрѣчи съ Маріею Магдалиною и другими мѣроносицами воскрес-

шій Спаситель „явился въ иномъ образѣ двумъ ученикамъ на дорогѣ, когда они шли въ селеніе“.

Штраусъ думаетъ подорвать достовѣрность повѣствованія евангелистовъ о воскресеніи Іисуса Христа указаніемъ на то, что не всѣ евангелисты говорятъ объ однихъ и тѣхъ-же явленіяхъ Воскресшаго. Но евангелисты сами ясно даютъ понять (срв. напр. Іоан. 21, 25), что они и не считали своею цѣлю—въ послѣдовательномъ порядкѣ и обстоятельно повѣствовать о всѣхъ, безъ пропуска, явленіяхъ Спасителя по воскресеніи. Такая задача была бы имъ не подъ силу. Имъ нужно было только привести фактическія доказательства того, что Іисусъ Христосъ, дѣйствительно, тѣлесно воскресъ изъ мертвыхъ; а этой цѣли они достигали уже упоминаніемъ о нѣсколькихъ явленіяхъ Его по воскресеніи. Какъ извѣстно, христіанскіе экзегеты насчитываютъ *десять* случаевъ явленія Іисуса Христа по воскресеніи изъ мертвыхъ: 1) Маріи Магдалинѣ, 2) женамъ-муроносицамъ, 3) двумъ ученикамъ, шедшимъ въ Эммаусъ, 4) Апостолу Петру, 5) десяти ученикамъ, собраннымъ вмѣстѣ, 6) одиннадцати ученикамъ (вмѣстѣ съ Томою), 7) семи ученикамъ на берегу Тиверіадскаго озера, 8) пятистамъ вѣрующимъ, 9) Апостолу Іакову и 10) одиннадцати ученикамъ въ день вознесенія на небо. Первые пять случаевъ имѣли мѣсто въ Іерусалимѣ, три слѣдующіе—въ Галилеѣ, явленіе Апостолу Іакову произошло неизвѣстно—гдѣ, а послѣднее на горѣ Галилеѣ близъ Іерусалима. Но этимъ числомъ явленія Спасителя по воскресеніи ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть ограничиваемы. Въ книгѣ Апостольскихъ Дѣяній Лука ясно говоритъ, что Іисусъ Христосъ являлся ученикамъ *со многими вѣрными доказательствами* въ продолженіе сорока дней, бесѣдуя съ ними о Царствіи Божіемъ (Дѣян. 1, 3). Слѣдовательно, если допустить, что Іисусъ Христосъ являлся Апостоламъ только по одному разу въ день, то такихъ явленій было не десять, а не менѣе сорока, и всѣ они были „со многими вѣрными доказательствами“. Такимъ образомъ, когда Штраусъ указываетъ на то, что у одного евангелиста отмѣчается больше случаевъ явленія воскресшаго Спасителя, чѣмъ у другого, то этимъ онъ совершенно ничего не говоритъ противъ самой достовѣрности евангельскихъ повѣствованій.

Теперь перейдемъ къ тѣмъ „непримиримымъ противорѣчїямъ“, которыя самъ Штраусъ, какъ мы видѣли, называетъ „второстепенными“, но которымъ онъ однако-же, въ дѣйствительности, приписываетъ весьма важное значеніе. Первое изъ нихъ относится къ *числу женъ-муроносицъ*, приходившихъ ко гробу Господа нашего Иисуса Христа въ день самаго воскресенія. По Лукѣ, женъ-муроносицъ было много: Марія Магдалина, Марія Іаковлева, Іоанна и *еще нѣкоторыя другія*; по Марку—три: Марія Магдалина, и Марія Іаковлева, и Саломія, по Матѳею—двѣ: Марія Магдалина и другая Марія, а Іоаннъ называетъ лишь одну Марію Магдалину. Отметимъ прежде всего здѣсь между прочимъ то, что Штраусъ далеко не первый обратилъ вниманіе на это мнимое противорѣчіе евангельскихъ повѣствованій и не ему принадлежитъ незавидная честь его открытія. Въ качествѣ перваго серьезнаго критика нашихъ каноническихъ Евангелій на него указалъ уже Цельсъ, которому отвѣчалъ Оригенъ. Кромѣ того, попытки объясненія этого „противорѣчія“ мы встрѣчаемъ и у другихъ древнихъ писателей-апологетовъ евангельской исторіи. Такъ, напр., уже въ 5-мъ вѣкѣ по Р. Х. въ Іерусалимѣ проживалъ ученый пресвитеръ Исихій, который думалъ разъяснить это незначительное, по существу, различіе евангельскихъ повѣствованій тѣмъ предположеніемъ, что жены-муроносицы путешествовали ко гробу Иисуса Христа четыре раза и что Духу Святому благоугодно было, чтобы каждый евангелистъ описалъ только какое-либо одно изъ этихъ путешествій. Конечно, въ этихъ случаяхъ въ евангельскихъ повѣствованіяхъ уже нельзя было бы видѣть никакихъ разностей и легко можно было-бы получить цѣльный образъ этихъ путешествій, поставивъ только евангельскія повѣствованія одно послѣ другаго. Но, не говоря о томъ, что неудобно и даже страшно предполагать такую раздѣльность рассказовъ въ евангельскихъ повѣствованіяхъ при описаніи одного и того-же событія, мы не можемъ согласиться съ объясненіемъ Исихія уже по одному тому, что оно не имѣетъ для себя никакой исторической почвы и есть лишь результатъ простыхъ предположеній.

Другую попытку примиренія кажущихся противорѣчій евангелистовъ о женахъ-муроносицахъ, путешествовавшихъ ко гробу Спасителя въ день воскресенія, мы встрѣчаемъ у

Евсевія Кесарійскаго, который предполагает, что были двѣ Маріи изъ города Магдалы и что обѣ безразлично назывались Магдалинами. Допустивъ такое предположеніе, Евсевій хочетъ объяснить различіе евангельскихъ повѣствованій тѣмъ, что евангелистъ Іоаннъ, особенно замѣтно отдѣляющійся въ своемъ разсказѣ о путешествіи женъ отъ другихъ евангелистовъ, описываетъ случившееся только съ одною Магдалиною, а три первые евангелиста изображаютъ въ своихъ повѣствованіяхъ случившееся съ другою Магдалиною и бывшими вмѣстѣ съ нею прочими женами-мученицами. Это предположеніе, очевидно, такъ же произвольно и такъ же не имѣетъ для себя никакихъ историческихъ основаній, какъ и предположеніе Исихія.

Объ этомъ мнимомъ противорѣчій евангельскихъ повѣствованій въ указаніи числа и именъ мученицъ мы уже однажды высказали свое мнѣніе въ своей книгѣ „Жизнь Іисуса Христа“ (изд. 2-е, 1887 г., стр. 776—781) и теперь, чтобы не отсылать читателя къ этой книгѣ, намъ неизбѣжно повторить сказанное.

Намъ кажется, что для объясненія разногласій евангельскихъ повѣствованій объ обстоятельствахъ воскресенія въ частности совершенно нѣтъ нужды прибѣгать къ какимъ-либо особеннымъ измышленнымъ предположеніямъ и догадкамъ, въ родѣ предположеній Исихія и Евсевія. Онѣ могутъ быть объяснены и безъ нихъ. Каждый долженъ согласиться, что, при описаніи того или другого историческаго событія исключительное вниманіе повѣствователя обращаетъ на себя только главный предметъ повѣствованія, а потому и достоверность историческихъ повѣствованій вообще измѣряется согласіемъ повѣствователей только въ характеристикахъ главнаго предмета. Лица и событія второстепенныя, съ чѣмъ согласенъ, какъ мы видѣли, и Штраусъ, могутъ обращать на себя вниманіе повѣствователя лишь настолько, насколько они имѣютъ прямую связь и непосредственное отношеніе къ главному предмету повѣствованія. Въ противномъ случаѣ разсказъ не только потеряетъ свое единство и цельность, но можетъ превратиться въ такой хаосъ, что читателю даже трудно будетъ ориентироваться въ немъ и понять, о чемъ, собственно, повѣствователь хочетъ говорить. Въ примѣръ можно взять искусство живописи. Представимъ себѣ

какую-либо картину, изображающую известное событіе въ дѣйствовавшихъ лицахъ. На первомъ, т. е. самомъ видномъ мѣстѣ обыкновенно изображаются только главные лица событія; лица же второстепенныя всегда поставляются на заднемъ планѣ, безъ особеннаго колорита и, по большей части, въ тѣни, что дѣлается, очевидно, для того, чтобы лучше и отчетливѣе очертить образы главныхъ дѣйствующихъ лицъ. То же самое нужно сказать и объ изображеніи историческомъ, т. е. объ историческихъ повѣствованіяхъ евангелистовъ о воскресеніи Господа нашего Іисуса Христа. Главнымъ предметомъ разсказа является лишь самый фактъ воскресенія или—точнѣе то обстоятельство, что гробъ, въ которомъ было положено тѣло Спасителя по снятіи со креста, въ известный историческій моментъ оказался пустымъ, и эту пустоту гроба ангелъ объяснилъ женамъ-муроносицамъ воскресеніемъ Іисуса Христа изъ мертвыхъ. Въ указаніи на этотъ главный предметъ событія евангелисты до буквальной согласны между собою; слѣдовательно, ихъ повѣствованія несомнѣнно истинны. Правда, въ описаніи побочныхъ обстоятельствъ, въ данномъ случаѣ—въ указаніи числа женъ-муроносицъ и ихъ именъ, они неполнѣ согласны между собою, или—вѣрнѣе этому обстоятельству они не посвящаютъ одинаковаго вниманія. Но само собою разумѣется, что этого имъ ставить въ вину нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, что вышло бы изъ историческаго повѣствованія, если бы вниманіе повѣствователей одинаково было посвящено какъ главному предмету повѣствованія, такъ и всѣмъ обстоятельствамъ второстепеннымъ? Что вышло бы изъ того, если бы, вмѣсто описанія главнаго предмета повѣствованія, наши евангелисты стали перечислять всѣхъ женъ-муроносицъ, приходившихъ ко гробу Іисуса Христа, сообщать точныя біографическія свѣдѣнія о нихъ, указывать мѣста ихъ жительства, подробно трактовать объ ихъ сборахъ къ путешествію, мѣстѣ, цѣнѣ, достоинствѣ и мелочныхъ условіяхъ пріобрѣтенія и составѣ ароматовъ, о внѣшнемъ видѣ муроносицъ, ихъ костюмахъ и т. д. Описаніе подобныхъ, чисто второстепенныхъ и даже третьестепенныхъ обстоятельствъ при повѣствованіи о какомъ либо историческомъ событіи, естественно, можетъ быть обусловливаемо только личными, индивидуальными свойствами самихъ повѣствователей, и у различныхъ писателей можетъ быть весьма различно и

разнообразно до безконечности: это—то же, что обыкновенно называютъ авторскими особенностями; а авторскихъ особенностей, уже по одному тому, что онѣ *особенности*, нельзя подводить подъ какой либо одинъ общій законъ, а слѣдовательно нельзя и предъявлять къ нимъ одни и тѣ-же требованія. Въ данномъ случаѣ Штраусу желательно знать лишь точное число и имена женъ-муроносицъ, а другому евангельскому критику, быть можетъ, захочется знать и нѣкоторыя подробности о нихъ, въ родѣ указанныхъ выше. Какой же писатель, а тѣмъ болѣе—историческій, можетъ предвидѣть и заблаговременно удовлетворить прихотливому и даже совершенно неосновательному любопытству своихъ читателей, жившихъ послѣ него двѣ тысячи лѣтъ спустя? Вотъ почему, если бы евангелисты разнились между собою даже въ такой степени, что одни переименовали всѣхъ женъ, приходившихъ ко гробу Іисуса Христа, а другіе не назвали по имени ни одной изъ нихъ, то и въ такомъ случаѣ ихъ различіе относительно этого обстоятельства не могло бы бросать тѣни на достовѣрность ихъ повѣствованія, а тѣмъ болѣе—не можетъ быть названо „непримиримымъ противорѣчіемъ“, хотя бы то даже и „второстепеннымъ“. Но наши евангельскія повѣствованія и въ описаніи „второстепенныхъ“ обстоятельствъ стоятъ другъ къ другу гораздо ближе, чѣмъ утверждаетъ Штраусъ, и не только не противорѣчатъ, а, напротивъ, лишь уясняютъ одно другое. Ихъ различіе въ частностяхъ даже выгодно для нихъ: оно, какъ утверждалъ и Газе, лучше всего доказываетъ, что наши евангельскія повѣствованія, дѣйствительно, писались различными лицами, въ различное время, въ различныхъ мѣстахъ и при различныхъ условіяхъ и не суть только копіи или списки съ какого либо оригинала, чѣмъ въ свою очередь подтверждается историческая достовѣрность и истинность описываемаго въ нихъ событія.

Въ частности, что касается трехъ первыхъ евангелистовъ, то въ общемъ они вполне согласны между собою въ рассказѣ о путешествіи мироносицъ ко гробу Спасителя въ день воскресенія. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ повѣствованіе евангелиста Луки. Дважды говоря о мироносицахъ и разъ называя нѣкоторыхъ изъ нихъ по имени, а въ другой разъ не упоминая объ имени ни

одной изъ нихъ, а называя ихъ просто „женщинами пришедшими съ Иисусомъ изъ Галилеи“ (23, 55) онъ говоритъ, что онѣ пришли ко гробу и вмѣстѣ съ ними „нѣкоторыя другія“ (24, 1). „То были, поясняетъ онъ ниже (ст. 10), Магдалина Марія, и Иоанна, и Марія мать Иакова, и другія съ ними“. Это значитъ, скажемъ вмѣстѣ съ епископомъ Михаиломъ (Лузиннымъ), что мѣроносицъ было не двѣ и не три, а гораздо болѣе, и евангелисты, по своему усмотрѣнiю, поименовали только нѣкоторыхъ изъ нихъ, не имѣя намѣренiя именовать всѣхъ. Матѣей, имѣвшiй обыкновенiе обращать вниманiе только на главный интересъ событiя и говорящiй только вообще сжато (суммарно) о событiяхъ второстепенныхъ (срв. 8, 28—34; 20, 29—34; 27, 32—56), указывая на Марiю Магдалину и „другую“ Марiю, т. е. Иаковлеву, разумѣетъ вмѣстѣ, очевидно, и всѣхъ другихъ женъ, приходившихъ ко гробу Иисуса Христа. Онъ едва ли могъ думать, чтобы перечисленiе всѣхъ женъ-мѣроносицъ имѣло особенную важность и особенный интересъ для его читателей: ему могло (и совершенно справедливо) казаться вполне достаточнымъ, когда читатели будутъ знать, что первыми къ пустому гробу Иисуса Христа приходили именно жены-мѣроносицы; достаточно того, что были поименованы двѣ женщины всѣмъ извѣстныя, которымъ всѣ могли довѣрять. Матѣей называетъ только двухъ женъ—Марiю Магдалину и „другую“ Марiю, такъ какъ, по согласному свидѣтельству всѣхъ евангелистовъ, Магдалина была самою ревностною изъ мѣроносицъ, а Марiя Иаковлева въ этомъ отношенiи занимала послѣ нея первое мѣсто. Такимъ же образомъ объясняется указанiе на мѣроносицъ и у двухъ другихъ евангелистовъ—Марка и Луки. Маркъ не „противорѣчитъ“ ни Матѣею, ни Лукѣ, когда, назвавъ двухъ мѣроносицъ, поименованныхъ Матѣемъ, упоминаетъ еще о третьей—Саломiи, о которой онъ уже говорилъ и раньше въ своемъ Евангелiи (15, 40); не разногласитъ также и Лука, когда къ двумъ, поименованнымъ у первыхъ евангелистовъ, онъ присоединяетъ вмѣсто Саломiи (у Марка) Иоанну, о которой онъ также упоминалъ раньше въ своемъ Евангелiи (8, 3) и „нѣкоторыхъ другихъ женъ“. Прибавленiе или измѣненiе имени одной жены еще не составляетъ не только „непримиряемаго противорѣчiя“, но даже и такого разногласiя, ко-

торое могло бы послужить основаніемъ недовѣрія къ истинности евангельскихъ повѣствованій; оно легко и совершенно естественно объясняется тѣмъ предположеніемъ, что для евангелистовъ имѣлъ болѣе важное значеніе самый фактъ воскресенія Іисуса Христа, чѣмъ то, какимъ образомъ узнали о немъ тѣ или другія отдѣльныя личности.

Штраусъ (можетъ быть, даже умышленно) не обратилъ вниманія на то обстоятельство, что евангелисты, отличаясь между собою въ поименованіи той или другой мѣроносицы, имѣли въ виду не одно только путешествіе ихъ ко гробу Іисуса Христа, но и различныя ихъ дѣйствія, вслѣдствіе которыхъ онѣ какъ-бы представляютъ собою нѣкоторое исключеніе изъ числа остальныхъ мѣроносицъ. Такъ, Маркъ, называетъ Марію Магдалину, Марію Іаковлеву и Саломію, замѣчаетъ, что именно эти женщины *купили ароматы, чтобы идти—помазать тѣло Христа* (16, 1); Лука, сказавъ, что вообще „женщины, пришедшія съ Іисусомъ изъ Галилеи“, „пришли ко гробу и вмѣстѣ съ ними нѣкоторыя другія“, называетъ въ частности Магдалину Марію, и Іоанну, и Марію, мать Іакова, какъ такихъ, *которыя рассказали Апостоламъ* о явленіи имъ ангеловъ, возвѣстившихъ имъ воскресеніе Христово (Лук. 24, 10). О какомъ же здѣсь противорѣчьи можетъ быть рѣчь? Штраусу какъ бы хочется, чтобы Маркъ назвалъ Іоанну въ числѣ попутательницъ ароматовъ, хотя бы она не была таковою; или—чтобы Лука причислилъ Саломію къ женщинамъ, возвѣстившимъ о воскресеніи Спасителя Апостоламъ, хотя на самомъ дѣлѣ это сдѣлала не она, а Іоанна...

Наконецъ, указаніе Штрауса на мнимое противорѣчіе евангельскихъ повѣствованій относительно числа и именъ мѣроносицъ представляется, по меньшей мѣрѣ, страннымъ. Вѣдь противорѣчіе было бы только тогда, если бы Матѳей, напр., называя Марію Магдалину и „другую“ Марію, въ то же время утверждалъ, что, кромѣ нихъ, никакія другія женщины ко гробу не приходили; или—если бы Маркъ сказалъ, что, кромѣ названныхъ имъ трехъ женщинъ, у гроба Спасителя никакихъ другихъ мѣроносицъ не было. Но вѣдь ни Матѳей, ни Маркъ ничего такого не говорятъ. Въ чемъ же ихъ противорѣчіе? А кому противорѣчитъ Лука, который утверждаетъ, что ко гробу Спасителя приходили вообще

жены—галилеянки и другія съ ними, очевидно, не—галилеянки, а даже жительницы Иерусалима?

Труднѣе, повидимому, рѣшить вопросъ о женахъ-мвророносицахъ, когда повѣствованія трехъ первыхъ евангелистовъ о воскресеніи Иисуса Христа мы сравнимъ съ повѣствованіемъ Іоанна (20, 1—18). На первый взглядъ, дѣйствительно, можетъ показаться, что между рассказомъ Іоанна и повѣствованіями трехъ первыхъ евангелистовъ совершенно нѣтъ сходства. Но такое сходство обнаруживаетъ уже Лука, который говоритъ о Петрѣ, что, послѣ перваго благовѣстія о воскресеніи Спасителя, онъ послѣдно отправился ко гробу (24, 12), а также и Маркъ, который замѣчаетъ, что Иисусъ Христосъ, воскресши рано въ первый день недѣли, явился сперва, т. е. прежде всѣхъ, Маріи Магдалинѣ, изъ которой изгналъ семь бѣсовъ, а она пошла и возвѣстила бывшимъ съ Нимъ, плачущимъ и рыдающимъ (16, 9, 10). Впрочемъ, при извѣстныхъ предположеніяхъ, замѣтное уклоненіе въ этомъ отношеніи евангельскихъ повѣствованій превращается даже въ полную гармонію, а сами евангельскія повѣствованія имѣютъ такой видъ, какъ это и должно быть, тогда различные писатели сообщаютъ объ одномъ и томъ же событіи, но когда однако-же они сами находились не въ одинаковомъ отношеніи къ описываемому ими событію.

Сравнивая евангельскія повѣствованія о воскресеніи Господа нашего Иисуса Христа, необходимо прійти къ заключенію, что Марія Магдалина предпринимала путешествіе ко гробу Иисуса Христа первоначально одна, самолично, отдѣльно отъ другихъ женъ и даже не въ одно съ ними время: именно—она отправилась ко гробу „рано, когда было еще темно“ (Іоан. 20, 1); другія же жены хотя также пошли ко гробу „весьма“ (Марк. 16, 12) или „очень“ (Лук. 24, 1) рано, но всетаки уже „на разсвѣтѣ“ (Мѣ. 28, 1) или даже „при восходѣ солнца“ (Марк. 16, 2).—При такомъ предположеніи евангельскія повѣствованія, дѣйствительно, образуютъ одно гармоническое цѣлое и даютъ возможность яснѣе и нагляднѣе представить себѣ самое событіе. Прежде всего здѣсь уже не можетъ быть рѣчи ни о какихъ „непримиримыхъ противорѣчійхъ“ ни относительно времени путешествія женъ-мвророносицъ ко гробу Спасителя, ни о числѣ ихъ, такъ какъ три первые евангелиста и Іоаннъ рассказываютъ не объ

одномъ и томъ же, а о различныхъ моментахъ событія. Здѣсь можетъ быть рѣчь лишь о томъ, что три первые евангелиста, если и не опустили совсѣмъ, то только указали, но во всякомъ случаѣ не повѣствуютъ подробно о единоличномъ путешествіи Маріи Магдалины ко гробу Іисуса Христа, и намъ, такимъ образомъ, остается рѣшить вопросъ: отчего въ трехъ первыхъ евангельскихъ повѣствованіяхъ могъ оказаться этотъ пробѣлъ и почему о путешествіи Маріи Магдалины ко гробу Спасителя, равно какъ и о другихъ обстоятельствахъ, находящихся въ связи съ этимъ путешествіемъ, говоритъ одинъ евангелистъ Іоаннъ? Хотя, конечно, весьма трудно съ точностію утверждать, почему тотъ или другой историческій писатель говоритъ подробно объ одномъ событіи и почти опускаетъ другое, тѣмъ не менѣе въ данномъ случаѣ намъ кажется возможнымъ указать болѣе или менѣе вѣрное предположеніе. Во—первыхъ, это—не единственный случай, когда евангелистъ Іоаннъ восполняетъ повѣствованія трехъ первыхъ евангелистовъ; а во—вторыхъ, Іоаннъ повѣствуетъ здѣсь только о томъ, что онъ самъ испыталъ, чему онъ самъ былъ свидѣтелемъ—очевидцемъ и что онъ узналъ лично отъ непосредственной свидѣтельницы—Маріи Магдалины. Какъ любимый ученикъ Христа, самъ бывший свидѣтелемъ того, что гробъ былъ пустъ, Іоаннъ чувствовалъ себя вынужденнымъ сохранить каждую черту того великаго событія, которое имѣло столь важное значеніе въ жизни и дѣлѣ Его Божественнаго Учителя. Какъ очевидецъ, онъ долженъ былъ и другимъ рассказать, что онъ видѣлъ вмѣстѣ съ Петромъ, когда они отправились ко гробу Спасителя; а ихъ путешествіе находилось въ связи съ путешествіемъ Магдалины. Напротивъ другіе евангелисты сами не были свидѣтелями всего происходившаго въ это великое утро у гроба Христа, а то, о чемъ они рассказываютъ, они узнали, по всей вѣроятности, другимъ путемъ, чѣмъ Іоаннъ, т. е., не отъ Маріи Магдалины, а отъ какой либо другой мученицы которая, конечно, видное мѣсто въ своемъ рассказѣ предоставляла не Маріи Магдалинѣ, а себѣ, какъ непосредственной свидѣтельницѣ всего происшедшаго, и бывшимъ съ нею другимъ женамъ вообще. Мало того: первые евангелисты, имѣя намѣреніе говорить только о томъ, что представляло общій интересъ для всѣхъ послѣдователей

Христа, не придавали, конечно, особеннаго значенія тому, что въ частности случилось только съ отдѣльными лицами (напр., Петромъ и Иоанномъ, не видѣвшими ни воскресшаго Спасителя, ни ангеловъ); но такъ какъ, и по ихъ свѣдѣнїямъ, *прежде всѣхъ* (Марк. 16, 9, 10) Господь явился именно Магдалинѣ; то очевидно, что, уже въ виду одного этого, ея имени нельзя было совершенно опустить, почему три первые евангелиста, дѣйствительно, и ставятъ ея имя на первомъ мѣстѣ между именами мѣроносицъ. Выдѣлить Магдалину изъ этого ряда и упомянуть о томъ, что ея *первой* явился Спаситель по воскресенїи Своемъ, Маркъ имѣлъ почти такое же побужденіе, какъ и Иоаннъ. Онъ, какъ мы видѣли, написалъ свое Евангеліе со словъ Апостола Петра, а Петръ, какъ и Иоаннъ, впервые услышалъ именно отъ Магдалины о томъ, что гробъ, въ которомъ было положено тѣло Иисуса Христа, оказался пустымъ въ раннее утро послѣ субботы. Нельзя думать, чтобы Петръ не говорилъ объ этомъ своему постоянному спутнику и преданному ученику—Марку. „Непримиримое противорѣчіе“ между евангелистами относительно числа женъ, путешествовавшихъ ко гробу Спасителя, было бы только въ томъ случаѣ, если бы Иоаннъ, говоря о путешествїи Магдалины, отрицалъ путешествіе другихъ мѣроносицъ. Но онъ этого не дѣлаетъ: онъ только умалчиваетъ о немъ, по выраженїю Штрауса *ничего не знаетъ* о немъ. Тѣмъ не менѣе въ его Евангелїи есть указаніе на то, что и путешествіе другихъ мѣроносицъ ко гробу Иисуса Христа ему было извѣстно. Именно ему самому говорила Магдалина „унесли Господа изъ гроба и *мы не знаемъ* (ὁδάρειν), гдѣ положили Его“ (Іоан. 20, 2), Кто же былъ въ сообществѣ Магдалины? Петръ и Иоаннъ только отъ Магдалины узнаютъ о пустотѣ гроба. Ясно, что въ этомъ случаѣ Марїя говоритъ отъ лица своихъ подругъ—мѣроносицъ.

„Непримиримое противорѣчіе“, хотя и „второстепенное“, Штраусъ усматриваетъ также въ указанїи евангелистовъ на *число ангеловъ*, которыхъ видѣли мѣроносицы въ утро воскресенїя Христова. По Лукѣ, говоритъ онъ, мѣроносицы видятъ *двухъ* ангеловъ, по Марку и Маттею,—только одного, по Иоанну,—опять *двухъ*. Указаніе на это мнимое противорѣчіе, сдѣланное въ первый разъ еще Цельсомъ, мы встрѣчаемъ уже у деистовъ и рационалистовъ XVIII вѣка,—и Штрауса, слѣдо-

вательно, нельзя назвать его виновникомъ. Объясненіе его, предлагаемое христіанскими апологетами, основывается на томъ предположеніи, что евангелисты въ данномъ случаѣ говорятъ не объ одномъ и томъ же, а о разныхъ моментахъ событія. И съ этимъ объясненіемъ нельзя не согласиться. Взятые евангелистами моменты явленія ангеловъ, дѣйствительно, не одни и тѣ же: по Маттею, мурносицы видѣли ангела *сидящимъ на камнѣ у дверей гроба*; по Марку, ангелъ въ видѣ юноши, облеченный въ бѣлую одежду, находился *въ самомъ гробѣ* на правой сторонѣ отъ входа; по Лукъ, два ангела, въ видѣ мужей, въ одеждахъ блистающихъ, *вдругъ, т. е., мгновенно предстали предъ мурносицами во гробѣ*; по Иоанну, Магдалина видѣла двухъ ангеловъ, въ бѣломъ одѣяніи, *сидящихъ*, одного у главы, а другого у ногъ, гдѣ лежало тѣло Иисуса Христа. Противъ этого объясненія отрицательные критики евангельской исторіи возражаютъ обыкновенно вопросомъ: значить, ангелы у гроба Иисуса были и не одни и тѣ же? На этотъ вопросъ можно отвѣчать только утвердительно, ибо невольно припоминаются здѣсь слова Лессинга, относившагося, какъ извѣстно, къ пониманію Св. Писанія съ такою благоразумною независимостію, которая чужда отрицательнымъ критикамъ новѣйшаго времени: „Холодные отыскиватели противорѣчій! Неужели вы не видите, что евангелисты не считаютъ ангеловъ? Весь гробъ, все обширное пространство около гроба невидимо было наполнено ангелами. Здѣсь было не только два ангела, какъ какіе-нибудь два гренадера, которые стоятъ у дверей квартиры ушедшаго генерала,—здѣсь были милліоны ихъ, не всегда являлся одинъ и тотъ же, не всегда—одни и тѣ же два. То являлся тотъ, то—тотъ; то—въ одномъ мѣстѣ, то—въ другомъ; то—одинъ, то—въ сообществѣ; то они говорили то, то—это“. Намъ, конечно, ничего не остается, какъ только согласиться съ этимъ мнѣніемъ лучшаго нѣмецкаго критика. Правда, противъ него, какъ предвидѣлъ и самъ Лессингъ, всегда могутъ сказать, что оно—болѣе поэтическій образъ, чѣмъ ученое рассужденіе; но не нужно забывать, что истина всегда и вездѣ—одна и та же—и въ ученomъ трактатѣ, и въ поэтическомъ произведеніи. Когда Спаситель родился въ Вифлеемѣ, на землю снизошли ангелы въ многочисленномъ воинствѣ, чтобы возвѣстить людямъ „великую

радость“ и воспѣть славу Божию (Лук. 2, 9—14); ангелы служили Иисусу Христу во время Его земной жизни (Матѳ. 4, 11); они укрѣпляли Его немощную плоть въ саду Геосиманскомъ (Лук. 22, 43); болѣе двѣнадцати легионовъ ангеловъ Отець Небесный всегда могъ предоставить Сыну Своему по Его молитвѣ (Матѳ. 26, 53). Могли ли ангелы, желающіе „приникнуть“ въ дѣло человѣческаго спасенія, совершеннаго Иисусомъ Христомъ (1 Петр. 1, 12) и посылаемые на служеніе для тѣхъ, которые имѣютъ наслѣдовать спасеніе (Евр. 1, 14), не снизойти во множествѣ ко гробу Господню, что бы возвѣстить людямъ необычайно радостную вѣсть о побѣдѣ смерти воскресеніемъ Христовымъ? А кто исчислить неисчислимое?

О томъ, почему одни евангелисты называютъ ангеловъ ихъ собственнымъ наименованіемъ, а другіе—юношами или мужами, мы уже говорили.

Заключая свои розыски „непримиримыхъ противорѣчій“, Штраусъ снова повторяетъ свое мнѣніе: „въ евангельской исторіи о воскресеніи Іисуса Христа каждый евангелистъ противорѣчитъ всѣмъ другимъ, даже болѣе: каждый изъ нихъ противорѣчитъ самому себѣ“. Но теперь мы имѣемъ возможность судить, насколько неосновательно это утвержденіе и насколько тенденціозно было стремленіе Штрауса—во что бы то ни стало отыскивать въ евангельскихъ повѣствованіяхъ „непримиримыя противорѣчія“. И мы не одиноки съ своимъ сужденіемъ о критикѣ Штрауса. Многіе, совершенно безпристрастные и независимые въ своихъ возрѣніяхъ читатели книги Штрауса были о ней такого же мнѣнія, какъ и мы. Такъ одинъ нѣмецкій ученый, далеко не ортодоксальнаго направленія, профессоръ *Гейнротъ*, прочитавъ книгу Штрауса „Das Leben Iesu“ и въ частности—обративъ вниманіе на его разсужденіе о „непримиримыхъ противорѣчіяхъ“ въ евангельской исторіи воскресенія Іисуса Христа, писалъ въ своемъ критическомъ отзывѣ: „Прежде всего я долженъ открыто заявить, что д-ръ Штраусъ своими насильственными нападками на историческую достовѣрность четырехъ Евангелій ничуть не поколебалъ моего убѣжденія въ ней. Какъ часто разсказываютъ о событіяхъ различнымъ образомъ! Различіе вѣдь еще не есть противорѣчіе! Даже погрѣшности въ какомъ либо разсказѣ не вредятъ исторіи

самой по себѣ, а еще менѣе простое различіе и разнообразіе имѣютъ значеніе въ такомъ повѣствованіи, какъ евангельскія, отражающія внутреннее единство повѣствуемаго предмета въ различныхъ частностяхъ“. И, дѣйствительно, даже друзья Штрауса не отвергаютъ того, что, различаясь въ незначительной мѣрѣ въ описаніи нѣкоторыхъ частныхъ, наши евангелисты согласно повѣствуютъ о тѣхъ моментахъ въ исторіи воскресенія Иисуса Христа, которыя самъ Штраусъ называетъ „главными“. Такъ, 1) всѣ они согласны между собою въ томъ, что въ день, слѣдующій за субботою, гробъ Иисуса Христа оказался пустымъ; въ немъ остались только нѣкоторыя погребальныя вещи (пелены и сударь), тѣла же Иисусова въ немъ уже не было; 2) всѣ евангелисты согласно утверждаютъ, что камень былъ отваленъ отъ дверей гроба еще до прибытія мѣроносицъ; 3) слова ангела также передаются евангелистами въ существенномъ весьма согласно; 4) никто изъ евангелистовъ не говоритъ, что мѣроносицы видѣли стражу у гроба, а Маттеей даже объясняетъ то обстоятельство, почему ея не было въ то время у гроба и почему ея, слѣдовательно, нельзя было видѣть, наконецъ, 5, всѣ евангелисты согласно утверждаютъ, что въ тотъ самый день, когда гробъ оказался пустымъ, Иисусъ Христосъ являлся тѣлесно живымъ многимъ лицамъ—Маріи Магдалинѣ, женамъ-мѣроносицамъ, всѣмъ своимъ ученикамъ, собраннымъ вмѣстѣ, бесѣдовалъ съ ними и даже позволялъ осязать себя въ доказательство того, что Онъ—не пустой призракъ.

Появленіе мнимыхъ противорѣчій въ нашихъ евангельскихъ повѣствованіяхъ Штраусъ объясняетъ тѣмъ, что ни одинъ евангелистъ не былъ свидѣтелемъ очевидцемъ описываемыхъ событій и даже не слышалъ о нихъ отъ очевидцевъ. Но это утвержденіе, какъ мы видѣли уже, голословно и легкомысленно. Мы знаемъ свидѣтельство Папія о Маттееѣ и Маркѣ. Что же касается Луки, то онъ самъ свидѣтельствуется, что написалъ свое Евангеліе, какъ „твердое основаніе“ христіанскаго ученія, „по тщательномъ изслѣдованіи всего сначала, по порядку, какъ передали ему то бывшіе съ самага начала очевидцами и служителями Слова“. Евангелистъ Іоаннъ не разъ говоритъ о себѣ, какъ объ очевидцѣ описываемыхъ имъ событій (1, 14; 19, 35; 21, 24). Какое же основаніе мы можемъ имѣть для того, чтобы не

вѣрить этимъ самосвидѣтельствамъ евангелистовъ и свидѣтельству древняго Папія, знавшаго лично всѣхъ Апостоловъ, вращавшагося среди нихъ и бесѣдовавшаго съ ними, и предпочитать имъ голословное и легкомысленное утвержденіе Штрауса? При этомъ вспомнимъ еще разъ, что, по словамъ даже самого Штрауса, въ трехъ первыхъ Евангеліяхъ несомнѣнно находятся „передъ нами замѣтки и воспоминанія (объ Іисусѣ Христѣ), собранныя на мѣстѣ Его дѣятельности, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій“. Не противорѣчитъ ли здѣсь непримиримо самому себѣ уже и Штраусъ?

Что Апостолы видѣли—и даже неоднократно—Іисуса Христа живымъ послѣ Его смерти, этого Штраусъ, впрочемъ, не отвергаетъ, но явленія Воскресшаго онъ признаетъ не объективными и внѣшними, а внутренними и субъективными, вызванными болѣзненнымъ, визионернымъ состояніемъ самихъ учениковъ. О научной несостоятельности визионерной гипотезы по существу мы говорить уже здѣсь не будемъ. Но отмѣтимъ тѣ частные доводы, которыми Штраусъ думаетъ оправдать и вновь обосновать эту гипотезу.

Какъ мы видѣли, евангельскіе рассказы о явленіяхъ воскресшаго Спасителя Штраусъ ставитъ въ аналогію съ исторіею герцога Ульриха Вюртембергскаго, изгнаннаго изъ отечества швабскимъ союзомъ. Его видѣла расхаживающимъ по странѣ какая-то хозяйка мюнхингенской гостинницы и одинъ неизвѣстный мальчуганъ, повстрѣчавшійся съ нимъ въ лѣсу. „Подобные обманы, говоритъ Штраусъ, могли происходить также и въ нашемъ случаѣ“. Какое легкомысленное разсужденіе! Ульрихъ не былъ умерщвленъ; онъ только былъ изгнанъ изъ страны. Онъ и дѣйствительно могъ являться въ странѣ, скрываясь днемъ въ лѣсахъ, и фантазія могла представлять его расхаживающимъ по его бывшему герцогству, хотя бы на самомъ дѣлѣ этого и не было. Хозяйка въ мюнхингенской гостинницѣ и мальчикъ въ лѣсу видѣли не фантастическіе образы, а какихъ-то дѣйствительныхъ людей, которыхъ они по чему-либо приняли за Ульриха. Не то намъ говорить евангельская исторія и даже не то имѣетъ въ виду защищаемая Штраусомъ визионерная гипотеза. Евангелисты рассказываютъ, что Іисусъ Христосъ, дѣйствительно умершій на крестѣ, былъ погребенъ въ камен-

номъ, крѣпко запертомъ гробъ, но на третій день воскресъ изъ мертвыхъ и являлся ученикамъ тѣлесно живымъ, чему Онъ представилъ „многія вѣрныя доказательства“ (Дѣян. 1, 3). Защитники визионерной гипотезы утверждаютъ, что Апостолы приняли за явленія Воскресшаго только свои фантастическія, субъективныя видѣнія. Ясно, что примѣръ, приведенный Штраусомъ, ничего не говоритъ даже и въ пользу этой гипотезы.

Какимъ же образомъ, по Штраусу, Апостолы могли превратиться въ визионеровъ? Какъ могло сложиться у нихъ такое настроеніе духа, которое заставляло бы ихъ создавать фантастическіе образы воскресшаго Иисуса Христа? Этотъ трудный вопросъ Штраусъ разрѣшаетъ чрезвычайно легко: послѣ смерти Иисуса Христа Апостолы „ухватились“ за изученіе двадцати двухъ книгъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта, — и это изученіе привело ихъ къ убѣжденію, что хотя Иисусъ Христосъ и умеръ, но Онъ долженъ воскреснуть. Такъ, дѣйствительно, поступаютъ нѣмецкіе ученые профессора. Когда высказанное ими мнѣніе кѣмъ-либо опровергается, они сейчасъ „хватаются“ за различныя книги и справочники и тамъ часто находятъ то, что имъ нужно. Но Апостолы поступить такъ не могли. Они находились не въ такихъ условіяхъ, какъ теперешніе ученые. Въ ихъ вѣкъ книгопечатанія еще не было. Книги Св. Писанія состояли только изъ рукописей. Каждая книга занимала нѣсколько рукописныхъ пергаментныхъ свитковъ, которые были складываемы въ особый ящикъ. Для храненія двадцати двухъ такихъ ящичковъ были устраиваемы особаго рода шкафы. Само собою понятно, что приобрѣтеніе книгъ Св. Писанія въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, было не по средствамъ даже и состоятельнымъ отдѣльнымъ лицамъ. Не всѣ синагоги могли имѣть ихъ; а о бѣдныхъ галилейскихъ рыбакахъ, конечно, и говорить нечего. Кромѣ того, книги Св. Писанія Ветхаго Завѣта были написаны на древне-еврейскомъ языкѣ. Но послѣ плѣна вавилонскаго евреи уже не понимали этого языка и говорили только по-арамейски или — что тоже — на сирохалдейскомъ нарѣчій. По-арамейски говорилъ Спаситель; по-арамейски же говорили и Апостолы. Умѣнье читать книги Св. Писанія на древне-еврейскомъ языкѣ было признакомъ великой школьной учености, какою обладали только книж-

ники и раввины, долгое время посвящавшіе себя изученію языка своихъ отдаленныхъ предковъ. Правда, въ синагогахъ, каждую субботу, послѣ *шемы* (т. е. общей молитвы) раввинъ читалъ *парашагъ* (отрывокъ изъ книгъ Св. Писанія, преимущественно—изъ Пятокнижія Моисея) и *гафтагъ* (отрывокъ изъ пророческихъ книгъ); но рядомъ съ чтецомъ стоялъ непремѣнно и толмачъ (истолкователь), который переводилъ для слушателей каждое прочитанное древне-еврейское слово. Въ нѣкоторыхъ синагогахъ предпочитали читать книги Св. Писанія даже въ греческомъ переводѣ 70-ти толковниковъ, такъ какъ для тогдашнихъ многихъ евреевъ греческій языкъ былъ понятнѣе древне-еврейскаго. Такимъ образомъ усвоить въ большемъ или меньшемъ объемѣ содержаніе ветхозавѣтныхъ писаній могъ только еврей, располагавшій свободнымъ временемъ и средствами и ревностно посѣщавшій синагоги знаменитыхъ и добросовѣстныхъ раввиновъ, въ родѣ Гамалиила. Но для галилеянъ былъ недоступенъ и этотъ способъ изученія книгъ Св. Писанія: Галилея не была такъ богата школами и книжниками, какъ Іудея, и центромъ еврейской учености былъ не Капернаумъ, а Іерусалимъ. Да галилеянамъ, какъ рабочему и трудовому классу еврейскаго народа, и некогда было часто посѣщать синагоги. Жители Іерусалима, такимъ образомъ, имѣли основаніе сложить присловье: „Изъ Назарета можетъ ли быть что доброе?“ и вѣровать, что „спасеніе отъ іудеевъ“. Послѣ этого предположеніе Штрауса, что Апостолы, удрученные смертію Спасителя, „ухватились“ за ветхозавѣтныя Писанія и въ нѣсколько дней изучили ихъ лучше книжниковъ и раввиновъ, кажется простою шуткою. Въ дѣйствительности Апостолы, до сошествія Св. Духа, по ихъ собственному признанію, совершенно не знали Писаній (Іоан. 20, 9) или знали ихъ очень мало и притомъ со словъ другихъ.

Чему же научились, по Штраусу, Апостолы изъ ветхозавѣтныхъ Писаній? Прежде всего они будто-бы узнали, что Мессіи надлежало умереть. „Въ субботу,—разсуждали они, по фантастическому представленію Штрауса,—Богъ почилъ отъ всѣхъ Своихъ дѣлъ; какъ было цѣлесообразно, чтобы и Мессія отдохнулъ въ этотъ день отъ трудовъ Своей чело-вѣческой жизни,—пробылъ во гробѣ субботній покой“. Но

что общаго между субботнимъ покоемъ Іеговы и крестною смертію Іисуса Христа?

На мысль о воскресеніи Іисуса Христа изъ мертвыхъ Апостоловъ навели будто-бы библейскіе рассказы о взятіи на небо Еноха и Іліи, которые въ ихъ глазахъ имѣли однакоже меньшее значеніе, чѣмъ Мессія—Христосъ. Но почему же они не представляли въ своемъ воображеніи и Христа только взятымъ на небо живымъ? Зачѣмъ эти ужасныя крестныя страданія и жестокая смерть? Вѣдь, если евангельскія повѣствованія суть только миеическія сказанія, то миеы могли бы быть составлены и безъ этихъ ужасныхъ страданій.

Штраусъ указываетъ на два-три пророчества, на основаніи которыхъ у Апостоловъ будто-бы явилась мысль о необходимости воскресенія Іисуса Христа. Соглашаемся, что *послѣ воскресенія* (но не смерти) Спасителя Апостолы были увѣрены, что на Іисусѣ Христѣ съ точностію исполнились всѣ ветхозавѣтныя мессіанскія пророчества; но это убѣжденіе они приобрѣли не отъ того, что въ нѣсколько дней изучили книги пророческія, а отъ того, что Самъ воскресшій Спаситель, въ теченіи сорока дней, „начавъ отъ Моисея, изъ всѣхъ пророковъ изъяснялъ имъ сказанное о Немъ во всемъ Писаніи“. До этого же времени, даже видя, что Іисуса Христа нѣтъ во гробѣ, въ которомъ было положено Его мертвое тѣло, „они еще не знали изъ Писанія, что Ему надлежало воскреснуть въ третій день“ (Іоан. 20, 9), „были несмысленными и медлительными сердцемъ, чтобы вѣровать всему, что предсказывали пророки“.

Что касается всей исторіи воскресенія Іисуса Христа изъ мертвыхъ, какъ она изложена въ нашихъ евангельскихъ повѣствованіяхъ, то Штраусъ причисляетъ ее, какъ и всю евангельскую исторію вообще, къ миеамъ, образовавшимся еще при жизни Апостоловъ и при ихъ непосредственномъ участіи, на основаніи ветхозавѣтныхъ мессіанскихъ представлений, т. е. пророчествъ и прообразовъ. Такимъ образомъ, взглядъ Штрауса на воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа находится въ тѣсной и неразрывной связи съ его общимъ взглядомъ на евангельскую исторію; слѣдовательно, и его научная несостоятельность яснѣе всего можетъ быть обнаружена только въ связи съ разборомъ его ложнаго пониманія всей евангельской исторіи. Къ сожалѣнію,

подробно разбирать взглядъ Штрауса на евангельскую исторію вообще здѣсь затруднительно, потому что такой разборъ завлекъ бы насъ въ сторону отъ главнаго предмета нашего разсужденія и значительно расширилъ бы рамки нашего изслѣдованія. Разборъ Штраусовскаго взгляда на евангельскую исторію вообще любознательные найдутъ въ нашей книгѣ „Жизнь Господа нашего Иисуса Христа“ (изд. 2-е, стр. 7—31). Здѣсь же мы коснемся этого взгляда лишь въ краткихъ чертахъ, насколько то необходимо, чтобы обнаружить научную несостоятельность предложеннаго Штраусомъ объясненія евангельскаго повѣствованія о воскресеніи Иисуса Христа изъ мертвыхъ.

Итакъ, что такое, по Штраусу, мифъ вообще? Къ величайшему своему удивленію, мы не нашли у Штрауса точнаго и опредѣленнаго отвѣта на этотъ роковой для него вопросъ. Въ первомъ изданіи своей книги „Das Leben Jesu“ Штраусъ опредѣляетъ мифъ вообще, какъ фантастическое воспроизведеніе или олицетвореніе идей, выраженіе истины въ формѣ басни или аллегоріи, имѣющее своимъ содержаніемъ идеалы, стремленія, задачи, чаянія данной эпохи. Въ частности, въ примѣненіи къ евангельской исторіи, онъ называетъ „мифами“—„историко-подобныя изложенія первохристіанскихъ идей, образовавшіяся въ *неумышленно* absichtslos фантазирующей сагѣ“. Въ изданіи 1864 года онъ уже называетъ евангельскую исторію, напротивъ, „умышленнымъ тенденціознымъ измышленіемъ (*absichtliche Tendenzdichtung*) евангелистовъ“. Чему же вѣрить? Отыскиватель „непримиримыхъ противорѣчій“ въ Евангеліяхъ теперь впадаетъ въ „непримиримое противорѣчіе“ самъ съ собою и оказывается безсильнымъ выйти изъ него. Но этого мало. Какому бы своему опредѣленію мифа Штраусъ ни отдалъ предпочтенія, онъ становится въ „противорѣчіе“ и со всѣми выдающимися представителями въ области изслѣдованій по мифологіи. Извѣстный филологъ К. О. Миллеръ, котораго можно назвать въ собственномъ смыслѣ основателемъ метода новѣйшаго мифологическаго изслѣдованія, еще въ 1825 году (въ своихъ Prolegomena, стр. 110) полагалъ, что сущность мифа состоитъ въ смѣшеніи вымысла съ дѣйствительнымъ фактомъ. Этому опредѣленію мифа, по-видимому, слѣдовалъ первоначально и Штраусъ. Но взглядъ К. О. Миллера скоро

былъ опровергнуть серьезными изслѣдованіями другихъ ученыхъ миѳологовъ, почему, какъ мы видѣли, отказался отъ него и Штраусъ. Л. Преллеръ высказалъ взглядъ на миѳъ, основанный непосредственно на данныхъ греко-римской миѳологіи, по которому миѳы о богахъ суть результатъ того воззрѣнія, которое понимаетъ жизнь и движеніе природы, какъ дѣйствія личныхъ существъ, впрочемъ, въ смыслѣ олицетворенныхъ лишь силъ природы, а не властителей ея, находящихся внѣ и выше самой природы. Но Гергардъ опредѣляетъ миѳъ уже иначе. Онъ говоритъ, что „миѳъ есть повѣствованіе о приключеніяхъ боговъ или иныхъ какихъ-либо доисторическихъ существъ“. Съ такимъ опредѣленіемъ миѳа не соглашается извѣстный миѳологъ—Дитр. Миллеръ. По его опредѣленію, „миѳъ есть въ устахъ народа происшедшій и посредствомъ ихъ передаваемый продуктъ миѳическаго мышленія“, подъ которымъ разумѣется мышленіе безъ рефлексіи, сообщающее полученнымъ представленіямъ и впечатлѣніямъ соотвѣтственныя ему природообразныя формы. Штейнталь предлагаетъ такое опредѣленіе миѳа: „подъ миѳомъ разумѣется весь міръ представленій, свойственный народамъ на первой ступени ихъ развитія, давнымъ-давно пройденной уже народами міровой исторіи, но на которой находятся еще и теперь некультурныя племена и которая свойственна всегда дѣтямъ. Образъ, который рисуетъ себѣ человѣкъ обо всемъ на первой ступени своего развитія, способъ, какъ онъ представляетъ себѣ жизнь и устройство міра, какъ цѣлаго, и какъ онъ объясняетъ себѣ извѣстныя явленія въ природѣ и человѣческой жизни, —какъ онъ понимаетъ, наконецъ, основу всего внѣшняго и внутренняго существованія и свойства всего существующаго, —все это есть миѳъ. Человѣкъ мыслить миѳически, а потому всякая мысль обращается у него въ миѳъ“. Наконецъ, Людвигъ фонъ-Зибель опредѣляетъ миѳъ такимъ образомъ: „миѳъ предполагаетъ наивное, безъ всякой рефлексіи, сознаніе и есть пластическое воззрѣніе, не вполне соотвѣтствующее понятію“.

Такое несогласіе ученыхъ миѳологовъ въ опредѣленіи того, что нужно разумѣть подъ миѳомъ, ясно свидѣтельствуется, что наукою, собственно говоря, еще и до сихъ поръ не указаны для этого понятія точныя и опредѣленныя гра-

ницы и признаки, и Дитр. Миллеръ совершенно правъ, когда говоритъ, что „взгляды новыхъ миеологовъ такъ далеко расходятся между собою, что едва ли и возможно найти какой либо выдающійся пунктъ, относительно котораго не существовало бы многихъ мнѣній, другъ отъ друга уклоняющихся“.

Впрочемъ, миеологи нашего времени, расходящіеся между собою въ опредѣленіи миеа, вполне согласны: 1) въ томъ, что миеы суть дѣло только *народнаго* творчества, но никакъ—не отдѣльныхъ лицъ, и 2) въ томъ, что въ процессѣ образованія всякаго рода миеическихъ представленій необходимо мыслятся дѣйствующими слѣдующіе факторы: а) чувство Божества (Gottesgefühl), б) чувство природы (Naturgefühl) и в) поэтическія, комбинирующія, эстетически-творческія побужденія со стороны *народа*. Съ этой точки зрѣнія даже самъ Штраусъ не могъ утверждать, что евангельская исторія есть миеъ: во-первыхъ въ ней не олицетворяются никакія стихійныя силы природы; слѣдовательно, чувство природы (Naturgefühl) не имѣло никакого значенія въ процессѣ ея образованія; во-вторыхъ, евангельскую исторію нельзя назвать и дѣломъ *народнаго* творчества, т. е. плодомъ еврейскаго миеическаго мышленія. Миеы, въ собственномъ смыслѣ, суть образы специфически-національныя, и ихъ національный, чисто мѣстный отпечатокъ всегда являлся главнымъ препятствіемъ къ ихъ распространенію между другими народами. Греческіе миеы были любезны только грекамъ; германскіе—нѣмцамъ; былины объ Ильѣ Муромцѣ или Микулѣ Селяниновичѣ навсегда останутся близкими только сердцу русскаго народа. Напротивъ, Христосъ, хотя Онъ родился, жилъ, дѣйствовалъ, умеръ и воскресъ въ Палестинѣ, легко воспринимается всѣми націями земного шара, истинно какъ Сынъ Человѣческій. Мало этого. Образъ Христа не только не можетъ быть названъ продуктомъ еврейскаго миеическаго мышленія, но для одного лишь іудейства, среди всего человѣчества, Онъ и представляется исключеніемъ. Для евреевъ Онъ былъ не только неприемлемымъ, но и нетерпимымъ. По евангельскимъ повѣствованіямъ, Христосъ провелъ въ борьбѣ съ представителями іудейства тогдашняго времени всю Свою земную жизнь и умеръ насильственною смертію самаго тяжкаго преступника. Ясно, что для іуде-

евъ, которые Его умертвили, Онъ былъ совершенно чужимъ; а потому и евангельскій образъ Его не можетъ быть признанъ продуктомъ народнаго еврейскаго творчества. Онъ явился среди іудейства отънѣ или, какъ говоритъ въ Евангеліи Самъ Христосъ, былъ посланъ отъ Бога.

Когда такимъ образомъ критика доказала Штраусу, что евангельскій образъ Христа не можетъ быть признанъ миѳомъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. результатомъ неумышленнаго народнаго творчества, Штраусъ съузиль понятіе миѳа и назвалъ уже евангельскія повѣствованія „историко-подобными изложеніями первохристіанскихъ идей, образовавшимися въ неумышленно фантазирующей сагѣ“. Не желая видѣть въ ветхозавѣтныхъ книгахъ мессіанскихъ пророчествъ, онъ какъ на „программу дѣйствій Мессіи“ въ евангельскомъ изложеніи, указалъ на различныя ученія еврейскихъ раввиновъ о Мессіи. Но и этотъ приѣмъ оказался несостоятельнымъ предъ судомъ серьезной критики. Въ самомъ дѣлѣ, если евангельская исторія есть результатъ фантазирующаго творчества, дѣйствовавшаго по канвѣ раввинскихъ изреченій и въ ихъ границахъ,—то почему же именно раввины, эти еврейскіе книжники и мудрецы, первые отвернулись отъ нея? На этотъ вопросъ Штраусъ не могъ дать отвѣта. Онъ самъ увидѣлъ несостоятельность своего взгляда и обратился къ тому, что онъ признавалъ ложнымъ уже въ началѣ своей учено-литературной дѣятельности,—къ груборационалистическому пониманію евангельской исторіи, какъ выдумки отдѣльныхъ лицъ (Реймарусовская гипотеза обмана). Отъ легкомысленнаго рационалиста Реймаруса онъ усиливается отличиться только тѣмъ, что, подъ вліяніемъ своего учителя Баура, мотивомъ этого обмана или выдумки признаетъ тенденціозность. Вотъ почему, въ концѣ концовъ, въ послѣднемъ изданіи своей книги онъ объявилъ всю евангельскую исторію „умышленнымъ тенденціознымъ измышлениемъ евангелистовъ“ (*absichtliche Tendenzdichtung der Evangelisten*). Такъ онъ смотритъ, какъ мы видѣли, въ частности, и на евангельскія повѣствованія о воскресеніи Господа нашего Иисуса Христа. По его мнѣнію, напримѣръ, писатель четвертаго Евангелія измыслилъ свои рассказы о воскресеніи Иисуса Христа только для того, чтобы показать преиму-

щество Іоанна предъ Петромъ. Ясно, что Штраусъ пошелъ не впередъ, а назадъ.

Не трудно, впрочемъ, доказать неосновательность и этого взгляда Штрауса какъ на евангельскую исторію вообще, такъ и на евангельскія повѣствованія о воскресеніи Іисуса Христа въ частности,—тѣмъ болѣе, что лучшимъ помощникомъ нашимъ въ этомъ отношеніи будетъ самъ же Штраусъ. По мнѣнію Штрауса, три первыя Евангелія написаны въ началѣ второго вѣка по Р. Х., а четвертый евангелистъ „не заимствовалъ своихъ разсказовъ изъ какого-либо историческаго документа, а просто-на-просто сочинилъ ихъ сто лѣтъ спустя по своей собственной философской схемѣ“. Наиболѣе достовѣрными писателями Штраусъ признаетъ Апостола Павла и автора Апокалипсиса. Но Апостоль Павелъ, съ половины 1-го вѣка, не только хорошо знаетъ самый фактъ воскресенія Іисуса Христа, но на основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ очевидцевъ—Апостоловъ, довольно подробно указываетъ, кому именно являлся Спаситель. Какимъ же образомъ евангелисты во 2-мъ вѣкѣ по Р. Х. могли „измыслить“ или выдумать то, что, какъ дѣйствительно происшедшее, было хорошо извѣстно Апостолу Павлу въ половинѣ 1-го вѣка и еще раньше его—другимъ Апостоламъ? Далѣе. Штраусъ увѣряетъ, что евангельскія повѣствованія о воскресеніи Іисуса Христа суть „сознательное тенденціозное измышленіе евангелистовъ“; а Апостоль Павелъ, котораго онъ называлъ „доставѣрнымъ писателемъ“, утверждаетъ, что изъ пятисотъ человѣкъ, видѣвшихъ воскресшаго Спасителя, большая часть (т. е. не менѣе 300—400 человѣкъ) были еще живы, когда онъ писалъ свое первое посланіе къ коринѳянамъ. Какимъ же образомъ разсказъ о событіи засвидѣтельствованномъ такимъ количествомъ очевидцевъ можно называть „преднамѣреннымъ тенденціознымъ измышленіемъ“ или выдумкою? Такъ неправда обличаетъ себя всегда.

Довѣря „доставѣрному писателю“—Апостолу Павлу, Штраусъ, долженъ былъ допустить, что Апостолы знали о воскресеніи Іисуса Христа и свои собственные фантастическія галлюцинаціи принимали даже за объективныя явленія воскресшаго. Въ виду этого онъ долженъ былъ допустить и то, что „миѣ“ о воскресеніи Іисуса Христа сло-

жился еще при жизни Апостоловъ. Но здѣсь опять возникаетъ тотъ же роковой вопросъ: какъ можно называть измышленіемъ писателей 2-го вѣка то, что, по словамъ самаго же Штрауса, образовалось еще при Апостолахъ и даже съ ихъ участіемъ, хотя бы то даже и въ видѣ мифа? Впрочемъ, кто знакомъ съ серьезными изслѣдованіями по вопросамъ мифологіи, тотъ не задумается ни на одну минуту объявить наивно-легкомысленнымъ предположеніе Штрауса, что „евангельскій мифъ о воскресеніи Іисуса могъ образоваться еще при Апостолахъ и даже съ ихъ участіемъ“. Во-первыхъ, для образованія какого-бы то ни было мифа требуются вѣка: человѣческой жизни для этого слишкомъ недостаточно; а во-вторыхъ, пусть даже Апостолы ошибочно приняли свои мнимыя галлюцинаціи за внѣшнія и дѣйствительныя явленія воскресшаго Спасителя,—но они были убѣждены въ реальности этихъ явленій, а потому вмѣстѣ съ пятьюстами другихъ очевидцевъ они не допустили бы самой возможности образованія мифа, какъ сказанія или—лучше—измышленія чего-то не бывшаго.

Съ непонятною наивностію представляетъ Штраусъ и самый процессъ образованія этого мнимаго мифа. „Пробывъ послѣ смерти Іисуса нѣкоторое время въ Галилеѣ, пришедши въ себя и снова укрѣпившись въ вѣрѣ въ Іисуса, какъ Мессію Апостолы,—говоритъ Штраусъ,—возвратились (за чѣмъ-то) въ Іерусалимъ, гдѣ основали общину, которая благодаря центральному положенію города, скоро стала центромъ всѣхъ общинъ распятаго и воскресшаго Мессіи. Естественно (?), совершенно было забыто время, когда Апостолы удалялись изъ этого центра, и дѣло приняло такой видъ, что какъ будто-бы Іерусалимъ никогда не былъ безъ этого зерна общины, какъ будто-бы одиннадцать съ самаго начала проживали въ Іерусалимѣ и здѣсь именно были возбуждены къ новой вѣрѣ первыми явленіями ихъ воскресшаго Учителя. Такъ рассказывали объ этомъ въ болѣе позднее время“ и т. д. Когда читаешь это разсужденіе Штрауса о процессѣ образованія „главнаго евангельскаго мифа“, то кажется, что имѣешь дѣло съ какою-то баснею, написанною для малолѣтнихъ дѣтей. Апостолы—видите ли—забыли о своемъ бѣгствѣ изъ Іерусалима, которое находилось въ непосредственной связи со смертію Спасителя! Кто же этому повѣритъ?

Какъ Штраусу не пришло на умъ утверждать еще, что они забыли и о крестной смерти Иисуса Христа! Апостолы, только возвратившись изъ Галилеи, образовали общину въ Иерусалимѣ, которая сразу стала центромъ всѣхъ общинъ распятаго и воскресшаго Мессіи! Что же? Значитъ,—другія общины существовали раньше Иерусалимской? Кто же основалъ ихъ? Это ли не самопротиворѣчіе?

Хотя, по Штраусу, евангельскія повѣствованія о воскресеніи Господа нашего Иисуса Христа суть „преднамѣренное тенденціозное измышленіе“ какихъ-то выдумщиковъ 2-го вѣка, но на самомъ дѣлѣ оказывается, что виновниками ихъ, даже и по мнѣнію Штрауса, были сами Апостолы. Они создали всѣ эти рассказы, „ухватившись за св. Писаніе“. На мысль о неизбежности для Мессіи страданій ихъ навелъ пророкъ Исаія своимъ изображеніемъ страдающаго раба Іеговы; о субботнемъ пребываніи Иисуса Христа во гробѣ они измыслили на основаніи свидѣтельства Библии о томъ, что въ субботу Богъ почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ послѣ сотворенія міра. Не доставало ветхозавѣтныхъ указаній для составленія „мнеа“ о воскресеніи Иисуса Христа. Но скоро были найдены и они. Только въ этомъ случаѣ Апостолы не хотѣли руководствоваться прообразовательнымъ значеніемъ трехдневнаго пребыванія Іоны во чревѣ „морского животнаго“, по всей вѣроятности, потому, что въ такомъ смыслѣ изъяснилъ это событіе Самъ Спаситель еще во время Своей земной жизни (Матѣ. 12, 40). Они остановились на словахъ Давида: „Ты не оставишь души Моей во адѣ и не дашь Святому Твоему увидѣть тлѣніе“ (пс. 15, 10),—и миѣ былъ готовъ! „Авторъ этого псалма,—былъ ли то Давидъ или кто другой,—говоритъ Штраусъ,—и въ мысляхъ не имѣлъ говорить отъ лица Мессіи, онъ высказываетъ лишь свое собственное твердое упованіе на Бога; говоря, что Богъ не отдастъ аду его душу, не допуститъ, чтобъ благочестивый слуга Его узрѣлъ преисподнюю, онъ имѣетъ въ виду лишь то, что съ Божьей помощью онъ выйдетъ невредимымъ изъ всякой опасности. Но вѣдь Давидъ,—разсуждали ученики Христа въ поискахъ за новыми доказательствами для своей пошатнувшейся вѣры,—вѣдь Давидъ умеръ и трупъ его сотлѣлъ и разложился; слѣдовательно, онъ не могъ имѣть здѣсь въ виду самаго себя, но, какъ пророкъ,

провидѣлъ въ этихъ словахъ своего великаго Потомка, Мессію, а этимъ Мессіей былъ Іисусъ; значитъ Іисусъ не могъ остаться во гробѣ, не могъ отойти къ царство тѣней. По книгѣ Дѣяній Апостольскихъ (продолжаетъ Штраусъ) Петръ произноситъ это замѣчательное толкованіе уже послѣ воскресенія Христа, въ знаменитый праздникъ Пятидесятницы; а мы, напротивъ, видимъ здѣсь одинъ изъ тѣхъ аргументовъ, которые *помогли ученикамъ Христа создать мифъ* о воскресеніи своего умерщвленнаго Учителя. Ученики Іисуса ухватились за Священное Писаніе и этимъ было сдѣлано многое. При тогдашней манерѣ толковать Писаніе, можно было всегда найти въ немъ все, что требовалось“.

Какая „манера“ толковать слово Божіе была у бѣдныхъ, невѣжественныхъ галилейскихъ рыбаковъ,—мы не знаемъ, да и трудно предполагать, чтобы она была у нихъ вообще, когда имъ, какъ выше уже показано нами, не доступно было даже чтеніе св. Писанія. Раввинское же толкованіе въ синагогахъ было таково, что не привело къ вѣрѣ въ истиннаго обѣтованнаго Мессію даже самихъ раввиновъ. Въ уста учениковъ Христовыхъ здѣсь Штраусъ влагаетъ совершенно вѣрное толкованіе пророчественнаго указанія Давида на воскресеніе Іисуса Христа; но его произнесъ Апостоль Петръ уже въ день Пятидесятницы, тогда Апостолы были просвѣщены Духомъ Святымъ, а не потому, что руководствовался тогдашнею „манерою“ толкованія Св. Писанія. Что же касается толкованія Штрауса, то оно слишкомъ произвольно и тенденціозно даже и для „переноснаго“ смысла, ибо выраженіе „не дать Святому Твоему увидѣть тѣніе“—понимать въ смыслѣ сохраненія благочестиваго раба отъ *всякой* опасности и можно только при той „манерѣ“ толкованія, благодаря которой легко всегда находить въ текстѣ то, что требуется.

Третій именно день для воскресенія Іисуса Христа Апостолы, по словамъ Штрауса, назначили будто-бы потому, что руководствовались „приточнымъ“ значеніемъ его и, между прочимъ, словами, которыя Самъ Іисусъ Христосъ, еще во время Своей земной жизни, повелѣлъ сказать лицецѣ-Ироду; „вотъ Я изгоняю бѣсовъ и совершаю исцѣленія сегодня и завтра, и въ третій день кончу“ (Лук. 13, 32). Допускаетъ

ли здравая логика такіе выводы,—объ этомъ можетъ судить каждый.

Если Христось, дѣйствительно, воскресъ на третій день послѣ Своей смерти,—говоритъ Штраусъ,—то почему до Пятидесятницы Апостолы молчали объ этомъ и ни слова не сказали „широкой публикѣ“? Что апостолы ни отъ кого не скрывали радостнѣйшаго для нихъ событія—воскресенія Иисуса Христа изъ мертвыхъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: Магдалина сообщаетъ вѣсть объ этомъ Петру и Іоанну, другія мѣроносицы—остальнымъ Апостоламъ, эммаусскіе путешественники—случайному незнакомцу, каковымъ они посчитали Самого воскресшаго Христа, и всѣмъ собраннымъ вмѣстѣ Апостоламъ, Апостолы—эммаусскимъ путникамъ—о явленіи Спасителя Петру; въ самомъ непродолжительномъ времени о воскресеніи Иисуса Христа узнали болѣе, чѣмъ пятьсотъ братій. Что же касается „широкой публики“, то если ей до праздника Пятидесятницы ничего не говорили Апостолы о воскресеніи Спасителя, такъ, по всей вѣроятности, только потому, что не было для этого повода, т. е. многочисленнаго собранія народа, которое возможно было лишь въ праздники Пасхи и Пятидесятницы.

Этимъ мы и заканчиваемъ свой разборъ Штраусовскаго взгляда на воскресеніе Господа нашего Иисуса Христа изъ мертвыхъ.

Штраусъ не исполнилъ своего обѣщанія—быть „безпристрастнымъ“ изслѣдователемъ евангельскихъ повѣствованій. Да онъ и не могъ исполнить его. Какъ послѣдователь гегельянской философіи, онъ былъ пантеистъ: онъ отрицалъ самую возможность бытія личнаго Бога; Иисусъ Христось былъ для него только даровитый и выдающійся еврейскій раввинъ, стоявшій однако-же ниже Сакья-муни, Сократа, стоиковъ, Эпиктета и даже раввина Гиллела. Онъ открыто становится на сторону тѣхъ „мыслящихъ людей, которые уже давно перестали считать Христа богомъ“. „Слова символа вѣры о рожденіи Иисуса отъ Духа Святаго и Дѣвы Маріи,—говоритъ Штраусъ,—пахнутъ мифологіей; впрочемъ, греческія легенды о любовныхъ похищеніяхъ боговъ кажутся намъ удачнѣе“. Учитель Штрауса Шлейермахеръ не признавалъ Спасителя ни Богомъ, ни Сыномъ Божиимъ, ни даже Богочеловѣкомъ; но онъ называлъ Его безгрѣшнымъ и

первообразнымъ человѣкомъ, въ которомъ богосознаніе достигло высшей степени своего развитія. Штраусъ не могъ раздѣлять даже и такого представленія объ Иисусѣ Христѣ. „Удивительно,—говоритъ онъ,—что могло привести въ восторгъ Шлейермахера въ Иисусѣ, какъ Его рисуетъ намъ четвертое Евангеліе! Вѣдь Шлейермахеръ считаетъ Христа лишь человѣкомъ, у котораго въ совершенствѣ развито было религиозное и нравственное чувство. Теперь спросимъ: позволить ли себѣ подобный человѣкъ такія несуразныя слова—какъ: Я и Отецъ—одно и видящій Меня видитъ Отца Моего? Развѣ не слѣдуетъ усумниться въ религиозности человѣка именно на основаніи такихъ фразъ, вкладываемыхъ въ Его уста? Чѣмъ набожнѣе человѣкъ, тѣмъ съ большимъ благоговѣніемъ онъ будетъ соблюдать границу, отдѣляющую его отъ того, что онъ считаетъ божественнымъ. Если бы доказано было, что эти слова, дѣйствительно, принадлежатъ Христу, мы утратили бы вѣру (?) даже въ Его человѣческое совершенство, такъ какъ не можемъ же мы вѣрить тому, что Онъ былъ Богомъ. Мы усумнились бы въ Его здравомъ смыслѣ, если бы подтвердилось, что въ молитвѣ Своей Онъ напоминалъ Богу о томъ, какъ хорошо жилось Ему, Иисусу, у Него передъ сотвореніемъ міра“. Вотъ кто такой Штраусъ въ своей наготѣ!..

Но самая главная причина, воспрепятствовавшая Штраусу понять воскресеніе Господа нашего Иисуса Христа, какъ историческій фактъ, и заставившая его прибѣгнуть къ теоріи міаѳа, это его—чудобоязнь. Какъ пантеистъ, онъ, не отказываясь отъ своихъ предвзятыхъ философскихъ убѣжденій, никогда не могъ бы допустить, что Божество (бытія личнаго Бога пантеисты не признаютъ) дѣйствуетъ въ мірѣ непосредственно Своимъ всемогуществомъ. Основная догма его философскаго міровоззрѣнія такова: чудо невозможно. Въ этомъ вы не можете разубѣдить его никакими доводами, и никакія доказательства возможности сверхъестественнаго имъ не будутъ приняты. Тѣмъ болѣе это нужно сказать о такомъ единственномъ въ своемъ родѣ чудѣ, какъ воскресеніе Иисуса Христа изъ мертвыхъ. Штраусъ открыто заявилъ о томъ, съ какимъ тенденціознымъ предубѣжденіемъ онъ относится къ этому чудесному событію. Въ своей книгѣ „Старая и новая вѣра“ онъ говоритъ: „О воскресеніи И-

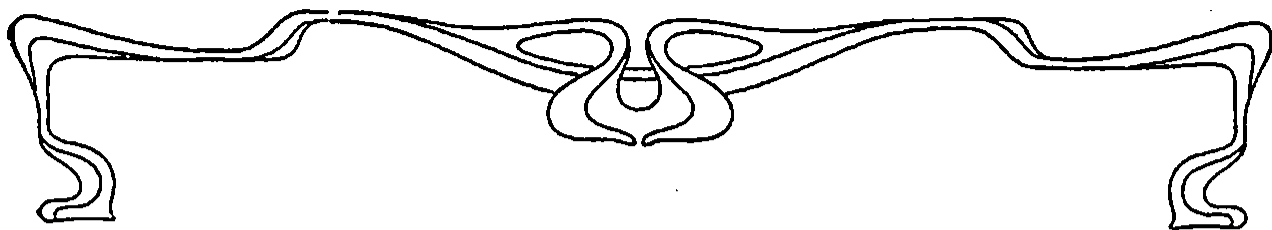
суса повѣствуютъ всѣ евангелисты, но ни одинъ изъ нихъ не видѣлъ этого лично, и всѣ они рассказываютъ о немъ иначе, съ другими доказательствами,—однимъ словомъ—въ нихъ находятся всѣ признаки того, что передъ нами не историческій фактъ, а вымыселъ. И какой еще вымыселъ! Такой невѣроятный, противорѣчащій всѣмъ законамъ природы, что *пусть намъ приведутъ дюжину несомнѣнныхъ свидѣтельствъ въ его пользу, мы и тогда будемъ продолжать не вѣрить въ него; а теперь и вовсе не можемъ говорить о немъ серьезно*. Какъ же можно назвать „безпристрастнымъ“ изслѣдователемъ евангельской исторіи такого человѣка, который напередъ говоритъ вамъ, что онъ ни за что не повѣритъ евангельскимъ повѣствованіямъ, сколько бы и какія несомнѣныя доказательства въ пользу ихъ достовѣрности вы ни приводили?

Вотъ тѣ школьно-философскія воззрѣнія, которыя подъ руководствомъ Баура и Шлейермахера, Штраусъ вынесъ изъ гегельянской школы и съ которыми онъ приступилъ къ критическому изслѣдованію евангельскихъ повѣствованій—съ преднамѣренною цѣлю—оправдать на нихъ ложь пантеизма, не допускающаго въ мірѣ ничего сверхъестественнаго и чудеснаго! Ясно, что объ объективности и безпристрастности изслѣдованія здѣсь не можетъ быть и рѣчи; здѣсь явная нелѣпость будетъ выдаваема за результатъ науки; всякая ложь будетъ объявляема за истину, чтобы только спасти излюбленное школьно-философское воззрѣніе. Въ лицѣ Штрауса мы видимъ убѣжденнаго невѣра и упорнаго безбожника. Но что сказать о такомъ человѣкѣ, когда онъ приступаетъ къ изслѣдованію Евангелій, содержащихъ въ себѣ основаніе христіанской вѣры?—Это парализованный слѣпецъ, оцѣнивающій Мадонну Рафаэля или разсматривающій въ подозрную трубу цвѣты небесной радуги. Это—глухой, слушающій музыку Моцарта..

Профес. Прот. Т. И. Бушкевичъ.

(Продолженіе будетъ).

Наука и Апологетика

А. Лаппарана.

Переводъ Н. П. Цвѣтковой съ предисловіемъ и подъ редакціею
проф. С. С. Глаголева.

(Продолженіе *).

Глава VII.

Обязанности и права апологета въ области науки.

§ 1. Обязанности апологета.

Не трудно, кажется, установить то, что мы называемъ обязанностями апологета относительно науки. Дѣйствительно, апологетика не сама выбираетъ почву для разсужденій. Эта почва ясно указана ей оппозиціей, такъ же точно, какъ ересь самымъ фактомъ своего возникновенія указываетъ тѣ пункты, которые требуютъ болѣе яснаго догматическаго опредѣленія. Слѣдовательно, въ виду нападеній, высказанныхъ во имя науки, апологетъ долженъ открыть сначала природу позицій, нуждающихся въ защитѣ, затѣмъ лучшія средства, которыя нужно употреблять для того, чтобы сдѣлать нападеніе недѣйствительнымъ.

Что касается позицій, то важно не давать выгоды нападающимъ, вводя безъ надобности въ область догматической защиты тѣ традиціи, которыя могутъ быть весьма почтенными, но которыя, не имѣя значенія для спасенія и не относясь къ догмату, не участвуютъ законнымъ образомъ въ этой священной области. Конечно, не намъ опредѣлять

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 11 за 1910 г.

въ большей подробности предметы, способные войти въ эту рамку. Къ предметамъ этого рода должно прикасаться только съ чрезвычайной деликатностью и съ условіемъ вносить въ нихъ свѣтъ, на что не можетъ претендовать простой мірянинъ. Но хорошо, если вниманіе имѣющаго права обращено на этотъ пунктъ, чтобы въ виду объявленныхъ враговъ нашихъ вѣрованій, дѣло этихъ вѣрованій не было скомпрометировано смѣшеніемъ существенныхъ истинъ съ побочными вещами, отъ которыхъ было бы выгоднѣе ихъ освободить.

Если позволить существовать въ книгахъ, обращающихся теперь въ христіанскихъ училищахъ (*les maisons d'enseignement*) такимъ изложеніямъ, которыя, не относясь къ догмату, морали или дисциплинѣ, прямо будутъ противорѣчить научнымъ понятіямъ, нынѣ всѣми признаваемымъ, то нашимъ противникамъ будетъ данъ одинъ изъ тѣхъ поводовъ, которыми они столь охотно пользуются для того, чтобы лишить уваженія самый догматъ. Выставленные передъ умами, не предохраненными достаточно здоровымъ воспитаніемъ, эти поводы могутъ остановить присоединеніе, готовое совершиться, и, такимъ образомъ, выставившіе будутъ имѣть на своей совѣсти то, что закрыли доступъ къ истинѣ многимъ вѣрующимъ душамъ, которыя можно было бы приобрѣсти, избѣгая этой ошибки.

Повторяемъ еще разъ, что мы не дерзнемъ указывать, какія части преданія должны быть выдѣлены, чтобы трудъ былъ полезенъ. Мы думаемъ только, что этотъ трудъ необходимъ въ глазахъ тѣхъ, которые, не имѣя въ виду устроить лишь небольшую церковь, все болѣе и болѣе замкнутую, хотятъ видѣть въ своихъ рядахъ наивозможно большее число людей доброй воли. Пренебреженіе очевидно не проходитъ безнаказанно, и тѣ запоздалые апологеты, которые, вдохновляясь идеями, извинительными для другого вѣка, будутъ упорствовать въ защитѣ позицій, которымъ не должно быть мѣста въ главномъ отеческомъ наслѣдствѣ, много повредятъ дѣлу, которому они желаютъ служить.

Рѣшительные люди, можетъ быть, скажутъ, что нельзя допускать самага легкаго нападенія на то, на что они смотрятъ, какъ на однородное и неприкосновенное зданіе, и что

желать вынуть изъ него хотя одинъ маленькій камешекъ значить готовить разрушеніе цѣлаго. Мы думаемъ иначе. Напротивъ, мы видимъ уваженіе къ зданію въ томъ, что не допускаютъ смѣшивать его съ тѣмъ, что могло попасть въ него случайно и помимо контроля, потребность котораго была почувствована съ теченіемъ времени. Такимъ образомъ, хорошіе архитекторы освобождаютъ наши соборы отъ неумѣстныхъ добавокъ, хотя и сдѣланныхъ съ добрымъ намѣреніемъ, но скрывающихъ красоту; мы охотно пользуемся въ этомъ случаѣ сравненіемъ, сдѣланнымъ однимъ знаменитымъ прелатомъ¹⁾, по поводу легендъ, которыми наивное благочестіе поколѣній думало обогатить исторію великихъ личностей христіанства. Для него эти легенды были мощнымъ плющемъ, мало по малу выросшимъ и закрывшимъ главное зданіе, и онъ провозглашалъ право не разрушить или сжечь эту случайную растительность, но почтительно освободить отъ нея вѣтви, чтобы лучше любоваться величіемъ зданія, закрываемаго ею.

Но достаточно указать на эту точку зрѣнія. Предоставляя людямъ, болѣе авторитетнымъ, сдѣлать изъ нея, если это умѣстно, тонкое примѣненіе, мы ограничимся здѣсь разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ вопросовъ, чисто научныхъ, относительно которыхъ могло являться сначала сомнѣніе, но которые теперь въ глазахъ компетентныхъ и безпристрастныхъ людей почти единогласно приняты. Было бы въ высшей степени неблагоприятнымъ объявлять пріобрѣтенные наукой результаты противоположными религіозной истинѣ.

Прежде всего мы укажемъ на споры, порожденные вопросомъ о *безконечно малыхъ*. Съ перваго взгляда кажется, что ничего не можетъ быть невиннѣе съ догматической точки зрѣнія, чѣмъ эта концепція математиковъ, относящаяся не къ реальностямъ, но къ чистымъ абстракціямъ и внушенная намъ, какъ было сказано выше, необходимостью разсѣять противорѣчіе, производимое впечатлѣніемъ физическаго цѣлаго.

Между тѣмъ, нашлись христіанскіе философы, которые ложнымъ толкованіемъ этого символа пришли къ тому, что объявили его настоящей ересью, такъ что подъ ихъ влія-

1) Монсеньоръ Дюшенъ.

ніемъ нѣкоторые извѣстные апологеты съ очень чистыми намѣреніями стали распространять въ публикѣ брошюры, имѣвшія своей цѣлью борьбу противъ современныхъ ошибокъ; въ этихъ брошюрахъ находилась такая достойная сожалѣнія фраза: „Исчисленіе бесконечно малыхъ основано всецѣло на заблужденіи, и что еще хуже, на заблужденіи, противномъ Откровенію“.

Заклеймить так. обр. удивительное орудіе, позволившее опредѣлить съ такой точностью движенія свѣтилъ и подвергнуть анализу всѣ явленія физики, было, по меньшей мѣрѣ, безразсудствомъ, и простой здравый смыслъ долженъ былъ бы предохранить отъ подобной выходки. Что такое бесконечно малая величина? Это просто измѣняющееся количество, приближающееся къ нулю. Вообразимъ двѣ палки неодинаковой длины, изъ которыхъ одна, вначалѣ меньшая другой, можетъ быть удлинена или дѣйствіемъ теплоты или вытягиваніемъ, если она сдѣлана изъ эластичнаго матеріала. Вначалѣ разность длинъ двухъ палокъ имѣетъ извѣстное значеніе, мало по малу она уменьшается и ее легко привести къ нулю, хотя бы на одинъ моментъ. Вотъ примѣръ измѣняемой, предѣлъ которой есть нуль. Осмѣлятся ли сказать, что это заявленіе противно Откровенію? Это значитъ рисковать внушить отвращеніе къ Откровенію всѣмъ тѣмъ, которые, не имѣя преимущества быть его почитателями, вознегодуютъ, видя подъ его эгидою предположенія, столь ясно абсурдныя.

Апологетъ избѣжитъ этого соблазна, если онъ будетъ считать себя обязаннымъ принимать въ расчетъ все то, что составляетъ пріобрѣтеніе науки въ его время. Примѣръ этого былъ данъ въ тринадцатомъ вѣкѣ величайшимъ философскимъ гениемъ, когда либо существовавшимъ. Святой¹⁾ Тома Аквинатъ желалъ знать все, что могла установить наука его времени, и на этомъ экспериментальномъ основаніи онъ построилъ свою метафизику, объемля въ ней совокупность вещей, *существующихъ внѣ физики*. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ начерталъ намъ образецъ, которому нужно слѣдовать, и, чтобы остаться вѣрными его методу, мы должны умѣть подвигать впередъ точку отправленія метафизики по мѣрѣ того, какъ расширяется область физики.

1) Римско-католической церкви.

Заповѣди, данной этимъ удивительнымъ учителемъ, не будетъ оказано вниманіе, если станутъ ожесточенно защищать противъ всякаго измѣненія нѣкоторыя опредѣленія, которыя, по всей вѣроятности, онъ самъ исправилъ бы, если бы въ его эпоху наука владела тѣмъ, что она должна была завоевать пять или шесть вѣковъ позднѣе. Въ частности, когда его личный геній привелъ его къ изысканію неподвижнаго и неизмѣннаго элемента въ этой матеріи, подверженной постояннымъ измѣненіямъ, и на которую всѣ его современники смотрѣли, какъ на измѣняемую, то нельзя ли думать, что понятіе о первой матеріи и формѣ представлено было бы имъ въ другомъ видѣ, когда бы онъ могъ подозрѣвать, прежде всего, что всѣ Лавуазье утверждаютъ неизмѣнность массы при всѣхъ химическихъ реакціяхъ, затѣмъ, что позже принципъ сохраненія энергіи дастъ тому же закону болѣе универсальное значеніе?

Другое правило, уваженіе къ которому обязательно для современнаго апологета, состоитъ въ томъ, чтобы допускать естественное объясненіе чрезвычайныхъ фактовъ только тамъ, гдѣ оно не затрагиваетъ никоимъ образомъ основныхъ законовъ физики. Конечно, вѣрующій никогда не будетъ оспаривать возможности чуда; но если добровольно ставятъ себя внѣ этой возможности, то необходимо нужно, чтобы приводимыя причины не заключали въ себѣ ничего противорѣчащаго законамъ, установленнымъ наблюдениемъ.

Такимъ образомъ, естественное объясненіе не имѣетъ права отступать отъ законовъ тяжести, оптики, химіи и т. д. Если, напримѣръ, простолюдину извинительно думать, что безъ всякаго чуда можетъ существовать въ атмосферѣ въ извѣстный моментъ количество водяного пара, довольно значительное для того, чтобы его паденіе въ видѣ дождя высоко подняло въ нѣсколько часовъ общій уровень водъ, то апологетъ не имѣетъ такой свободы. Онъ долженъ помнить, что для человѣка науки вся масса пара, которая соответствовала бы на всей землѣ одинаковому уровню водяного слоя въ десять метровъ, необходимо увеличила бы болѣе чѣмъ на одну атмосферу давленіе воздуха, и что этотъ послѣдній, обладая силой давленія свыше трехъ атмосферъ, сдѣлалъ бы дыханіе человѣка абсолютно невозможнымъ.

Другіе думали и писали, что общее наводненіе могло естественно произойти, если бы громадныя подземныя резервуары сразу вылились. Имъ нужно было бы вспомнить, что, какъ теперь извѣстно, объемъ твердой земли приблизительно разъ въ пятнадцать меньше океанической массы. Изъ этого вытекаетъ, что, даже въ этомъ абсолютно неприемлемомъ случаѣ, когда вмѣстимость резервуаровъ равнялась бы объему твердой земли, въ которой они должны быть вырытыми, то масса воды, извергнутая такимъ образомъ, подыметъ едва на двѣсти метровъ уровень океана. Еще разъ, если удаляютъ рѣшительно чудесное, то нужно прибѣгать не къ такимъ доводамъ.

Точно также можно до нѣкоторой степени пожалѣть тѣхъ апологетовъ, которые въ виду важности вопроса о движеніи земли стали шумно торжествовать, когда было открыто движеніе нашей солнечной системы, увлекаемой, какъ извѣстно, общимъ перемѣщеніемъ, нечувствительно приближающимъ ее къ созвѣздію Геркулеса. Вы прекрасно видите, кричатъ они, что именно солнце нужно было остановить, въ увѣренности, что тогда сразу прекратятся всѣ другія планетныя движенія и въ частности движеніе земли!

Хотя это заключеніе не представляется обязательнымъ и, кромѣ того, не находится въ большой связи съ принципомъ наименьшаго дѣйствія, тѣмъ не менѣе гипотеза должна оказаться чудовищной всякому, кто подумаетъ о чрезвычайныхъ результатахъ, которые произвела бы общая остановка подобныхъ массъ, одаренныхъ извѣстной скоростью. Неизбѣжно произошло бы ихъ распаденіе. Фактъ, что многіе вслѣдствіе своей некомпетентности не подозреваютъ ошибочности подобныхъ объясненій, не дѣлаетъ ихъ менѣе достойными сожалѣнія.

Въ другой разъ одинъ апологетъ создалъ для себя одного совершенно личную теорію относительно всемірнаго потопа. Онъ открылъ въ одной главѣ Библии, не сопоставивъ ее съ книгой Бытія, что въ извѣстный моментъ ось полюсовъ должна была сильно потрястись, и что тогда рядъ громадныхъ волнъ пронесся надъ землей. Онъ заключилъ, что эти волны должны были уничтожить лѣса, и залежи каменнаго угля казались ему побѣдоноснымъ доказательствомъ этого разрушенія.

Напрасно ему указывали, что каменный уголь принадлежит, безъ всякаго сомнѣнія, къ эпохѣ, значительно предшествующей существованію человѣка, что матеріалы, его составляющіе, указываютъ на растительность, абсолютно отличную отъ нашей, что, притомъ, каменный уголь правильно внѣдренъ въ слои, всего чаще морского происхожденія, возрастъ которыхъ точно обозначенъ ископаемыми, чуждыми нынѣшней фаунѣ. Не будучи въ курсѣ дѣла, зная геологію только изъ чтенія, отъ котораго у него сохранилось только то, что подходило къ его гипотезѣ, онъ не только отказывался оставить свою систему, но громко произносилъ проклятіе на каждую доктрину, которая не вдохновляется исключительно ею.

Безъ сомнѣнія, подобные преувеличенія не отнимутъ вѣры у тѣхъ, которые имѣютъ преимущество ею обладать. Но сколь многіе могутъ найти здѣсь поводъ остановиться на порогѣ храма, если ихъ можно заставить повѣрить, что эти псевдо-научныя разглагольствованія найдутъ въ немъ поощреніе.

Апологетъ обязанъ, такимъ образомъ, быть точно освѣдомленнымъ. Это не значитъ, что онъ долженъ основательно знать всѣ науки, это было бы сверхчеловѣческимъ трудомъ, особенно въ виду того, что онъ долженъ присоединить такую же компетентность въ экзегезѣ и въ догматѣ. Но необходимо, чтобы онъ былъ вполне освѣдомленъ относительно результатовъ, пріобрѣтенныхъ каждой областью, и не дѣлалъ бы ошибки, употребляя негодное оружіе, заимствованное изъ архаическаго арсенала или пріобрѣтенное путемъ бѣглаго чтенія популярныя трудовъ, не имѣющихъ авторитета.

Въ этомъ порядкѣ идей мы укажемъ, какъ на неподлежащія теперь никакому сомнѣнію, на нѣкоторые результаты одной науки, вѣкъ тому назадъ едва подозрѣваемой, но развившей съ тѣхъ поръ безмѣрный полетъ; мы говоримъ о Геологіи. Конечно, неточности еще многочисленны въ ней, и противорѣчіе, часто очень рѣзкое, между специалистами проявляется почти въ каждой главѣ. Тѣмъ не менѣе главныя линіи ея научнаго зданія укрѣпляются съ каждымъ днемъ, и относительно нѣкоторыхъ вопросовъ установилось

всеобщее согласіе, являющееся гарантіей эмпирической долговѣчности.

Сюда принадлежитъ глубокая древность нашего земного шара, которая доказывается послѣдованіемъ плотныхъ осадковъ, изъ которыхъ большинство въ себѣ самихъ заключаетъ свидѣтельство медленности ихъ образованія. Такова известковая почва въ безчисленныхъ пластахъ береговъ Констанцкаго озера, гдѣ каждый тонкій слой спеціальнымъ видомъ листьевъ, цвѣтовъ, плодовъ, остатковъ животныхъ, слѣды которыхъ онъ вѣрно сохранилъ, даетъ средство узнать, въ какую эпоху произошла залежь. Таковы литографированные сланцы Баваріи, продуктъ укрѣпленія известковаго ила, произведеннаго при столь замѣчательныхъ условіяхъ покоя, что отпечатки медузъ и стрекозъ сохранились въ нихъ со всѣми подробностями. Это не значитъ, что уже приобрѣтена возможность опредѣлять годами время, потребовавшееся для образованія формаціи каждаго земляного слоя. Но что для всей коры это число должно въ цѣломъ выражаться въ милліонахъ лѣтъ, это не подлежитъ сомнѣнію.

Также невозможно не признавать того, столь часто повторяющагося и на поверхности земли и въ моряхъ, преемства организмовъ, отличающихся отъ нынѣ существующихъ тѣмъ болѣе, чѣмъ старше ихъ возрастъ. Впрочемъ ни одинъ свѣдующій геологъ не предполагаетъ теперь, что эти послѣдовательныя поколѣнія различныхъ животныхъ и растений исчезли подъ вліяніемъ сильныхъ катастрофъ.

Съ этой точки зрѣнія геологія свидѣтельствуетъ, повидимому, довольно точно по вопросу объ эволюціи, такъ много обсуждавшемуся и столь еще темному. Такъ какъ формы правильно слѣдуютъ однѣ за другими и между ними существуютъ переходныя ступени, и такъ какъ различіе въ формѣ обыкновенно находится въ согласіи съ разницей въ возрастѣ, то очень трудно не притти къ идеѣ эволюціи, конечно уорядоченной, какъ и все то, что здѣсь происходитъ, и управляемой могущественной внѣшней причиною сообразно съ опредѣленнымъ предначертаніемъ. Безъ сомнѣнія, геологія не можетъ никогда дать прямого доказательства относительно этого, потому что она знаетъ только ископаемые остатки и не можетъ показать природу въ дѣйствиіи. Тѣмъ не менѣе впечатлѣніе, вытекающее изъ созерцанія

палеонтологическаго міра, кажется, не может согласоваться съ другой системой. Также не претендуя нисколько на то, чтобы вопросъ былъ рѣшенъ безапелляціонно, даже откровенно признавая, что еперь механизмъ трансформаций не поддается намъ всецѣло, мы признаемъ, что апологету неблагоразумно принимать противъ самаго принципа эволюціи наступательное и непримиримое положеніе, что очень часто считали за обязанность.

* * *

Позволительно ли, наконецъ, будетъ указать другую обязанность, которая въ частности предлежитъ апологету, если онъ хочетъ сдѣлать плодотворнымъ свой трудъ, именно обязанность сохранять то спокойствіе, которое должно всегда царить въ научной работѣ, и отъ котораго не слѣдуетъ уклоняться даже подъ предлогомъ дать свободное теченіе законному негодованію. Основательные доводы не пуждаются въ сильныхъ выраженіяхъ, и рѣшительные аргументы ничего не выигрываютъ, если одѣваются въ страстную или вызывающую форму.

Когда подумаютъ о могуществѣ недоразумѣній, которыя можетъ произвести между людьми простая разница въ интеллектуальномъ воспитаніи, и о томъ, что иногда кажущееся совершенно естественнымъ однимъ можетъ показаться чрезмѣрнымъ другимъ, то чувствуютъ себя болѣе расположенными не къ угодливости, которая могла бы быть преступной, но къ умѣренности, убѣдительное дѣйствіе которой сильнѣе, чѣмъ дѣйствіе слишкомъ грубыхъ ударовъ.

Поэтому мы попросимъ у самой науки разъясненія, на цѣпность котораго мы уже указали, говоря о принципѣ наименьшаго дѣйствія.

Извѣстно, что къ устойчивымъ соединеніямъ принадлежатъ тѣ, происхожденіе которыхъ сопровождалось наибольшимъ развитіемъ теплоты. Это мощное проявленіе совершеннаго сродства заключаетъ урокъ, который было бы полезно примѣнить въ области духа. Апологетъ не довольствуется защитой своего имущества, онъ стремится дать возможность пользоваться имъ и другимъ, притомъ наибольшему числу лицъ. Какимъ же образомъ осуществить онъ это желанное дѣло, если будетъ заимствовать приемы док-

тринъ ненависти, подобныхъ взрывчатымъ веществамъ, употребленіе которыхъ они такъ часто вызываютъ и которыя, предназначенныя къ разрушенію, производятся всѣ съ поглощеніемъ теплоты?

Мы, желающіе строить и собирать, должны извлекать уроки изъ практики теплоты и любви, потому что онѣ однѣ являются создающими миръ и равновѣсіе. Можетъ быть, наши противники будутъ недовольны нами. Но мы такимъ образомъ дѣйствія избѣжимъ, по крайней мѣрѣ, упрека въ томъ, что не сдѣлали возможныхъ пріобрѣтеній, такъ какъ дѣйствовали не въ горячей атмосферѣ, въ которой готовятся плодотворныя сближенія.

Тѣмъ, которые удивятся этому распространенію на моральную область результата наблюденій, сдѣланныхъ надъ матеріей, мы можемъ отвѣтить, что паразитическое единство Творенія благопріятствуетъ и даже предписываетъ перенесеніе этихъ опытовъ, въ которыхъ проявляется безпрепятственно управляющая Мудрость. Разъ ступивъ на этотъ путь, мы не побоямся сдѣлать еще шагъ, къ которому насъ зовутъ личныя воспоминанія. Настоящій трудъ появился на свѣтъ именно въ томъ учрежденіи, гдѣ нашъ сотоварищъ Бранли реализировалъ опыты, изъ которыхъ должно было произойти наиболѣе замѣчательное научное приложеніе нашей эпохи—беспроволочный телеграфъ.

Извѣстенъ принципъ этого открытія: металлическая пыль, инертная сама по себѣ, дѣлается проводникомъ тока, въ которой она введена, когда черезъ нее проходитъ сильное электрическое волненіе. Въ этотъ моментъ появляется токъ и развиваетъ всѣ дѣйствія, парализованныя недостаткомъ сцѣпленія матеріи, пока рѣзкій толчекъ не разрушитъ прекрасный произведенный эффектъ. Всѣ локализованныя силы могутъ быть, такимъ образомъ, привлечены къ работѣ единственнымъ импульсомъ, могущимъ самопроизвольно перенести мысль на всякое разстояніе и приводить въ дѣйствіе или останавливать какой бы то ни было механизмъ.

Человѣческое общество слишкомъ часто является такою же пылью, по тому ли, что пренебрегли сближеніемъ элементовъ, или по тому, что не во время разрушили связь, данную имъ вѣками. Исправить этотъ вредъ можно при помощи *герцовскихъ* волнъ. Гдѣ находится источникъ этого

побѣдоноснаго электричества, не боящагося никакого разстоянія, этого дрожанія, соединяющаго пылинки въ одно колебаніе, способное вызвать къ благотворному дѣйствию всѣ скрытыя эпергіи? Онъ появился въ Іудеѣ для всего міра девятнадцать вѣковъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ каждый можетъ имъ утолить жажду. Какъ былъ бы облегченъ трудъ апологета, если бы этотъ источникъ благотворной эпергіи оживлялъ всегда его усилія.

§ 2. Права апологета.

Апологетъ не долженъ только защищать атакованныя позиціи. Иногда онъ не только имѣетъ право, но даже обязанъ рѣшительно перейти въ наступленіе и искать тѣхъ, которые дѣлаютъ изъ науки орудіе противъ нашихъ вѣрваній, на той почвѣ, на которой они помѣстились. Но въ этомъ случаѣ апологетъ, можно сказать, будетъ имѣть дѣло не съ самой наукой, а съ ея представителями, или, по крайней мѣрѣ, съ тѣми, которые себя считаютъ таковыми. Указать неточности, допускаемыя ими, подчеркнуть противорѣчія, несообразности, а въ случаѣ нужды несвязность ихъ системъ—его неоспоримое право.

Этимъ правомъ нужно пользоваться прежде всего противъ слишкомъ многочисленныхъ реформаторовъ, сторонниковъ позитивизма, претендующихъ на то, что они исключительно дадутъ, по ихъ выраженію, научныя основы чловѣческаго общества во всей его совокупности. Хорошо еще, если бы они, вѣрные методу наблюденія, единственному источнику нашихъ вѣрваній, искали вдохновенія, прежде всего, въ опытѣ мѣняющихся поколѣній! Но не такимъ образомъ поступаютъ якобинцы науки. Они слишкомъ хорошо чувствуютъ, что методъ, по истинѣ экспериментальный, изъ котораго Ле-Пле сдѣлалъ такое плодотворное употребленіе, осудить ихъ насильственными требованіями и принудить, самое меньшее, къ осторожности, которой они рѣшились пренебрегать.

Если нѣкоторые изъ нихъ, для подкрѣпленія своихъ социалистическихъ системъ, охотно объявляютъ, что всякое существо является при своемъ рожденіи обязаннымъ должникомъ работавшихъ, думавшихъ и страдавшихъ прежде него, то для того лишь, чтобы затѣмъ освободить его отъ

всякаго уваженія къ его предкамъ, культъ которыхъ хорошъ лишь для желтыхъ расъ. Напротивъ, его хотятъ научить презирать, отвергать всякое наслѣдство прошлаго, не признавать, иногда даже проклинать всю славу, изгладить слѣды ея на памятникахъ такъ же, какъ и въ памяти людей, чтобы открыть исторію того дня, когда толпа бѣсноватыхъ вообразила сдѣлать *tabula rasa* пзъ всего предшествующаго ихъ воцаренію.

Эти люди, не признающіе догмы и осуждающіе научныя аксіомы, требуя отъ нихъ свидѣтельства объ ихъ экспериментальномъ происхожденіи, строятъ системы *à priori*, всѣ опредѣленія которыхъ характеризуются тѣмъ, что онѣ противоположны приобрѣтенному опыту. Образцы ихъ можно найти у автора *Соціального договора (Contrat Social)*, а еще лучше у его политическихъ предковъ, заявляющихъ (чтобы тѣмъ лучше ихъ нарушить) *Права человека (les Droits de l'Homme)*, какъ будто бы естественный человѣкъ повсюду одинаковъ. Такимъ же образомъ обнародовали всеобщій календарь, не безпокоясь о томъ, скажетъ ли вандемъеръ что нибудь тѣмъ странамъ, гдѣ нѣтъ производства вина, или фримеръ тѣмъ, гдѣ нѣтъ морозовъ, или термидоръ тѣмъ народамъ, у которыхъ бываетъ холодъ даже тогда, когда наше полушаріе страдаетъ отъ жары.

У тѣхъ, которые не считаются совершенно съ историческими нуждами человѣческой души и признаютъ лишь то, что можетъ укладываться въ уравненія, мы имѣемъ право спросить, что они понимаютъ подъ научной организаціей общества.

Это значитъ, безъ сомнѣнія, что міръ долженъ управляться, какъ промышленное или торговое предпріятіе, руководимое наукою; что Государство, высшій судья, просвѣщенный притомъ всемірнымъ установленіемъ системы справокъ, прекрасное примѣненіе которыхъ недавно проявилось, опредѣляетъ каждому соотвѣтствующую его способности соціальную роль; что въ интересахъ человѣческой расы должны быть приняты мѣры для ея продолженія, при чемъ нужно наблюдать правила, употребляемыя при подборѣ домашнихъ животныхъ, что сильно упроститъ роль семьи; что все неимѣющее силы—вредно, и что, такимъ образомъ, нужно освобождаться отъ стариковъ и калѣкъ, какъ жертвуютъ

деревомъ, не приносящимъ болѣе плода; что любовь, преданность, честь, нѣжность являются устарѣлымъ результатомъ воспитанія, извращеннаго тысячею предразсудковъ; что человѣческія страсти должны обуздываться лишь законами, основанными на согласіи большинства, ихъ устанавлиющаго; наконецъ, что единственный общій принципъ, имѣющій право преобладать въ привычкахъ и законахъ, есть принципъ, столь любезно утвержденный въ наши дни, — именно принципъ человѣческой *Солидарности*?

Но что можетъ обозначать эта солидарность внѣ понятія общаго всѣмъ происхожденія и одной и той же обѣщанной всѣмъ судьбы? Относительно будущей судьбы ученые враги нашихъ вѣрованій предполагаютъ лишь одно: возвращеніе въ небытіе. Правда, они предлагаютъ намъ, какъ приманку, утѣшеніе въ мысли, что страданія одного поколѣнія послужатъ для увеличенія радостей слѣдующаго, и такъ неопредѣленно. Но гдѣ остановится это непрерывное движеніе? Что случится, когда наша земля сдѣлается слишкомъ населенной, или же когда солнце, дѣятельность котораго не можетъ быть вѣчной, перестанетъ посылать намъ свой свѣтъ и свою теплоту?

Нужно ли расширить еще понятіе *альтруизма*, распространяя его на всю систему звѣздъ. Будетъ ли въ нашихъ глазахъ достаточнымъ вознагражденіемъ въ перенесенныхъ страданіяхъ то, что нѣкогда наша солнечная система столкнется на своемъ пути съ какой нибудь другой системой, такой же мертвой, и отъ этого столкновенія появится новый запасъ энергій, источникъ новыхъ существованій? Неужели съ такими перспективами надѣются заставить людей подвергнуть себя несчастіямъ, неизбѣжно связаннымъ съ условіями ихъ жизни, и неужели не видятъ, что, если они убѣдятся, что въ этомъ вся ихъ будущность, то никто не остановитъ ихъ дикаго порыва, съ которымъ каждый бросится на непосредственныя удовольствія, попадающіяся ему?

Какъ осмѣлятся далѣе говорить о солидарности ежедневно утверждающіе, что мы происходимъ отъ животныхъ? Если они искренно вѣрятъ въ свои зоологическія дедукціи, то какимъ образомъ могутъ они вывести происхожденіе всѣхъ людей — бѣлыхъ, черныхъ, желтолицыхъ и краснокожихъ отъ одного человѣкоподобнаго родоначальника, развѣ

будутъ его искать въ тѣ отдаленныя геологическія времена, когда позвоночныя были зародъ, по нѣкоторымъ своимъ органамъ, суставчатыми, рыбами, амфибіями, пресмыкающимися, птицами или млекопитающими? Почему въ такомъ случаѣ между людьми должна существовать большая солидарность, чѣмъ между волками и овцами, львами и газелями, акулами и другими обитателями морей?

Какое заблужденіе произноситъ это слово относительно цѣлой совокупности существъ, которыхъ желаютъ не отдѣлять никоимъ образомъ отъ животныхъ, тогда какъ среди этихъ послѣднихъ наука, вполне свободная отъ всякаго супранатурализма, старается показать намъ повсюду энергичное противодѣйствіе другъ другу, борьбу за существованіе, безжалостное истребленіе слабыхъ сильными.

Дѣло не въ одномъ желаніи разрушить наши вѣрованія, нужно еще быть въ состояніи произвести что либо другое. Дѣйствительно, если намъ предлагаютъ одежду въ такомъ плохомъ видѣ, то мы имѣемъ основаніе предпочесть нашу.

Нужно, притомъ, согласиться, что въ частности нынѣшній моментъ по различнымъ причинамъ выбранъ неудачно для того, чтобы провозглашать, что міромъ должно управлять единственно то, что позитивисты называютъ научнымъ методомъ. Не присутствуемъ ли мы развѣ при неоправданномъ крушеніи доктринъ, въ которыхъ, какъ думали, столь хорошо указаны законы производства и потребленія богатствъ? Если бы еще вѣра теоретиковъ старой Политической Экономіи была смущена только требованіями, все болѣе и болѣе дикими, массъ, жаждущихъ наслажденія и все менѣе и менѣе способныхъ понимать свободу! Но разочарованіе пришло изъ самой крѣпости свободаго обмѣна. Можно было видѣть при эволюціи, возникшей по ту сторону пролива, какъ и на противоположномъ берегу Атлантическаго океана, какое значеніе имѣютъ въ виду потревоженныхъ интересовъ принципы, такъ громко заявленные нѣкогда!

Не оттого ли произошли неудачи, что традиціонная Политическая Экономія, слишкомъ оторванная отъ всего идеальнаго, допустила, вслѣдствіе этого, ту же самую ошибку, какъ и классическая механика? Она спекулировала надъ инерціей молекулъ вмѣсто того, чтобы обратить достаточное

вниманіе на ихъ собственную энергію! Особенно въ недостаточной степени заботилась она о той горячей атмосферѣ, въ которой должны имѣть мѣсто усилія, которыя желаютъ быть плодотворными и которыя не могутъ быть замѣнены научными разсужденіями, даже если бы послѣднія были непогрѣшимы. Это тотъ благодѣтельный источникъ теплоты, который политиканы въ своемъ ослѣпленіи стремятся ежедневно иссушить и поэтому осмѣливаются заявлять себя учеными!

Напротивъ, во имя правильно понятой науки мы должны осудить ихъ методы: наше прямое право потребовать отъ нихъ строгаго отчета въ ихъ разрушительной работѣ, производимой ими тогда, когда они безсильны замѣнить то, что они столь явно уничтожаютъ! Когда съ такой гордостью повторяютъ: „*Эта убьетъ ту*“, то нужно заранѣе удостовѣрить, что тѣ, которые кормились *тою*, найдутъ въ *этой* достаточное питаніе. Но какое удовлетвореніе сохраняется для ихъ законныхъ аппетитовъ? Какой пищей, такъ называемой рациональной, претендуютъ они замѣнить превосходныя и здоровыя блюда, оказывавшіяся достаточными для столькихъ поколѣній?

Будемъ допрашивать тѣхъ, которые, свободные отъ предразсудковъ, желали видѣть лицомъ къ лицу то, что называютъ научной истиной. О сущности вещей они запрещаютъ намъ что либо знать. Стараются внушить намъ постоянное недовѣріе и ко всякой попыткѣ репрезентативныхъ образовъ. Дифференціальныя уравненія!—вотъ все, что предлагается въ пищу нашей любозпательности. Приказываютъ еще удовольствоваться результатами, не углубляясь слишкомъ въ понятія, которыя послужили для ихъ установленія, и вокругъ которыхъ все болѣе и болѣе сгущаются облака.

Полная тайна покрываетъ происхожденіе, еще большая тайна скрываетъ будущія судьбы. Тому, кто желалъ бы нѣкоторой ясности относительно того, что будетъ по смерти, предлагаютъ единственное удовлетвореніе въ сознаніи себя интегрирующей частью всемірной энергіи, общее сохраненіе которой обезпечено, если только самый принципъ, на которомъ покоится эта увѣренность, не есть чистая иллюзія, но на это никто не можетъ дать отвѣта.

О всемъ этомъ мы имѣемъ право говорить и даже гром-

ко провозглашать, конечно, не для того, чтобы внушить малѣйшее недоувѣріе относительно ученаго сословія вообще, но для того, чтобы воспрепятствовать злоупотребленію научными разъясненіями, когда выражаютъ въ нихъ совершенно иное, чѣмъ то, что мы съ радостію въ нихъ видимъ. Еще разъ, мы имѣемъ въ виду лишь неумѣстный фетишизмъ. Мы хотимъ почитать икону, но мы не хотимъ преклоняться передъ идоломъ.

Что еще болѣе должно утвердить насъ въ такомъ чувствѣ, то это печальное зрѣлище недавнихъ вторженій позитивизма въ область морали. Не видѣли ли мы недавно, что имя одного изъ наиболѣе высокихъ носителей власти въ области общественнаго просвѣщенія послужило вывѣской для книги, авторъ которой пытается, подъ плохо оправдываемымъ именемъ „научной морали“, произвести измѣненіе, которое, по его мнѣнію, будетъ просто состоять въ томъ, чтобы создать „раціонально-моральное искусство?“ ¹⁾

Искусство и мораль! два слова, несомѣстимыя другъ съ другомъ въ такую эпоху, когда всѣ, такъ называемыя художественныя проявленія въ живописи, въ скульптурѣ, въ поэзіи, даже въ музыкѣ, въ романѣ, въ театрѣ, въ салонѣ или на улицѣ являются лишь дерзкими поощреніями къ безстыдству, возникшими подъ благопріятствующимъ окомъ полиціи, которая бережетъ свою энергію до тѣхъ поръ, когда ей будетъ предъявленъ искъ противъ религіозныхъ процессовъ и мира монастырей.

Что же такое моральное искусство, и какъ его опредѣляетъ его изобрѣтатель? Нѣтъ больше высшаго блага, нѣтъ больше индивидуальной отвѣтственности; это нѣчто вродѣ статистики общественнаго состоянія времени и мѣста, предназначенной для указанія того, что наиболѣе подходитъ для даннаго времени, чтобы „оказать услугу“ обществу и дать ему „немного болѣе счастья“. Что касается до самаго индивидуума, то о немъ нѣтъ рѣчи. Его внутренняя жизнь является „таинственнымъ садомъ“, который онъ можетъ культивировать по своему усмотрѣнію и даже оставлять подъ паромъ, если только не затрогиваются общіе интересы.

Еще новый способъ выразить отвращеніе или безраз-

¹⁾ Baŕte: La morale scientifique.

личіе къ *молекуламъ* общественнаго организма, ограничивая всѣ его усилія только сохраненіемъ общей энергіи (или лучше сказать, общаго наслажденія) этого послѣдняго во всей его совокупности! Какой печальный симптомъ духовнаго состоянія нашей эпохи это спокойное отреченіе отъ всякаго возвышеннаго стремленія, отъ всякаго исканія идеала, отъ всякой заботы относительно личности! Какъ будто бы общество не является тѣмъ, чѣмъ его дѣлаютъ его члены, какъ будто бы его *потенціалъ* не есть необходимый *потенціалъ* всѣхъ элементарныхъ *потенціаловъ*, такъ что, понижая каждый изъ нихъ, наносятъ и цѣлому прискорбный ущербъ.

* * *

Въ концѣ этихъ разсужденій не будетъ, можетъ быть, несвоевременнымъ обратить вниманіе на одинъ упрекъ, который можетъ быть намъ сдѣланъ, если кто либо ожидаетъ найти здѣсь болѣе рѣшительные отвѣты, болѣе грозные аргументы противъ возраженій, сдѣланныхъ нашимъ вѣрваніямъ.

На это мы отвѣтимъ, что въ этомъ случаѣ забывается одно обстоятельство, именно, что, если бы религіозная истина могла быть доказанной чисто раціональнымъ путемъ, то просвѣщенные люди уже давно были бы согласны относительно этихъ предметовъ, какъ это существуетъ теперь (и еще можно ли сказать, что это окончательно) относительно теоремъ алгебры и геометріи. Вѣра перестанетъ быть заслугой, доступной добрымъ душамъ, и сдѣлается неоспоримой обязанностью, налагаемой на всѣхъ тѣхъ, чей умъ не пораженъ какимъ либо природнымъ недостаткомъ.

Отъ апологетики нужно требовать не того, чтобы она сдѣлала вѣру ненужною, но того, чтобы она снабдила насъ основаніями для *раціональнаго послушанія* (*rationabile obsequium*), на которомъ должна покоиться добродѣтель вѣры. Сдѣлать это и старались мы здѣсь, стремясь установить духъ истинной науки и показать, что она вся пропитана понятіями порядка, совершенства, идеала и безконечности. Мы пробовали доказать, что драгоценная по тѣмъ орудіямъ, которая она намъ даетъ, чтобы подчинить намъ силы природы, еще болѣе прекрасная, когда она стремится дать намъ понятіе порядокъ и гармонію Творенія, наконецъ глубоко бла-

годѣтельная, когда дѣлаетъ насъ гибкими для воспріятія интеллектуальныхъ дисциплинъ, она, однако, бессильна пропикнуть въ самую сущность вещей, которая, кажется, ускользаетъ отъ нея по мѣрѣ того, какъ считаютъ себя къ ней приближившимися.

Съ другой стороны, бeзсиліе науки разрѣшить проблемы души еще болѣе ясно, и претензія, которую могутъ заявить ея толкователи на то, чтобы заключить эти проблемы въ уравненія или даже пролить нѣкоторый свѣтъ на нихъ, достаточно осуждена въ глазахъ того, кто умѣетъ оцѣнивать полученные результаты. Притомъ, какъ далеки методы тѣхъ, которые отваживаются на это, отъ методовъ истинной науки! Вмѣсто этого постояннаго стремленія въ высь, которое, начавъ съ средствъ, собранныхъ ручными искусствами, мало-по-малу повело умы къ высшимъ обобщеніямъ, отношенія которыхъ позволяютъ узнать законы, управляющіе міромъ, вмѣсто этого намъ предлагаютъ постоянное пониженіе и рѣшительный отказъ отъ широкихъ горизонтовъ, на которые съ любовью устремляются чelовѣческіе взоры.

Источникомъ этого заблужденія является не что иное, какъ интеллектуализмъ, доведенный до крайности. Но умъ не единственная способность чelовѣка. Сердце можетъ требовать своей части, и желать сохранить ему эту часть не значитъ „саптиментальничать“.

Страсть, преданность, честь, жертва не показываются и не объясняются формулами, а между тѣмъ, у насъ есть природное чувство, что эти предметы прекраснѣе и благороднѣе, чѣмъ всѣ результаты высшаго знанія. По нашему мнѣнію, есть только одинъ способъ трактовать ихъ научно: это примѣнять къ нимъ общія концепціи, на которыя наука проливаетъ свѣтъ, т. е. преслѣдовать въ нихъ идеи порядка, гармоніи, идеала и дисциплины, которыя еще прекраснѣе на своемъ мѣстѣ въ этой области, чѣмъ въ области матеріи.

Если будутъ вдохновляться этимъ методомъ, мы спокойны относительно результата. Мы заранѣе знаемъ, гдѣ могутъ вполне реализироваться эти превосходныя понятія; это тамъ, гдѣ для возвышенія чelовѣческой природы надъ ней самой систематическимъ усиліемъ заставляютъ заразъ замолчать и гордость и похоть, главныхъ, правильнѣе, единственныхъ враговъ всякой вѣры. Для этого нужно открыто про-

никнуть въ этотъ храмъ, на фронтоу котораго написана основная заповѣдь „Любите другъ друга“, и гдѣ, не довольствуясь словеснымъ объясненіемъ, отличаются тѣмъ, что удивительными установленіями, поощаженными вѣками, даютъ практическія средства для безпрестаннаго подкрѣпленія въ духѣ жертвы и борьбы противъ своей природы.

Таковы мотивы нашего *разумнаго послушанія*. Да позволятъ намъ въ заключеніе помѣстить ихъ подъ эгидою великихъ именъ науки, напоминая, что тѣ, которые наиболѣе ее уважали, какъ Кеплеръ, Паскаль, Ньютонъ, Амперъ, Коши, Гермиль, Пастеръ, никогда не думали, чтобы отъ ихъ открытіи могло произойти какое либо ослабленіе глубокихъ убѣжденій, которыми они были проникнуты. Чѣмъ больше расширялись ихъ знанія, тѣмъ больше чувствовали они себя охваченными двумя чувствами: съ одной стороны, удивленіемъ, проникнутымъ благодарностью, предъ красотою созданія, детали котораго открывались имъ; съ другой стороны, все возрастающей скромностью, вызываемой слишкомъ очевиднымъ несоотвѣтствіемъ дѣйствительно приобрѣтеннаго знанія съ неизмѣримостью тѣхъ проблемъ, которыя неизбежно вызываются каждымъ новымъ открытіемъ.

Н. П. Ц.

(Продолженіе будетъ).

СПИРИТИЗМЪ.

(Опытъ изслѣдованія вопроса съ точекъ зрѣнія: естественно-научной, исторической, философской и христіанской).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Есть понятія, которыя сами въ себѣ носятъ что-то гипнотизирующее, мистическое, заинтриговывающее. Одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду такихъ понятій, безспорно, занимаетъ спиритизмъ. Трудно въ наше время найти образованнаго человѣка, который-бы не слыхалъ про спиритизмъ и не мѣнѣе трудно, съ другой стороны, найти такого, который-бы имѣлъ сознательный взглядъ на спиритизмъ. Какъ фантастическое чудовище, спиритизмъ до нынѣ окруженъ густымъ мракомъ и туманомъ; неудивительно, поэтому, что однихъ онъ пугаетъ, а другихъ смѣшитъ. Здѣсь-же причина и того, что съ именемъ спиритизма связываютъ обыкновенно цѣлыя горы всякихъ былей и небылицъ и по адресу его расточаютъ всевозможныя опредѣленія отъ „высшаго небеснаго откровенія“ до „шарлатанства“ включительно.

Не предрѣшая вопроса,—кто правъ и кто не правъ,—мы для изслѣдованія дѣла вступимъ прежде всего на фактическую точку зрѣнія: прежде, чѣмъ разсуждать о спиритизмѣ, мы покажемъ спиритизмъ, сначала съ внѣшней стороны—въ его явленіяхъ, а потомъ съ внутренней—въ его міровоззрѣніи.

Глава I. Явленія спиритизма.

Вообразимъ, что мы находимся на сеансѣ одного изъ самыхъ сильныхъ медиумовъ нашего времени ¹⁾. Помѣщеніе не имѣетъ рѣшительно никакого значенія,—вы можете пригласить медиума куда угодно и въ какую угодно обстановку. Васъ приглашаютъ выбрать столъ,—опять-таки какой угодно—безразлично,—размѣститься около него и положить на немъ руки такъ, чтобы большой палецъ правой руки касался большого пальца лѣвой, а мизинцы обѣихъ рукъ соприкасались съ мизинцами сосѣдей; самъ медиумъ соединится между вами, замыкая своими руками цѣпь, образовавшуюся вокругъ стола. Нѣсколько минутъ царитъ молчаніе. Но вотъ столъ начинаетъ колебаться, двигаться, наклоняется изъ стороны въ сторону, слегка поднимается надъ поломъ и, наконецъ, тяжело падаетъ. Медиумъ объявляетъ, что *духи* ²⁾ здѣсь. Вы можете теперь прервать цѣпь, или не прерывать,—все равно, дѣйствія пойдутъ своимъ порядкомъ. Допустимъ, что цѣпь прервана, вы отошли отъ стола. Вы слышите, что изъ разныхъ мѣстъ стола раздаются какіе-то удары. Затѣмъ столъ самъ начинаетъ двигаться, поднимается надъ поломъ, то въ ту, то въ другую сторону вертится на одной ножкѣ, перемѣщается по комнатѣ и, наконецъ, возвращается на свое мѣсто. Въ то-же время и остальная мебель комнаты приходитъ въ движеніе. Табуретки начинаютъ подпрыгивать подъ сидящими. Диваны тяжело приподнимаются. Тѣ-же движенія продѣлываютъ и кресла. Фарфоръ, хрусталь, каминные канделябры, маленькіе столики,—все приходитъ въ движеніе, сталкивается между собою, но безъ вреда для себя.

Если мебель, на которой стоятъ эти предметы, сильно наклоняется, то они не падаютъ, а какъ-бы, пригвожденные стоятъ на своемъ мѣстѣ. Часы покидаютъ свое мѣсто, чтобы очутиться на колѣняхъ испуганной дамы; стоящая на столѣ бронзовая ваза движется по всѣмъ направленіямъ, не задѣ-

¹⁾ Слово *медиумъ* значитъ посредникъ. Этимъ именемъ на языкѣ спиритизма называются лица по своей организаціи наиболѣе приспособленныя къ дѣйствию на нихъ духовъ. Черезъ нихъ духи проявляютъ себя, какъ въ откровеніяхъ, такъ и во всѣхъ спиритическихъ явленіяхъ.

²⁾ По спиритизму невидимыми дѣятелями во всѣхъ спиритическихъ явленіяхъ бываютъ *духи* или *души умершихъ*.

вая ни стакановъ, ни посуды. Самая тяжелая мебель—шкафы и комоды, сдвигаются и перемѣщаются, поднимаются наверхъ, иногда достигаютъ потолка и неподвижно остаются въ такомъ положеніи въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Изъ разныхъ мѣстъ раздаются какіе-то таинственныя стуки и удары. Двери сами открываются и закрываются, засовы выдвигаются, ключи поворачиваются въ замочныхъ скважинахъ. Шкафы и комоды, какъ-бы ихъ тщательно ни запирали, внезапно открываются безъ малѣйшаго слѣда взлома. Находящіяся въ нихъ вещи то выходятъ, то снова возвращаются на свое мѣсто. Иногда эти вещи переходятъ изъ одного запертаго хранилища въ другое, причемъ нельзя понять, откуда они могли выйти и войти. Чемоданы начинаютъ двигаться, опрокидываются, становятся пустыми, снова наполняются, приводятся въ порядокъ и запираются.

Пока совершаются описанныя нами чудеса, нѣкоторыя вещи въ комнатѣ теряютъ большую часть своего вѣса, такъ что самыя большія изъ нихъ ребенокъ можетъ переносить съ мѣста на мѣсто, какъ перышко. Наоборотъ, другіе предметы, даже очень маленькіе, пріобрѣтаютъ громадный вѣсъ. Но это измѣненіе вѣса лишь временное и продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока нравится таинственнымъ существамъ, его производящимъ. Другіе предметы мгновенно мѣняютъ температуру безъ всякой видимой причины, изъ холодныхъ становятся пышущими жаромъ, изъ горячихъ холодными, какъ ледъ.

Въ видахъ разнообразія своихъ представленій духи часто услаждаютъ всѣхъ музыкой. Если въ комнатѣ имѣется музыкальный инструментъ, то всѣ слышатъ, какъ на немъ играютъ, при чемъ никто не касается его руками. Даже если инструмента нѣтъ, это не помѣшаетъ раздаваться музыкѣ. Она слышится изъ невидимыхъ инструментовъ то близко, то далеко, серьезная и легкая, веселая и печальная. Музыка эта раздается въ воздухѣ, или точно льется со стѣны, изъ потолка, съ полу, или даже изъ мраморной статуи, изъ сундука, но откройте сундукъ и вы не найдете тамъ ничего.

Внезапно музыка обрывается. При оглушительномъ шумѣ стѣны и потолокъ комнаты начинаютъ колебаться, полъ получаетъ волнообразное движеніе, точно во время землетрясенія, комната наполняется вихремъ, тогда какъ извнѣ все спокойно. Огни гаснутъ и все погружается въ

глубокій мракъ. Вскорѣ маленькіе огоньки и язычки свѣта разпой окраски начинаютъ пробѣгать по комнатѣ, замѣняясь въ концѣ концовъ однообразнымъ свѣтомъ, то яркимъ и ослѣпительнымъ, то мягкимъ и разсѣяннымъ,—свѣтомъ, который, повидимому, родился изъ самого себя.

Вдругъ къ крайнему удивленію присутствующихъ, медиумъ, окруженный свѣтлымъ ореоломъ, подымается къ потолку. Пробывши тамъ нѣсколько минутъ, опъ вмѣстѣ съ стуломъ летитъ къ окну; послѣднее само собою раскрывается; медиумъ летитъ наружу и возвращается оттуда въ другое окно, которое также предупредительно раскрывается само собою.

Между тѣмъ въ комнатѣ опять появляются таинственные огоньки и вы чувствуете какое-то холодное дуновение, которое проходитъ по всему вашему тѣлу. Въ воздухѣ появляются невидимыя руки, которыя выхватываютъ изъ кармана у одного часы, у другого платокъ, поднимаютъ руки присутствующихъ, касаются ихъ рукъ, ногъ, плечъ, колѣней; однихъ ласкаютъ, другихъ дергаютъ за бороду, пачкаютъ руки и лицо красящимъ веществомъ.

Къ нѣкоторымъ лицамъ таинственные виновники этихъ чудесъ питаютъ особую симпатію: лица эти чувствуютъ, какъ къ нимъ на колѣни падаютъ букеты, коробки съ конфектами и другіе подарки невѣдомаго происхожденія.

Но вы изъявляете желаніе вступить въ разговоръ съ виновниками этой пертурбаціи. Медиумъ къ вашимъ услугамъ: суматоха прекращается. Медиумъ приглашаетъ духа одухотворить избранный столъ. Столъ начинаетъ двигаться. Условливаются съ духомъ относительно способа разговора; столъ долженъ стучать установленное количество разъ при утвержденіи и отрицаніи вопроса, или-же долженъ выбивать ножкой каждую букву количествомъ ударовъ, соответствующимъ счету буквы по алфавиту. Разговоръ завязывается и даются отвѣты на самые странные и трудные вопросы.

Если вамъ утомительно ждать и высчитывать эти стукки стола, медиумъ опять къ вашимъ услугамъ,—у него есть другой болѣе удобный способъ передачи мыслей духовъ.—Опъ беретъ карандашъ въ руку и кладетъ ее на листъ бумаги. Вы скоро замѣчаете, что рука начинаетъ конвульсивно двигаться и затѣмъ начинаетъ писать съ непостижимой поспѣшностью слово за словомъ. Не бѣда, если медиумъ не-

грамотный,—рука все равно будетъ писать; она будетъ вамъ писать на разныхъ языкахъ, неизвѣстныхъ медиуму, отвѣчать на вопросы, которые гораздо выше пониманія медиума. Причемъ отвѣты будутъ записаны разными почерками въ зависимости отъ разныхъ духовъ, диктующихъ ихъ. Но васъ смущаетъ то, что карандашъ всетаки находится въ рукѣ медиума?—Можно и безъ этого.—Его привязываютъ ниткой къ коробкѣ, или къ ножкѣ стола и онъ пишетъ самъ и опять разными почерками въ зависимости отъ различія вопрошаемыхъ духовъ. Возможно обстоятельство и еще болѣе загадочное.—Можно листъ бѣлой бумаги запереть въ ящикъ стола, или-же помѣстить между двумя пластинками, мраморными, аспидными или стеклянными—все равно,—и на виду у всѣхъ бумага покроется написанными отвѣтами на заданные вопросы.

Если медиумъ принадлежитъ къ числу *говорящихъ*, то онъ самъ вамъ отвѣчаетъ на всѣ вопросы, по желанію, на какомъ угодно языкѣ. Если онъ *видящій* медиумъ, то при помощи видѣній, представляющихся его глазамъ, онъ расскажетъ вамъ о событіяхъ, происходившихъ въ отдаленныя времена, о фактахъ, совершающихся въ настоящую минуту за сотни и тысячи верстъ разстоянія отъ него. Послѣ самая строгая повѣрка (будто бы) убѣдитъ васъ, что факты эти произошли именно такъ, какъ описалъ ихъ медиумъ.

Часто, послѣ письменной бесѣды, присутствующіе высказываютъ желаніе услышать голосъ тѣхъ, съ кѣмъ они до сихъ поръ разговаривали столь страннымъ образомъ. И голоса раздаются со стѣнъ, потолокъ, полу, изъ той или другой мебели, иногда даже изъ середины пустого пространства комнаты. Голоса эти то говорятъ обыкновеннымъ образомъ, то декламируютъ со всѣми тонкостями ораторскаго искусства, то поютъ мелодіи всякаго рода. Иногда они забавляются подражаніемъ голосу или акценту одного изъ присутствующихъ, или перефразировываютъ въ кощунственныя пародіи молитвы, прочитанныя однимъ изъ присутствующихъ. Случается также, что въ разговорѣ серьезной бесѣды съ духами, отвѣты внезапно становятся безсвязными, нелѣпыми, непристойными, противорѣчивыми, лживыми, дерзкими. По словамъ медиумовъ, это—весьма частое явленіе; причиной служатъ или другіе духи, замѣшавшіеся среди вызванныхъ, или духъ—мистификаторъ, принявшій на себя

роль вызваннаго, или вызванный и обнуженный какимъ-либо вопросомъ духъ.

Сказаннымъ не исчерпывается весь репертуаръ спиритическихъ чудесъ,—самое главное поразительное явленіе еще впереди, это—*материализація* духовъ, т. е. явленіе духовъ въ чувственно-доступной, осязаемой формѣ. Большею частію матеріализація бываетъ не полная, именно материализуется лишь часть фигуры, или отдѣльные органы, что происходитъ безъ просьбы медиума, даже помимо желанія его и присутствующихъ.

Посреди сеанса, вдругъ, сверхъ всякаго ожиданія, на столахъ, сидѣніяхъ, появляются части рукъ и ногъ, то маленькія, то громадной величины. Онѣ одарены жизнію, движеніемъ и необычайной силой. На ощупь онѣ то холодны, какъ трупъ, то тепловаты и гибки, какъ у здороваго чело-вѣка, то пылаютъ жаромъ, точно при сильной лихорадкѣ. Если-же пожелаютъ убѣдиться въ силѣ этихъ таинственныхъ рукъ, то чувствуютъ такое ужасное рукопожатіе, что впечатлѣніе отъ него живо сохраняется на долгое время.

Въ одномъ изъ опытовъ Крукса такая рука среди бѣла дня, на глазахъ нѣсколькихъ интеллигентныхъ и достойныхъ довѣрія свидѣтелей, сорвала цвѣтокъ съ длиннымъ стеблемъ и медленно пропустила его чрезъ еле замѣтную щель большого дубоваго стола такъ ловко, что нельзя было замѣтить ни простымъ глазомъ, ни при помощи микроскопа ни малѣйшей царапины ни на стеблѣ, ни на лепесткахъ цвѣтка, хотя и тотъ и другіе превышали разъ въ десять-двѣнадцать ширину щели, чрезъ которую ихъ продѣла рука.

Въ случаяхъ полной матеріализаціи явившіеся духъ обыкновенно имѣетъ парообразный, прозрачный видъ съ туманными и распылчатыми очертаніями, иногда-же въ видѣ вполне ясной фигуры, доступной осязанію. Его внѣшній видъ, выраженіе лица, покрой одежды такіе-же, какіе существовали при земной жизни этого духа, согласно историческимъ даннымъ, или памяти лицъ, знавшихъ его. Иногда онъ обладаетъ кроткой добродушной фізіономіей, голова окружена свѣтлымъ ореоломъ, на плечахъ крылья; иногда, наоборотъ, онъ имѣетъ дикій, звѣрскій видъ.

При полной законченной матеріализаціи, духовъ можно касаться, ласкать, обнимать; они позволяютъ здороваться съ ними; они громко поютъ, присаживаются къ письменному

столу и пищутъ отвѣты на заданные вопросы. Они позволяютъ отрѣзать у себя прядь волосъ и куски одежды. Иногда духи позволяютъ даже фотографировать себя при дневномъ освѣщеніи или при свѣтѣ магнія.

Рѣдко духи являются уже цѣльными, сформированными предъ собраніемъ; чаще всего они возникаютъ и образуются на глазахъ зрителей.—Въ углу комнаты появляется сначала свѣтлое облачко, затѣмъ, въ центрѣ его выдѣляется темное ядро, которое очень быстро начинаетъ уплотняться. Изъ этого ядра незамѣтно вырисовывается голова, шея, грудь, плечи и остальные части фигуры. Очертанія изъ расплывчатыхъ дѣлаются все болѣе и болѣе опредѣленными до тѣхъ поръ, пока не появится вполне подобное вамъ существо. Исчезаетъ это существо разными способами: то расплывается въ облакъ, изъ котораго появилось, то внезапно пропадаетъ необъяснимымъ образомъ, то уходитъ въ полъ, въ стѣну и т. п. ¹⁾).

Далѣе явленій матеріализаціи спиритизмъ до настоящаго времени не идетъ, да, кажется, и идти далѣе уже некуда. Описанныя нами чудеса настолько необычайны, что скорѣе напоминаютъ главу изъ фантастическаго романа, чѣмъ описаніе дѣйствительности, и однако-же *все это (будто бы) описаніе дѣйствительности*, заимствованное изъ вполне точныхъ и добросовѣстныхъ отчетовъ людей, не занимавшихся спиритизмомъ. Правда, ни на одномъ сеансѣ, ни у одного медиума вы не увидите *всего* того, что мы описали—мы представили типичный сеансъ, но изъ разныхъ чертъ, въ разное время, и въ разныхъ мѣстахъ, какъ все это происходило и происходитъ на спиритическихъ сеансахъ, что засвидѣтельствовано безчисленнымъ количествомъ очевидцевъ. Конечно, человѣка тенденціозно настроеннаго ничѣмъ не убѣдишь, но намъ кажется, долженъ быть предѣлъ всякому сомнѣнію. О дѣйствительности спиритическихъ явленій свидѣлствуютъ намъ америкаицы, французы, англичане, датчане, нѣмцы, голландцы, итальянцы, испанцы, португальцы, русскіе, не говоря уже о египтянахъ и индійцахъ.

По своимъ религіознымъ убѣжденіямъ среди этихъ

¹⁾ Описаніе это *типичнаго* спиритическаго сеанса нами взято въ существенныхъ чертахъ изъ книги „Гипнотизмъ и Спиритизмъ“ профессора, доктора Лаппони, лейбъ-медика ихъ Святѣйшества Льва XIII и Пія X.

свидѣтелей есть и православные, и католики, и лютеране, и мормоны, и атеисты, и матеріалисты.

Если вы пожелаете справиться о профессіи лицъ—свидѣтелей реальности спиритическихъ феноменовъ, то среди нихъ найдете: богослововъ, философовъ, профессоровъ, математиковъ, астрономовъ, геологовъ, физиковъ, химиковъ, натуралистовъ, антропологовъ, врачей, литераторовъ, журналистовъ, чиновниковъ, политиковъ, дипломатовъ, социалоговъ, даже правителей.

Между ними много лицъ знаменитыхъ своею ученостію, корифеевъ науки, со всесвѣтнымъ именемъ или, по меньшей мѣрѣ, выдающихся специалистовъ своего дѣла и, что всего интереснѣе, специалистовъ именно въ тѣхъ областяхъ, которыя ближе всего могли-бы имѣть отношеніе къ явленіямъ спиритизма: по психологій, психіатріи, фізіологій, антропологии, медицинѣ, физикѣ и химіи. Вотъ краткій списокъ этихъ лицъ: Митр. Филаретъ; епископъ Теофанъ; прот. Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадтскій); прот. Гр. Дьяченко; проф. Бутлеровъ; проф. Вагнеръ; А. Аксаковъ; писатель В. И. Даль; проф. Юркевичъ; математикъ и академикъ М. В. Остроградскій; Викторъ Менье, публицистъ; Ларошъ Геронъ, публицистъ; Шарль Ломонъ, драматургъ; Вальтеръ Скоттъ, романистъ; Викторъ Гюго; проф. Скарпа; проф. Веспасіони, проф. Даміани; проф. Анжело Брофферіо; проф. Джузеппе Жероза; генераль Баллаторе; проф. Гофманъ; докторъ Декстеръ; математикъ Винъ; президентъ математическаго общества въ Лондонѣ—Августъ фонъ Морганъ; Сведенборгъ, математикъ, физикъ, естествоиспытатель и астрономъ; Лоджъ, математикъ и физикъ; Фламмаріонъ, астрономъ; Цѣльнеръ изъ Лейпцига, астрономъ; Чадлисъ, астрономъ; Баркъ, геологъ; Дутонъ, геологъ; А. И. Тиндаль, физикъ; Фехнеръ, физикъ; Хэръ, химикъ; Карусъ, врачъ и психологъ; Кукель, физикъ; Менъ, химикъ; Гумфри Дэви, химикъ; Л. Ферри, антропологъ; Морзелли, антропологъ; Ц. Ломбразо, антропологъ; Перши, натуралистъ; Д. Секстонъ, врачъ, географъ и геологъ; Лаппони, профессоръ, докторъ; Шаръ Рише, врачъ и фізіологъ; Филопанти, философъ; аббатъ Горро, каноникъ въ Нанси; аббатъ Роша; Гомонъ, евангелическій пасторъ; Симонсъ, чиновникъ; Эйла, итальянскій министръ юстиціи и вѣроисповѣданій; Гирсъ, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ; Линкольнъ, президентъ Соединенныхъ Штатовъ; проф.

Фалькомеръ, юристъ; П. Б. Рустэ, адвокатъ высшаго суда въ Бордо; Гладстонъ, англійскій министръ—президентъ; Юллэсъ, натуралистъ; Круксъ, физикъ и химикъ и многіе другіе.

Неудивительно поэтому, что на сеансахъ знаменитаго спиритическаго медиума Юма не постѣснялся присутствовать Французскій Императоръ Наполеонъ III-й съ Императрицей и нашъ Императоръ Александръ II-й.

Къ вышеприведеннымъ именамъ было бы излишнимъ присоединять какія-либо свои личныя соображенія или доказательства въ пользу реальности спиритическихъ явленій. Какъ-бы ни были странны эти явленія, но сомнѣваться въ ихъ реальности *нѣтъ разумной возможности*. Едва-ли какая-либо историческая истина засвидѣтельствована столькими и *такими* свидѣтелями и при томъ послѣ *столькихъ* и *столь* разнообразныхъ экспертизъ со стороны представителей всевозможныхъ спеціальностей. Да, читатель, то, что мы видѣли съ тобой—описательно—на спиритическомъ сеансѣ, не обманъ, не воображеніе, а *дѣйствительность*, удивляться этому можно сколько угодно, но сомнѣваться въ этомъ нельзя. Иное дѣло—какъ смотрѣть на эти явленія? но это уже будетъ объясненіе, а мы обѣщались сначала *показать* спиритизмъ съ внѣшней и внутренней его стороны, а потомъ уже будемъ выяснять.

Переходимъ къ внутренней сторонѣ спиритизма, къ его міровоззрѣнію, къ философіи.

Нужно сказать, что не смотря на неотразимую обаятельность и таинственность внѣшнихъ явленій спиритизма, спиритизмъ нашего времени мало придаетъ имъ значенія, какъ средству пропаганды своего міровоззрѣнія. Причина этого понятна.—Мало кто имѣеть возможность бывать на продуктивныхъ спиритическихъ сеансахъ, потому что хорошіе медиумы спиритизма все-же считаются только единицами. Помимо того, внѣшнія явленія, какъ-бы они ни были поразительны, всегда порождаютъ множество всевозможныхъ толкованій благопріятныхъ и неблагопріятныхъ спиритизму, что значительно ослабляетъ силу ихъ убѣдительности. Совсѣмъ другое дѣло—философія. Чтобы ознакомиться съ ней, не нужно ни медиумовъ, ни собраній, ни сеансовъ. Каждый, сидя дома, можетъ по книгѣ ознакомиться съ ея основоположеніями и каждый, по мѣрѣ силъ, можетъ разобраться

въ ней. Спиритизмъ особенно вѣритъ въ неотразимую силу своей философіи и открыто вызываетъ кого угодно на разумное состязаніе. „Тотъ даже, говорятъ спириты, кто не былъ свидѣтелемъ ни одного матеріальнаго проявленія духовъ, скажетъ: внѣ этихъ явленій есть философія и эта философія объясняетъ мнѣ то, чего ни одна философія не объяснила“¹⁾.

Нужно имѣть въ виду, что философія спиритизма, по заявленію спиритовъ, вся цѣликомъ построена на основаніи сообщеній духовъ; но соблюдая высшую мѣру объективности, спириты разрѣшаютъ всякому забыть это послѣднее обстоятельство и просить считаться съ нею, какъ съ философіей вообще, на почвѣ глубины, разумности и убѣдительности, безотносительно къ тому, кто ея авторъ и каково ея происхожденіе.

Условіе въ высокой степени благодарное и мы не преминемъ имъ воспользоваться.

Глава II. Философія спиритизма.

„Тотъ, кто зналъ-бы относительно земного магнетизма только по игрѣ магнитныхъ рыбокъ, плавающихъ въ чашкѣ съ водой, тотъ съ трудомъ могъ-бы понять, что игрушка эта заключаетъ въ себѣ тайну механизма вселенной и движенія міра.

То-же самое можно сказать о томъ, кто знаетъ изъ спиритизма только о движеніи столовъ; онъ видитъ въ этомъ забаву, препровожденіе времени и не понимаетъ, что это простое обыкновенное явленіе извѣстное еще въ древности и даже полудикимъ народамъ, можетъ имѣть связь съ самыми серьезными вопросами общественнаго порядка. Въ самомъ дѣлѣ, какое отношеніе можетъ имѣть для поверхностнаго наблюдателя вертящійся столъ къ нравственности и будущности человѣка? Но тотъ, кто разсудитъ, вспомнитъ, что изъ кастрюли, крышка которой при кипѣніи приподымается; изъ кастрюли, которая точно также кипѣла и въ глубокой древности, созданъ могущественный двигатель, съ которымъ человѣкъ преодолеваетъ пространства и уничтожаетъ разстояніе.

Итакъ, знайте-же, говорятъ спириты, невѣрующіе ни во что внѣ матеріальнаго міра, что изъ вертящихся столовъ, вызы-

¹⁾ Аманъ Кордекъ. Т. I. „Книга Духовъ“. Москва, 1906 года, стр. 454—6.

вающихъ у васъ улыбку презрѣнія вышла цѣлая наука и по-лучилось рѣшеніе задачъ, которыхъ не могла рѣшить ни одна философія“¹⁾. „Нужно имѣть слишкомъ ложное понятіе о спиритизмѣ, чтобы думать, что онъ черпаетъ силу въ матеріальныхъ проявленіяхъ... Сила его заключается въ его философіи, въ обращеніи къ разуму, къ здравому смыслу. Въ древности онъ былъ предметомъ таинственныхъ занятій тщательно скрывааемыхъ отъ народа; въ настоящее время онъ ни для кого болѣе не тайна. Онъ говоритъ ясно, безъ всякихъ двусмысленностей; въ немъ нѣтъ ничего мистическаго, нѣтъ аллегорій, ведущихъ къ ложнымъ толкованіямъ; онъ хочетъ быть понятенъ каждому, потому что настало время открыть истину людямъ... Спиритизмъ не есть дѣло рукъ человеческихъ, и никто не можетъ себя назвать изобрѣтателемъ его, потому что онъ есть истина, столь-же древняя, какъ и сотвореніе міра; онъ находится вездѣ, во всѣхъ религіяхъ, а въ католической религіи въ особенности“²⁾... „Спиритизмъ собираетъ воедино то, что было разбросано; онъ объясняетъ простыми словами то, что было извѣстно только въ аллегорической формѣ, онъ возстанавливаетъ то, что упорное невѣжество низвело до степени дѣтской забавы, оставляя только реальное и положительное“³⁾. „Всѣ явленія спиритизма, безъ исключенія, суть слѣдствія всеобщихъ законовъ, явленія эти открываютъ намъ одну изъ силъ природы, силу неизвѣстную, или, лучше сказать, непонятную до сихъ поръ, — но которая, какъ показываетъ наблюденіе, не заключаетъ въ себѣ ничего сверхъестественнаго. Спиритизмъ еще менѣе, чѣмъ религія, основанъ на таинственномъ и сверхъестественномъ; тѣ, которые ставятъ ему это въ упрекъ, его не знаютъ“⁴⁾.

Переходимъ теперь къ изложенію философіи спиритизма.

Священ. Іоаннъ Дмитревскій.

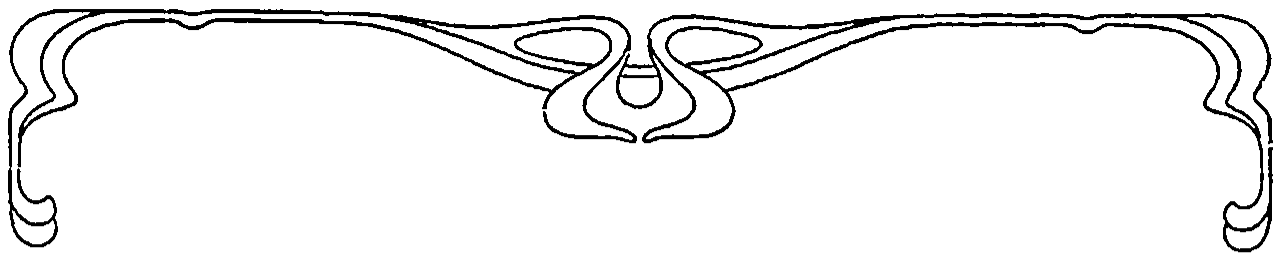
(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Алланъ Кордекъ: „Книга Духовъ“ стр. 449.

²⁾ Тамъ-же с. 457—8. Спиритизмъ не касается догматовъ отличающихъ католичество отъ православія, такъ что съ точки зрѣнія спиритовъ, спиритизмъ, очевидно, столь-же близокъ и къ православію. Подробности объ этомъ увидимъ ниже.

³⁾ Тамъ-же стр. 458.

⁴⁾ „Книга Духовъ“, стр. 451.

Натуралистическій монизмъ Геккеля.

Критическое изслѣдованіе степени научной состоятельности враждебной христіанству монистической философіи.

(Продолженіе *).

3. Критика теоріи развитія.

Для правильной оцѣнки научнаго и философскаго значенія теоріи развитія или теоріи десцендептизма слѣдуетъ принять во вниманіе слѣдующее.

1. Теорія предполагаетъ пзмѣчивость видовъ животнаго и растительнаго царства, развитіе или происхожденіе одного вида отъ другого.

Что такое мы называемъ видомъ? При изученіи органической природы, мы скоро замѣчаемъ тотъ фактъ, что организмы представляютъ различныя степени взаимнаго сродства. Для выраженія этихъ степеней сродства, при систематическомъ описаніи организмовъ, ихъ соединяютъ въ группы все болѣе тѣсныя и для обозначенія этихъ группъ пользуются терминами, которыми обозначаются степени родства, каковы: семейство, колѣно, родъ и проч. Самую тѣсную группу, образованную существами наиболѣе между собою сходными, группу, составляющую какъ бы собирательную единицу, Линней назвалъ *видомъ*. Изъ видовъ слагаются роды, изъ родовъ семейства и т. д. Осель и лошадь—два особыхъ вида, которые составляютъ одинъ родъ *equus*; волкъ и собака—два вида рода—*canis* и т. д. Группа инди-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 9 за 1910 годъ.

видовъ, сходныхъ между собою въ существенныхъ признакахъ и при послѣдовательной смѣнѣ поколѣній повторяющихъ этотъ рядъ существенныхъ признаковъ, называется видомъ.

Нѣкоторые естествоиспытатели утверждаютъ, что виды неизмѣнчивы. Другіе, напротивъ, утверждаютъ вмѣстѣ съ Дарвиномъ возможность происхожденія одного вида отъ другого, т. е. защищаютъ десцендентную теорію. Послѣдніе объ этомъ разсуждаютъ такъ. Во первыхъ, извѣстно, что въ природѣ не существуетъ двухъ безусловно сходныхъ формъ; растенія, взшедшія изъ сѣмянъ, взятыхъ изъ одного плода, представляютъ различія, слѣдовательно, о полномъ сходствѣ не можетъ быть и рѣчи. Мало того, мы очень хорошо знаемъ, что и въ предѣлахъ вида можно найти болѣе тѣсныя группы существъ, еще ближе сходныхъ между собою. Такимъ образомъ, видъ, который служитъ единицей для группъ высшихъ порядковъ, самъ въ свою очередь распадается на единицы низшихъ порядковъ. Всякій знаетъ, какъ различны породы собакъ, какъ разнообразны сорта пшеницы, какъ много различны разновидности цвѣтовъ и т. п. Постоянства вида, стало быть, нѣтъ; видъ распадается на множество разновидностей, существенно различающихся одна отъ другой. Да, отвѣчаютъ на это защитники неизмѣняемости видовъ, но разновидности, какъ бы онѣ ни были различны между собой, тѣмъ не менѣе способны скрещиваться между собой, образуя помѣси, способныя къ дальнѣйшему размноженію; напротивъ, виды не способны образовать помѣси и, если образуютъ, то потомство ихъ обречено на безплодіе. Природа какъ бы умышленно, создавъ извѣстное число видовыхъ формъ, позаботилась о томъ, чтобы онѣ сохранились на вѣки неизмѣнными, и для этого оградила ихъ отъ возможности измѣняться путемъ образованія помѣсей. И это соображеніе защитниками десцендентизма успѣшно опровергается указаніемъ на то, что, напр., оплодотвореніе цвѣтка пыльцою чужого или несходнаго растенія бываетъ успѣшнѣй, чѣмъ пыльцою растенія сходнаго, что оплодотвореніе пыльцою другого вида иногда бываетъ плодороднѣе, чѣмъ оплодотвореніе пыльцою того же вида. Затѣмъ нужно замѣтить еще то, что относительно помѣсей двухъ различныхъ видовъ или такъ называемыхъ убудковъ не имѣется достаточнаго количе-

ства провѣренныхъ наблюденій. Имѣется цѣлый рядъ ублю- дочныхъ образованій, которыя получились либо благодаря забавѣ любителей, либо случайно. Но тщательныхъ наблю- деній надъ скрещиваніями такихъ ублюдковъ, какъ между собою, такъ и съ представителями отцовской и материнской родовой линіи не было сдѣлано. А потому выводить заклю- ченіе о бесплодности ублюдковъ пока преждевременно и не научно.

Разумѣется, мы не имѣемъ возможности указать на фак- тическія преобразованія видовъ, совершившіяся, такъ ска- зать, на нашихъ глазахъ. Но жизнь не только одного чело- вѣка, а и многихъ поколѣній ничтожна въ сравненіи съ пе- ріодомъ времени, необходимымъ для образованія новаго ви- да, а потому отвергать возможность преобразованія видовъ на основаніи только кратковременныхъ нашихъ наблюденій едва ли позволительно. Напротивъ, палеонтологія достаточно ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что образованіе новыхъ формъ, періодическія чередованія ихъ фактически имѣли мѣсто; точно также сравнительная анатомія и многочисленные фак- ты, какіе мы можемъ наблюдать въ настоящее время: воз- никновеніе всѣхъ формъ жизни изъ яйца, тотъ фактъ, что нѣкоторые организмы находятся еще въ состояніи превра- щенія, (см. de Wries, его наблюденія надъ *Oenothera Lamar- kiana*), изслѣдованія Рейнке по вопросу о взаимномъ дѣй- ствіи другъ на друга мховъ, папоротниковъ и цвѣтковыхъ растений, а также наблюденія его надъ ново-голландскою ака- ціей и лишайникомъ,—всѣ такіе факты, по мнѣнію назван- ныхъ изслѣдователей, могутъ быть удовлетворительно объ- яснены только теоріей происхожденія видовъ, или десцен- дентной теоріей.

Что касается теоріи подбора, то тутъ обстоятельства не столь для нея благоприятны. Васманъ, съ мнѣніемъ котораго считается самъ Геккель, признавая его достойнымъ себя противникомъ, послѣ тщательныхъ изысканій, приходитъ къ заключенію, что теорія подбора не соответствуетъ дѣйстви- тельности¹⁾, напротивъ, представляется вѣроятнымъ, что имен- но внутренніе законы, присущіе органической жизни, заклю- чаютъ въ себѣ разгадку процессовъ развитія²⁾. Къ подоб-

1) Vasmann, Stimmen aus Maria Laach 1 Heft, S 34.

2) Ibid. S 163.

нымъ же выводамъ приходитъ Фр. Вагнеръ: теорія развитія или десцендентная теорія приобрѣла въ настоящее время значеніе научной теоріи, однако, „съ каждой новой фазой прогресса нашихъ эмпирическихъ познаній она должна постоянно подвергаться все новой провѣркѣ, чтобы не превратиться въ застывшую догму“, въ теоріи же подбора она не нуждается болѣе. Эта послѣдняя не опровергнута окончательно, но она обнаруживаетъ недостатки, въ особенности тотъ крупный недостатокъ, что она не объясняетъ развитія, а предполагаетъ его. Она имѣетъ значеніе только лишь какъ одинъ изъ факторовъ процесса развитія, не болѣе того: были попытки дополнить эту теорію, расширить, углубить, уяснить; вопросъ о томъ, насколько велико дѣйствіе принципа подбора еще не рѣшенъ.—Мы еще далеки отъ того, чтобы придти къ какому либо, хотя бы только лишь предварительному выводу относительно этой теоріи въ томъ или иномъ направленіи; проблемы, поставленныя Дарвиномъ, находятся еще въ процессѣ жизни, въ процессѣ развитія“¹⁾.

Принимая въ принципѣ десцендентную теорію, что же мы должны сказать относительно происхожденія человѣка, имѣющаго по этой теоріи животныхъ предковъ? Не разъ уже упомянутый нами католическій богословъ Васманъ говоритъ, что зоолога, который сталъ бы разсматривать человѣка только лишь съ зоологической точки зрѣнія, онъ охотно бы сравнилъ съ типографскимъ наборщикомъ, который какую-нибудь Моцартовскую композицію разсматриваетъ съ точки зрѣнія типографскихъ чернилъ. Однако же, такъ какъ при принципиальномъ допущеніи теоріи развитія трудно отрицать животное происхожденіе человѣческаго тѣла, то самъ Васманъ приводитъ по этому поводу двѣ теоріи съ критическими замѣчаніями къ нимъ. Первая теорія допускаетъ непосредственное происхожденіе человѣка отъ обезьяны. По замѣчанію Васманна, такое предположеніе не имѣетъ достаточныхъ морфологическихъ и фізіологическихъ основаній; даже новѣйшія попытки Фриденталя посредствомъ трансфузіи и реакцірованія человѣческой кровью на кровь приматовъ-обезьянъ установить кровное родство между ними, не-

¹⁾ Politisch. Anthropolog. Revue (Fr. Wagner) S. 8. См. также выводы палеонтолога Штейманна у Деннерта, S. 26—31.

достаточны для этой цѣли, такъ какъ сходство химическихъ свойствъ еще не означаетъ идентичности двухъ видовъ крови. Другая теорія предполагаетъ, что параллельно съ обезьянами для человѣка существовалъ особый, независимый порядокъ развитія. И эта теорія также встрѣчаетъ для себя нѣкоторыя затрудненія, между прочимъ, въ отсутствіи промежуточныхъ звеньевъ, которыхъ не можетъ указать палеонтологія. Васманнъ поэтому приходитъ къ такому заключенію. „Изслѣдуя естественно-научные доводы въ пользу животнаго происхожденія человѣка, мы должны сказать, что не имѣемъ никакого права считать такое предположеніе доказаннымъ“, и далѣе вмѣстѣ съ Рейнке онъ говоритъ: „только признаніе, что о происхожденіи человѣка намъ ничего неизвѣстно, соответствуетъ достоинству научнаго знанія“¹⁾.

„Но допустимъ, говоритъ Энгертъ, тотъ случай, что человѣкъ, дѣйствительно, имѣетъ животныхъ предковъ—Васманнъ въ согласіи съ идеями Бомы Аквината даетъ прекрасное изображеніе этого возможнаго случая,—тогда, быть можетъ, не будетъ ничего отталкивающаго и неприличнаго въ такомъ предположеніи: при сотвореніи перваго человѣка, Богъ воспользовался уже готовою органическою матеріею, чтобы возвысить и облагородить ее, давши ей первую человѣческую душу“.²⁾

Только что высказанная мысль Энгерта и раньше высказывалась нѣкоторыми эволюціонистами, которые не перестали быть теистами, а равно и нѣкоторыми богословами, желавшими примирить дарвинизмъ съ библіей. Такъ напр., эту мысль проводитъ Годри въ своемъ „Опытѣ философской палеонтологіи“; Уоллесъ происхожденіе человѣка отъ обезьяноподобныхъ животныхъ объясняетъ высшимъ воздѣйствіемъ, нашъ ученый Тимирязевъ въ своей лекціи „Опровергнутъ ли дарвинизмъ?“ проводитъ мысль о соглашеніи дарвинизма съ библіей; о покойномъ Рачинскомъ говорятъ, что онъ хотѣлъ напечатать разсужденіе о такомъ соглашеніи въ „Церковныхъ вѣдомостяхъ“, но что его другъ оберъ-прокуроръ Св. Синода Побѣдоносцевъ отклонилъ печатанье статьи Рачинскаго.

1) Vasmann, Biologie und Entwicklungsgesch. S. 295, 304, 282.

2) Engert, Natural. Monismus, S. 59.

Если бы эволюціонная теорія была твердо установленной научной истиной, если бы наука съ несомнѣнностью доказала происхожденіе чековѣка отъ нпзшихъ животныхъ, тогда христіанскому богослову волей-неволей пришлось бы искать способовъ къ примиренію библіи, библейскаго сказанія о сотвореніи Адама съ дарвинизмомъ.

Гипотеза Коперника о вращеніи земли вокругъ солнца, какъ извѣстно, цѣкоторое время считалась еретическою; думали, что она стоитъ въ рѣшительномъ противорѣчій съ библейскими воззрѣніями (напр., съ повѣствованіемъ о томъ, что солнце остановилось въ своемъ движеніи, когда Іисусу Навину понадобилось, чтобы продлился день для окончательнаго пораженія врага). Между тѣмъ теперь кто же сомнѣвается во вращеніи земли вокругъ солнца, а не наоборотъ? Теорію Коперника нашли возможнымъ примирить съ библіей. Далѣе, библейское повѣствованіе о дняхъ творенія очень, повидимому, ясно подъ днями разумѣеть именно дни — части сутокъ. (И бысть вечеръ и бысть утро — день единъ). И однако же, существуетъ богословское мнѣніе, имѣющее за себя голоса авторитетовъ богословской науки, о томъ, что подъ днями творенія можно разумѣть періоды, длившіеся тысячелѣтія. Опять такимъ образомъ попытка примирить библію съ наукой, съ данными геологій.

2. Но воротимся снова къ теоріи развитія. Какъ мы выше уже указывали, идею развитія Геккель заимствовалъ у Гегеля. Природа, по ученію Гегеля, какъ отраженіе абсолютнаго духа, представляющая изъ себя грандіознѣйшее сплетеніе разумности, совокупности дѣйствительности, объятую панлогизмомъ, есть система ступеней, завершающаяся явленіемъ духа; однако, ее нужно представлять не какъ реальную метаморфозу, но только какъ діалектическій процессъ. Нельзя, по мнѣнію Гегеля, представлять себѣ развитіе такъ, будто одна ступень производитъ другую; въ дѣйствительности существуетъ лишь внутренняя идея, лежащая въ основѣ развитія; метаморфозамъ подлежитъ лишь понятія или идеи.

Эту достаточно туманную метафизику Гегеля Ламаркъ и затѣмъ Дарвинъ усвоили и перестроили такъ, что діалектическое развитіе абсолютнаго духа превратилось у нихъ въ развитіе реальной дѣйствительности, въ систему метаморфозъ реальнаго бытія. Въ такомъ видѣ принялъ далѣе эту

идею Геккель. У Гегеля, какъ и его послѣдователей, идея развитія явилась, какъ слѣдствіе стремленія внести единство въ разнообразіе, найти постоянное въ измѣнчивомъ, вѣчно въ переходящемъ. У Геккеля все разнообразіе жизни сводится къ одному основному явленію—къ жизни клѣтки.

Послѣ только что сказаннаго идею развитія можно характеризовать такъ.

а) Съ момента возникновенія органической жизни на землѣ жизнь эта постепенно принимаетъ все болѣе и болѣе разнообразные формы, появляются организмы все болѣе сложнаго и совершеннаго строенія, морфологическое и физиологическое разнообразіе постепенно увеличивается, идетъ впередъ. Развитие это не всегда обуславливается тѣмъ, что то или другое видоизмѣненіе организма непременно полезно или выгодно для него; очень часто, наоборотъ, совершенство организациі уменьшаетъ благоприятные шансы организма въ борьбѣ за существованіе. Но разнообразіе формы и совершенство организациі, опасное для организма, является соответствующимъ цѣлямъ красоты. Поступательное шествіе развитія иногда смѣняется періодами регресса, длящимися тысячелѣтія, или же болѣе или менѣе продолжительными періодами застоя.

Силой, толкающей органическую жизнь къ прогрессивному развитію, можетъ быть только идея, какъ источникъ и основа этого развитія, какъ воля, создающая все новыя и новыя формы, все новыя, вѣчно мѣняющіеся образы.

б) Безконечное разнообразіе формъ жизни, вѣчный калейдоскопъ то появляющихся на сцену индивидовъ, то исчезающихъ, вѣчная смѣна разнообразнѣйшихъ явленій и образовъ—не переходитъ, однако, въ какой-нибудь сумбуръ, хаосъ, но представляетъ собою стройное, гармоническое цѣлое. Всѣ эти разнообразнѣйшія формы и явленія жизни распредѣляются по родамъ, видамъ и т. д. и, благодаря этому, представляютъ организованное единство. Источникомъ этой гармоніи, этого единства въ разнообразіи является нечто иное, какъ только духъ, безъ участія котораго этой гармоніи, этого единства въ разнообразіи нельзя бы было объяснить.

в) Субстратомъ жизни, субстратомъ всѣхъ тѣхъ процессовъ, изъ которыхъ складывается органическая жизнь, является, конечно, матерія. Слѣдовательно и развитіе со-

стоитъ въ послѣдовательномъ рядѣ физико-химическихъ процессовъ, другъ за другомъ слѣдующихъ, другъ друга обуславливающихъ. Между процессами связь разумѣется чисто механическая: тутъ мы имѣемъ дѣло съ силами тяжести, магнетизма, электричества, теплоты, химическаго средства и т. п. Но для пониманія самой сущности процесса развитія, недостаточно установить причинную зависимость явленій, послѣдовательность ихъ, нѣтъ, для этого нужно истолковать ихъ изъ идеи цѣли, достигаемаго результата, и именно, красоты и совершенства. Физико-химическіе процессы не объясняютъ развитія, они сами получаютъ смыслъ и значеніе только отъ духа, который опредѣляетъ характеръ ихъ дѣйствія, содержаніе и способъ его.

Если это такъ, если въ развитіи наблюдается постепенное восхожденіе отъ низшаго къ высшему, если при безконечномъ разнообразіи мы видимъ гармонію и единство, то ясно, что развитіе требуетъ для своего объясненія духовной причинности, которая, какъ живая сила и объясняющая идея имѣетъ основу въ себѣ самой; только такой силой мы можемъ объяснить планомѣрность развитія, гармоничность и объединенность процесса, стремящагося къ опредѣленной цѣли, къ достиженію опредѣленнаго результата.

„Если, говоритъ Энгертъ¹⁾, *твореніе* въ преимущественномъ смыслѣ есть живое присутствіе этого высшаго начала — Духъ Божій носился надъ бездною, говоритъ книга Бытія; онъ превратилъ хаосъ въ космосъ;—если это твореніе означаетъ не иное что, какъ дѣятельное, имѣющее въ себѣ самомъ причину приведенія множественности въ матеріи къ единству по указанію творческой идеи; если развитіе на какой угодно ступени есть только одухотворенное мыслію обнаруженіе единства, проявленіе высшей духовности: тогда теорія развитія прежде всего подтверждаетъ многозначительныя слова псалмопѣвца: „Словомъ Господнимъ небеса утвердишася и духомъ устъ его вся сила ихъ“ (Пс. 32, 6), а равно и другое его выраженіе, въ которомъ онъ идею идущаго впередъ развитія выражаетъ, какъ обновленіе земли: „Послещи духа твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли“ (Пс. 103, 30).

¹⁾ Naturalist. Monismus, S. 64.

3. Установивъ взглядъ на органическую природу, какъ на нѣчто единое, включивъ сюда и человѣка, который по своему анатомическому строенію, по своимъ физиологическимъ и морфологическимъ свойствамъ есть только высшее млекопитающее, Геккель съ гордостью заявляетъ, что онъ нашелъ и обосновалъ твердый зоологическій базисъ, не опровергнутый ни однимъ изъ противниковъ. Въ этомъ единомъ органическомъ мірѣ дѣйствуетъ всеобъемлющій законъ — законъ механической причинности. Дарвинъ своей теоріей подбора показалъ, какъ во всей органической природѣ дѣйствуетъ эта механическая причинность; и десцендентная теорія есть научное изображеніе процесса созиданія органическаго міра.

Отвѣчаемъ на это слѣдующее: а) самъ Геккель не всегда остается вѣрнымъ принципу механическаго объясненія явленій жизни и незамѣтно для самого себя уклоняется отъ этого принципа тамъ, гдѣ онъ оказывается недостаточнымъ. Такъ, говоря о клѣткахъ—зародышахъ радіоларій, онъ приписываетъ этой клѣткѣ внутреннее представленіе внѣшняго предмета, такъ какъ безъ этого невозможно объяснить способности построенія очень сложной скелеточной формы, какая характерна для радіоларій. Внутреннее представленіе внѣшняго предмета—развѣ это механизмъ? Нѣтъ, жизнь не исчерпывается механическими законами, одними лишь физическими законами нельзя объяснить явленій жизни: то, что есть самое характерное, самое существенное въ жизни, не подходитъ подъ законы химическіе, физическіе, механическіе. Сила, создающая, сохраняющая, и развивающая жизнь, можетъ быть только духовной силой. Уже возникновеніе первой клѣтки непостижимо безъ участія интелектуальной силы, ибо клѣтка—чрезвычайно сложная и нѣжная машина; никогда даже человѣкъ не въ состояніи былъ изобрѣсти, измыслить что-либо подобное, не говоря ужъ о томъ, чтобы устроить клѣтку, имѣя въ своемъ распоряженіи матеріалъ, изъ котораго она состоитъ. Она есть произведеніе интелектуальной силы, безконечно превышающей силу человѣка. Иного объясненія быть не можетъ. Жизнь могла возникнуть только отъ такой разумной творческой силы.

б) Развѣтіе органической жизни, постепенное восхожденіе отъ низшей ступени къ высшей, отъ менѣе совершен-

ной къ болѣе совершенной еще менѣе понятно безъ участія разумной творческой силы. Допустивъ участіе этой разумной творческой силы, мы ставимъ на твердую почву зоологическій базисъ Геккеля: тогда онъ приобрѣтаетъ смыслъ и значеніе; тогда какъ, стараясь втиснуть природу въ рамку механической причинности, Геккель этимъ самымъ уничтожаетъ идею развитія. Развитіе вѣдь идетъ планомѣрно и цѣлесообразно; достаточно указать для этого хотя бы на законъ корреляціи,—но такъ дѣйствовать можетъ лишь разумъ, а не механическая сила. „Для мыслящаго наблюдателя, говоритъ зоологъ ф. Баэръ, природа есть идущее впередъ откровеніе недосягаемой первопричины“. Еще яснѣе объ этомъ говоритъ знаменитый физикъ нашего времени Томсонъ: „Всѣ живыя существа находятся въ зависимости отъ постоянно дѣятельнаго Творца и Законодателя“. Эд. ф. Гартманъ, одинъ изъ знатоковъ современной біологіи, выражаетъ эту мысль такъ: „Если бы бессознательное въ любой моментъ прервало свое дѣятельное вліяніе на какой-нибудь изъ существующихъ организмовъ, то въ то же мгновеніе организмъ этотъ лишился бы души, умеръ бы, и безошадно былъ бы уничтоженъ, сокрушенъ законами матеріи“.

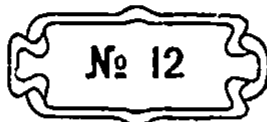
Свящ. Николай Липскій.

(Продолженіе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

30 Іюня

№ 12

1910 года.

Содержаніе. I. Высочайшій Манифестъ.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ.—Отъ Правленія Похоронной Кассы духовенства Харьковской епархіи.—Разрядный списокъ воспитанниковъ всѣхъ классовъ Харьковской Духовной Семинаріи.—Росписаніе пріемныхъ и переводныхъ экзаменовъ въ Харьковской Духовной Семинаріи.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Сумскаго Духовнаго Училища.—Отъ Правленія Сумскаго Духовнаго Училища.—Епархіальныя извѣщенія.

I.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ НАШИМЪ вѣрнымъ подданнымъ:

Утвердивъ Манифестомъ 20 Февраля 1906 года главныя основанія осуществленія НАМИ законодательной власти въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думою, МЫ, съ тѣмъ вмѣстѣ, объявили, что о порядкѣ обсужденія законопроектовъ общихъ для Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго НАМИ въ свое время будутъ преподаны надлежащія указанія.

Во исполненіе сего, повелѣли МЫ 28 Марта минувшаго 1909 года образовать для выработки новыхъ по указанному предмету правилъ особую комиссію изъ представителей Имперіи и Финляндіи въ равномъ числѣ. По обсужденіи въ Совѣтѣ Министровъ предположенныхъ комиссіею правилъ,

составленъ законопроектъ о порядкѣ изданія законовъ общегосударственныхъ, который МЫ признаемъ за благо подвергнуть окончательному разсмотрѣнiю въ общемъ законодательномъ порядкѣ.

Оставляя въ силѣ существующія правила объ изданiи мѣстныхъ узаконенiй, исключительно до нуждъ Финляндскаго края относящихся, МЫ нашли полезнымъ предоста-вить Сейму Финляндiи высказать свое заключенiе по содержанию упомянутаго законопроекта съ тѣмъ, чтобы заключенiе Сейма было внесено затѣмъ на обсужденiе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта.

Придавая настоящему дѣлу существенное значенiе въ устроенiи Державы НАШЕЙ, МЫ твердо уповаемъ, что Государственная Дума и Государственный Совѣтъ исполнять упадающую на нихъ задачу, къ вѣщему укрѣпленiю единства и нераздѣльности Государства Россiйскаго и ко благу всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ НАШИХЪ.

Вслѣдствiе сего повелѣваемъ:

1. Представленный НАМЪ Совѣтомъ Министровъ законопроектъ о порядкѣ изданія касающихся Великаго Княжества Финляндскаго законовъ и постановленiй общегосударственнаго значенiя внести на разсмотрѣнiе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта.

2. Предоставить Финляндскому Сейму сообщить свое заключенiе по содержанию сего законопроекта, подлежащее передачѣ на обсужденiе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта.

3. Назначить Сейму для сообщенiя заключенiя мѣсячный со дня полученiя имъ упомянутаго законопроекта срокъ.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, въ 14 день Марта, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ десятое, царствованiя же НАШЕГО въ шестнадцатое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Мѣсто печати.

Отъ Харьковскаго Епархіального Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ.

Расписаніе миссіонерскихъ собраній въ благочинническихъ округахъ Харьковской епархіи въ 1910 году.

Наименованіе благочинническихъ округовъ	Время миссіонерскихъ собраній	Кто изъ членовъ епархіальной миссіи имѣеть присутствовать на миссіонерскихъ собраніяхъ
1-й и 2-й округъ г. Харькова	12 октября	Епархіальный миссіонеръ и его помощники.
<i>Харьковскій уѣздъ.</i>		
1-й округъ	13 сентября	Помощникъ епархіальнаго миссіонера, священникъ Теодоръ Сулима.
2-й " "	16 " "	
3-й " "	18 " "	
4-й " "	20 " "	
<i>Ахтырскій уѣздъ.</i>		
1-й округъ	6 октября	Епарх. миссіон. Л. Кунцевичъ. Пом. епарх. мисс. св. Ѳ. Сулима.
2-й " "	29 іюля	
3-й " "	26 " "	
<i>Богодуховскій уѣздъ.</i>		
1-й округъ	8 октября	Епарх. миссіон. Л. Кунцевичъ. Пом. епарх. мисс. св. Ѳ. Сулима.
2-й " "	22 іюля	
<i>Валковскій уѣздъ.</i>		
1-й округъ	} 12 октября	Епарх. миссіон. Л. Кунцевичъ.
2-й " "		
<i>Волчанскій уѣздъ.</i>		
1-й округъ	16 сентября	Епарх. миссіон. Л. Кунцевичъ. Пом. епарх. мисс. А. Бушевъ.
2-й " "	21 " "	
3-й " "	21 іюля	
<i>Зміевской уѣздъ.</i>		
1-й округъ	12 сентября	Епарх. миссіон. Л. Кунцевичъ. Пом. епарх. мисс. А. Бушевъ.
2-й " "	17 августа	
3-й " "	19 " "	

Наименованіе благочинниче- скихъ округовъ	Время миссі- онерскихъ со- браній	Кто изъ членовъ епархіальной мис- сіи имѣеть присутствовать на мис- сіонерскихъ собраніяхъ
<i>Изюмскій уѣздъ.</i>		
1-й округъ	26 іюля	} Пом. епарх. мисс. А. Бушевъ. Епарх. миссіон. Л. Кунцевичъ. Пом. епарх. мисс. А. Бушевъ.
2-й „	31 августа	
3-й „	23 „	
4-й „	26 „	
<i>Купянскій уѣздъ.</i>		
1-й округъ	} 25 августа	} Епарх. миссіон. Л. Кунцевичъ.
2-й „		
3-й „		
<i>Лебединскій уѣздъ.</i>		
1-й округъ	30 сентября	} Епарх. миссіон. Л. Кунцевичъ. Пом. епарх. мисс. св. Ѳ. Сулима.
2-й „	19 августа	
3-й „	17 „	
<i>Старобѣльскій уѣздъ.</i>		
1-й округъ	19 августа	} Епарх. миссіон. Л. Кунцевичъ. Пом. епарх. мисс. А. Бушевъ. Епарх. миссіон. Л. Кунцевичъ.
2-й „	13 іюля	
3-й „	15 „	
4-й „	19 „	
5-й „	17 августа	
<i>Сумской уѣздъ.</i>		
1-й округъ	28 сентября	} Епарх. миссіон. Л. Кунцевичъ. Пом. епарх. мисс. св. Ѳ. Сулима.
2-й „	24 августа	
3-й „	26 „	

Объявляя настоящее *расписаніе* для свѣдѣнія епархіальнаго духовенства, Харьковскій Епархіальный Совѣтъ по миссіонерскимъ дѣламъ—1) просить о. о. благочинныхъ Епархіи заблаговременно (не позже 10-го іюля) увѣдомить епархіальнаго миссіонера, въ какихъ именно городахъ или селеніяхъ предполагають они устроить въ этомъ году миссіонерскія собранія въ своихъ округахъ;—2) предоставляет о. о. благочиннымъ право, если они найдутъ почему-либо неудобнымъ для себя назначенный въ расписаніи день миссіо-

нерскаго собранія, войти въ соглашеніе съ епархіальнымъ миссіонеромъ относительно назначенія другого дня, свободнаго, однако же, отъ собраній въ другихъ округахъ, и 3) просить о. о. благочинныхъ представить въ Совѣтъ по миссіонерскимъ дѣламъ журналы миссіонерскихъ собраній, съ возможно полнымъ и точнымъ изложеніемъ свѣдѣній о состояніи сектантства въ текущемъ году, не позже 15 ноября мѣсяца.

Секретарь Совѣта, *свящ. І. Горанинъ.*

Отъ Правленія Похоронной Кассы духовенства Харьковской епархіи.

Правленіе Похоронной Кассы, согласно § 13 устава, симъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія участниковъ Кассы, что съ 1-го декабря 1909 г. по 1-е іюня 1910 г. умершихъ членовъ Кассы было: 11-ть по 1-му разряду, 2 по второму и 6-ть по третьему, а именно:

По первому разряду:

1. Венгеровскій Михаилъ Михайловичъ, священникъ Дмитріевской церкви с. Бишкина, умеръ 23 декабря.
2. Рубинскій Михаилъ Васильевичъ, священникъ Воскресенской ц. с. Хорошева, умеръ 4 января.
3. Колѣйчиковъ Никаноръ Петровичъ, заштатный священникъ Успенской ц. г. Валокъ, умеръ 17 января.
4. Торанскій Θεодоръ Іоанновичъ, заштатный священникъ Преображенской ц. г. Бѣлополя, умеръ 31 января.
5. Черкесовъ Василій Аввакумовичъ, епархіальный миссіонеръ, священникъ, умеръ 8 февраля.
6. Власовскій Алексѣй Васильевичъ, священникъ Николаевской ц. сл. Коломака, умеръ 9 февраля.
7. Краснокутскій Михаилъ Діомидовичъ, священникъ Рождество-Богородичной ц. сл. Масловки, умеръ 27 февраля.
8. Матвѣевъ Іоаннъ, священникъ Кирилло-Меѳодіевской ц. сл. Райгородка, умеръ 1 марта.
9. Титовъ Александръ, священникъ Іоанно-Предтеченской ц. с. Знаменскаго, умеръ 6 апрѣля.
10. Бондаревъ Іоаннъ Іоанновичъ, священникъ Рождество-Богородичной ц. сл. Боромли, умеръ 8 апрѣля.
11. Вышемірскій Дмитрій Петровичъ, заштатный священникъ Успенской ц. с. Старо-Покровскаго, умеръ 31 мая.

По второму разряду:

1. Пересыпкинъ Іоаннъ Васильевичъ, діаконь Покровской ц. сл. Терновъ, умеръ 30 января.

2. Ковалевскій Іоаннъ, діаконь Троицкой ц. сл. Проруба, умеръ 10 апрѣля.

По третьему разряду:

1. Жуковскій Симеонъ Васильевичъ, псаломщикъ Троицкой ц. сл. Ново-Россоши, умеръ 24 декабря.

2. Краснокутскій Михаилъ Іоанновичъ, псаломщикъ Троицкой ц. с. Протопоповки, умеръ 8 января.

3. Ильяшенко Езгеній Стефановичъ, псаломщикъ Преображенской ц. г. Бѣлополя, умеръ 25 января.

4. Липейко Іоаннъ Даніиловичъ, псаломщикъ Рождество-Богородничной ц. сл. Гняѣвки, умеръ 8 марта.

5. Бутскій Максимъ Васильевичъ, псаломщикъ Казанско-Богородичной ц. с. Ильмовъ, умеръ 25 апрѣля.

6. Труфановъ Θεодоръ Антоновичъ, псаломщикъ Θεодосіевской ц. сл. Михайловки, умеръ 10 мая.

Такимъ образомъ, члены Кассы перваго разряда, должны вносить въ пользу семействъ умершихъ членовъ Кассы въ іюль мѣсяцѣ с/г. по 4 р. 30 к., втораго разряда по 3 р. 20 к. и члены Кассы третьаго разряда по 1 р. 90 к.

Предсѣдатель Правленія, *Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.*

Члены Правленія { *Протоіерей Николай Гутниковъ.*
Священникъ Андрей Жадановскій.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ всѣхъ классовъ Харьковской Духовной Семинаріи, составленный послѣ годичныхъ испытаній въ Маѣ и Іюнѣ мѣсяцахъ 1910 года.

6-го класса. Окончившіе курсъ Семинаріи.

1-й разрядъ. 1. Подлущкій Иванъ, Рудинскій Александръ, Церковницкій Николай—награждаются медалями; Луценковъ Викторъ; 5. Павловъ Викторъ, Олейниковъ Владиміръ—награждаются книгами; Повировскій Николай, Сергѣевъ Николай, Степурскій Александръ; 10. Рубинскій Владиміръ, Ивановъ Иванъ, Емельяненко Александръ, Браилловскій Валеріанъ, Павловскій Семень.

2-й разрядъ. 15. Полницкій Леонидъ, Рубинскій Иванъ, Оболенцевъ Александръ, Мартыненко Павелъ, Бѣлоусовъ Стефанъ; 20. Карповъ Антоній, Краснокутскій Дмитрій, Луценковъ Леонидъ, Дмитриевъ Михаилъ, Шебатинскій Андрей; 25. Лонгяновъ Михаилъ, Базилевичъ Алексѣй, Федоровъ Алексѣй, Татариновъ Алексѣй, Жуковскій Александръ; 30. Агнивцевъ Николай, Поповъ Дмитрій, Прокоповичъ Иванъ, Карповъ Тимофей, Индутный Василій; 35. Черникинъ Иванъ, Успенскій Николай.

5-й нормальный классъ. Переводятся въ 6-й классъ.

1-й разрядъ. 1. Вертеловскій Петръ, Волобуевъ Борисъ, Королевъ Владиміръ, Знаменскій Алексѣй—награждаются книгами; 5. Прибытковъ Александръ, Спѣсивцевъ Сергѣй, Коробчанскій Владиміръ.

2-й разрядъ. Котляревскій Григорій, Прокоповичъ Николай, 10. Гончаревскій Захарій, Пивоваровъ Стефанъ, Архангельскій Николай, Федоровскій Борисъ, Касьяновъ Константинъ; 15. Сильванскій Иванъ, Стаховскій Александръ, Гавриловъ Михаилъ, Протопоповъ Андрей, Краснокутскій Анатолій; 20. Толмачевъ Николай, Дьяковъ Николай, Матвѣевъ Николай, Дзюбановъ Герасимъ.

Имѣеть сдать переэкзаменовки послѣ каникулъ Мухинъ Павелъ—по Догматическому Богосл. и Литургикѣ.

Остаются на повторительный курсъ: 25. Николай Москалевъ—по прошевію отца, Сирятскій Всеволодъ, Торанскій Павелъ—по малоуспѣшности.

5-й параллельный классъ. Переводятся въ 6-й классъ.

1-й разрядъ. 1. Стрѣльцовъ Иванъ, Калюжскій Василій—награждаются книгами. Послѣдній увольняется изъ Семинаріи по прошенію. Пономаревъ Александръ, Гилуновъ Василій; 5. Власенко Алексѣй.

2-й разрядъ. Ильинскій Викторъ, Дьяковъ Иванъ, Титовъ Владиміръ, Ковалевскій Александръ; 10. Колосовскій Василій, Звѣревъ Николай, Горанинъ Андрей, Серединъ Дмитрій, Рубинскій Илья; 15. Строевскій Яковъ, Мильскій Дмитрій, Жуковъ Анатолій, Лѣвскій Яковъ, Николаевскій Михаилъ; 20. Иваницкій Георгій, Мигулинъ Петръ, Литкевичъ Николай.

Допущены къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ: Агнивцевъ Владиміръ—по Литургикѣ, Андреевскій Александръ—по Литургикѣ и Церк. Исторіи; 25. Бѣликовъ Николай—по Гомилетикѣ, Платоновъ Алексѣй—по Литургикѣ.

Оставлены на повторительный курсъ: Богачевъ Александръ—по малоуспѣшности, Касьяновъ Николай—по прошенію.

Уволенъ изъ Семинаріи, согласно прошенію, Николай Самойловъ.

4-й нормальный классъ. Переводятся въ 5-й классъ.

1-й разрядъ. 1. Луцейковъ Александръ—награждается книгою, Головчанскій Николай, Михайловскій Николай (увольн. по прош.), Станиславскій Леонидъ—увольн. по прош.; 5. Грабовскій Александръ.

2-й разрядъ. Павловскій Сергѣй—увольняется по прошенію. Пономаревъ Сергѣй, Базилевичъ Левъ, Бондаревъ Николай; 10. Любичкій Евгеній, Лонгиновъ Николай, Бородаевъ Евгеній, Фіалковскій Θεодоръ, Строевскій Александръ; 15. Платоновъ Михаилъ, Прибытковъ Леонидъ, Любарскій Анатолий, Согинъ Николай, Нечаевъ Петръ; 20. Жуковскій Владиміръ.

Допущены къ переэкзаменовкамъ послѣ каникулъ: Гавриловъ Павелъ, Гончаревскій Николай—по Основному Богословію, Бородаевъ Василій—по Латинскому языку, Оранскій Димитрій—по сочиненію, Стаховскій Григорій—Философія.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ: Евфимовъ Николай, Оружинскій Гавріиль, Рубинскій Михаилъ—по малоуспѣшности.

4-й параллельный классъ. Переводятся въ 5-й классъ.

1-й разрядъ. 1. Филиповъ Стефанъ, Стефановъ Петръ—награждаются книгами, Любинскій Георгій.

2-й разрядъ. Булдовскій Василій; 5. Любарскій Андрей, Бородаевъ Иванъ—увольняется по прошенію. Колосовскій Василій, Усатенко Григорій—увольняется по прошенію, Пасько Петръ; 10. Макаровскій Иванъ—увольняется по прошенію, Дзюбановъ Иванъ, Никулицевъ Михаилъ, Дашкѣевъ Павелъ, Чернявскій Димитрій; 15. Якубовичъ Анатолий, Бородаевъ Василій, Ковалевъ Павелъ, Рубинскій Петръ, Мартыненко Стефанъ; 20. Полтавцевъ Илларионъ, Панкратьевъ Алексѣй.

Допущены къ переэкзаменовкамъ послѣ каникулъ: Ермоленко Димитрій—по Церковной Исторіи, Орловъ Михаилъ—по сочиненію.

Оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ: Базилевичъ Николай; 25. Бондаревъ Алексѣй, Поморцевъ Иванъ—по малоуспѣшности.

3-й нормальный классъ. Переводятся въ 4-й классъ.

1-й разрядъ. 1. Черняевъ Владиміръ, Нпкишинъ Θεодоръ—награждаются книгами, Сулима Николай.

2-й разрядъ. Нигровскій Анатолій: 5. Литовченко Владиміръ, Конецкій Платонъ, Власовскій Владиміръ, Найдовскій Валентинъ, Ливницкій Дмитрій: 10. Касьяновъ Василій, Мухинъ Александръ, Быковъ Виталій, Артюховскій Николай, Царевскій Валеріанъ: 15. Краснокутскій Александръ, Касьяновъ Николай, Туранскій Николай.

Допущены къ переэкзаменовкамъ послѣ каникулъ: Краснокутскій Григорій—по сочиненію, Безугловъ Александръ—по Психологіи; 20. Никулицевъ Михаилъ—по Логикѣ и сочиненію, Бесѣда Викторъ—по Латинскому и Нѣмецкому языкамъ, Макухинъ Николай—по Литературѣ и Греческому языку.

Имѣеть сдать экзамены по всеѣмъ предметамъ 3-го класса—Петровъ Владиміръ.

Остаются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ: Базилевичъ Павелъ—по прошенію, Иноковъ Веніаминъ, Молочковскій Вячеславъ, Сидоровъ Вячеславъ, Хорошковъ Θεодоръ—по малоуспѣшности.

3-й параллельный классъ. Переводятся въ 4-й классъ.

1-й разрядъ. 1. Васильковскій Николай—награждается книгою. Могилянскій Владиміръ, Царевскій Алексѣй, Подольскій Константинъ.

2-й разрядъ. 5. Артюховскій Евгений, Рождественскій Александръ, Шепелевскій Борисъ, Пасько Николай, Жуковъ Александръ; 10. Орловъ Василій, Бородаевскій Θεодоръ, Татариновъ Валентинъ, Македонскій Іосифъ, Ладенко Анатолій.

Допущены къ переэкзаменовкамъ послѣ каникулъ: 15. Крипцкій Леонидъ, Кустовскій Григорій—по сочиненію, Любарскій Анатолій—по Психологіи и Греческому языку, Тимоѣевъ Владиміръ, Торанскій Михаилъ—по Нѣмецкому языку, Сукачевъ Михаилъ—по Логикѣ и Геометріи, Сирятскій Захарій—по Литературѣ, Червонецкій Павелъ—по Нѣмецкому языку, Якубовичъ Арсеній—по Психологіи, Сукачевъ Иванъ—по Логикѣ и сочиненію.

Остаются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ: 25. Краснокутскій Викторъ и Самойловъ Борисъ—по малоуспѣшности.

2-й нормальный классъ. Переводятся въ 3-й классъ.

1-й разрядъ. 1. Поповъ Константинъ, Слюсаревъ Александръ, Добрецькій Сергѣй—награждаются книгами, Красильниковъ Константинъ: 5. Михайловскій Михаилъ, Матюшенко Павелъ.

2-й разрядъ. Евтушенко Павелъ, Минченко Борисъ, Охотинъ Борисъ: 10. Гилуновъ Григорій, Быковъ Евгений, Поповъ Петръ, Куницынъ Алексѣй, Дюковъ Алексѣй; 15. Орловъ Николай, Луценковъ Тиховъ, Ковалевскій Вячеславъ, Тычининъ Александръ, Василевскій Леонидъ; 20. Проскурниковъ Θεодосій, Любарскій Викторъ, Дюковъ Константинъ, Полтавцевъ Георгій (увольняется за невзносъ платы), Фальченко Михайль; 25. Индутный Алексѣй, Чепчиковъ Зиновій, Карнауховъ Павелъ.

Имѣютъ сдать переэкзаменовки послѣ каникулъ: Браиловскій Борисъ—по нѣмецкому языку, Дахнѣвскій Александръ—по гражданской исторіи; 30. Евстратовъ Сергѣй—по греческому языку, Лавровскій Иванъ—по геометріи, Леонтьевъ Михайль—по нѣмецкому языку, Македонскій Иванъ—по французскому языку, Пивоваровъ Иванъ—по греческому языку; 35. Понировскій Михайль—по греческому языку, Самойловъ Александръ—по Священному Писанію, Трипольскій Алексѣй—по геометріи, Николаевичъ Михайль—по Священному Писанію и геометріи, Рубинскій Василій—по Алгебрѣ и греческому языку.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ: 40. Рогальскій Александръ—по болѣзни.

Увольняются изъ Семинаріи: Веніаминъ Поповъ, Суховъ Илья—по малоуспѣшности.

2-й паралл. классъ. Переводятся въ 3-й классъ.

1-й разрядъ. 1. Станковъ Петръ, Поповъ Иванъ—награждаются книгами, Жуковскій Михайль, Слюсаревъ Иванъ.

2-й разрядъ. 5. Любарскій Иванъ, Савченко Александръ, Доброславскій Николай, Дюковъ Евгений, Петрусенко Николай; 10. Соколовскій Леонидъ, Находкинъ Александръ, Θεодоровъ Евлампій, Филипповъ Георгій, Рубинскій Михайль; 15. Родіоновъ Константинъ, Пушкаръ Иванъ, Таранскій Николай, Евфимовъ Петръ, Сапухинъ Максимиліанъ.

Допущены къ переэкзаменовкамъ послѣ каникулъ: 20. Ведринскій Леонидъ—по Свящ. Писанію и греч. языку, Залуговскій Алексѣй—по геометріи, Кузнецовъ Иванъ—по латинскому языку, Левитскій Яковъ—по литературѣ и геометріи, Любарскій Николай—по нѣмецкому языку; 25. Овчаровъ Иванъ—по Свящ. Писанію и нѣмецкому языку, Остроуховъ Яковъ—по греч. и нѣмецкому языкамъ, Панкратьевъ Александръ, Пасько Николай—по латинскому языку, Петрусенко Николай 2-й—по геометріи; 30. Поповъ Алексѣй—по

гражданской исторіи, Поповъ Валентинъ—по нѣмецкому языку, Черниговскій Владиміръ—по французскому языку.

Оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ: Кирилловъ Петръ, Корнѣенко Григорій; 35. Шебатинскій Александръ—по прошенію.

Увольняются изъ Семинаріи по малоуспѣшности: Любичкій Михайль, Томашевскій Θεодоръ, Черняевъ Георгій.

1-й нормальный классъ. Переводятся во 2-й классъ.

1-й разрядъ. 1. Платоновъ Николай, Касьяновъ Евгеній, Копецкій Леонтій—награждается книгою, Пасько Александръ; 5. Агнивцевъ Николай, Макухинъ Владиміръ.

2-й разрядъ. Лихницкій Александръ, Смирновъ Александръ, Тарасовъ Александръ; 10. Сапухинъ Павелъ, Рождественскій Петръ, Власенко Иванъ, Жадановскій Сергѣй, Кустовскій Гаврииль; 15. Рубинскій Евгеній, Добронравовъ Константинъ, Щепинскій Валентинъ, Гаврашенко Николай, Прибытковъ Сергѣй; 20. Спѣсивцевъ Василій, Москалевъ Сергѣй, Молчановъ Николай (увольняется по прошенію).

Допущены къ переэкзаменовкамъ послѣ каникулъ: Бугуцкій Василій—по латинскому языку, Черняевъ Павелъ—по латинскому языку; 25. Власовскій Θεодоръ—по алгебрѣ, Мухинъ Александръ—по греческому языку, Сирятскій Василій—по сочиненію, Чиркинъ Владиміръ—по Свящ. Писанію и гражд. исторіи.

Оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ: Лавденко Александръ; 30. Бойченко Николай, Инноковъ Василій, Полянскій Павелъ, Ракшевскій Викторъ, Чиркинъ Сергѣй.

Увольняются изъ Семинаріи по малоуспѣшности: 35. Козьминъ Георгій, Ковалевскій Георгій, Сукачевъ Сергѣй.

1-й паралл. классъ. Переводятся во 2-й классъ.

1-й разрядъ. 1. Титовъ Вячеславъ—награждается книгою, Пономаревъ Даніиль, Кудрявцевъ Борисъ, Юношевъ Михайль; 5. Поповъ Яковъ.

2-й разрядъ. Курской Михайль, Бутковъ Николай, Виноградовъ Николай, Гавриловъ Алексѣй; 10. Левандовскій Борисъ, Чаговцевъ Петръ, Хорошковъ Антоній, Сапухинъ Николай, Протопоповъ Стефанъ; 15. Андроновъ Стефанъ, Александровъ Николай, Пантеленмоновъ Викторъ, Ковалевскій Николай.

Допущены къ переэкзаменовкамъ послѣ каникулъ: Винницкій Василій—по сочиненію; 20. Касьяновъ Константинъ—по латинскому

языку, Лебедевъ Антоній—по гражданской исторіи, Томашевскій Пантелеймонъ—по математикѣ, Шокотовъ Александръ—по латинскому языку, Бѣлогорскій Иванъ—по франц. языку и сочиненію; 25. Дашкѣевъ Алексѣй—по гражд. исторіи и франц. языку, Лядскій Геннадій—по греч. и франц. языкамъ.

Оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ: Артюховскій Анатолій—по болѣзни, Буткевичъ Николай, Любинскій Николай: 30. Любачинскій Александръ, Петровъ Николай, Цымбалъ. Василій, Ѳедоровъ Александръ—по малоуспѣшности.

Увольняются изъ Семинаріи по малоуспѣшности: Карповъ Петръ; 35. Самойловъ Георгій; 36. Строевскій Дмитрій.

Съ подлиннымъ вѣрно.

Секретарь Правленія Семинаріи *Сергій Чистосердовъ.*

РОСПИСАНІЕ

пріемныхъ и переводныхъ экзаменовъ въ Харьковской Духовной Семинаріи въ августъ 1910 года.

	Дни недѣли	Экзамены и переэкзаменовки для воспитанниковъ Семинаріи и пріемные экзамены для поступающихъ въ Семинарію.
17	Вторникъ	Разсмотрѣніе прошеній о пріемѣ въ разные классы Семинаріи.
19	Четвергъ	Русское сочиненіе.
20	Пятница	Гомилетика, литургика, каноника, физика, церковный уставъ и математика.
21	Суббота	Словесность, исторія русской литературы, церковное пѣніе, русскій и церковно-славянскій языки.
23	Понедѣл.	Богословіе: Основное, Догматическое и Нравственное, Исторія и обличеніе раскола и обличительное богословіе и катихизисъ.
24	Вторникъ	Священное Писаніе, Гражданская Исторія и Географія.

	Дни недѣли	Экзамены и переэкзаменовки для воспитанниковъ Семинаріи и пріемные экзамены для поступающихъ въ Семинарію.
25	Среда	Церковная Исторія и Латинскій языкъ.
26	Четвергъ	Греческій языкъ, философія, психологія, логика, дидактика и новые языки.
27	Пятница	Составленіе списковъ воспитанниковъ, выдержавшихъ переэкзаменовки и пріемные экзамены и распредѣленіе ихъ по отдѣленіямъ и распредѣленіе казенныхъ, полуказенныхъ и частныхъ стипендій.
28	Суббота	Молебенъ передъ началомъ классныхъ занятій.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Правленіе Харьковской Духовной Семинаріи снмъ доводитъ до свѣдѣнія родителей и опекуновъ воспитанниковъ сей Семинаріи нижеслѣдующее:

1) Согласно журнальному опредѣленію Правленія Семинаріи отъ 15-го іюня 1909 года, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, плата для своекоштныхъ воспитанниковъ (духовнаго сословія) за содержаніе въ семинарскомъ общежитіи, мытье бѣлья и учебныя пособія установлена въ *150 рублей въ годъ*. При установленіи указанной нормы, Правленіе Семинаріи руководилось (опредѣленіемъ Св. Синода отъ 24 августа—7 сентября 1907 года за № 5241, коимъ предписывается взыскивать плату за содержаніе своекоштныхъ воспитанниковъ Семинаріи *въ полторномъ размѣрѣ* противъ отпущаемаго Св. Синодомъ оклада на содержаніе казеннокоштнаго воспитанника (130 р.) и разъясненіемъ Хозяйственнаго Управленія отъ 4 октября 1908 года за № 24284 на имя правленія Харьковской Духовной Семинаріи, что плата въ меньшемъ размѣрѣ (противъ 195 р.) можетъ взыматься только съ тѣхъ своекоштныхъ воспитанниковъ, которые не пользуются отъ Семинаріи одеждою (что обходится до 45 руб. въ годъ). Плата за содержаніе въ общежитіи иносословныхъ воспитанниковъ остается въ размѣрѣ 189 руб. и за право ученія 40 руб. въ годъ. Кроме того всѣ вновь поступающіе въ Се-

минарію воспитанники, за исключеніемъ принятыхъ на полное казенное содержаніе, должны вносить единовременно 20 рублей на обзаведеніе постельными принадлежностями.

2) Плата за содержаніе въ Семинарскомъ общежитіи вносится по третямъ по 50 руб. въ треть съ воспитанниковъ духовнаго званія и по 63 руб. съ инословныхъ, при чемъ взносъ за 1-ю треть долженъ быть сдѣланъ немедленно, по прибытіи въ Семинарію послѣ каникулъ, за 2-ю треть къ 15 ноября и за 3-ю къ 1-му марта; плата же за право ученія по 20 руб. въ полугодіе вносится въ сентябрь и январь; освободиться отъ этой платы могутъ не больше 10% общаго числа инословныхъ учениковъ Семинаріи.

3) Вслѣдствіе опредѣленія Св. Синода отъ 4—16 іюня 1908 года за № 11, коимъ предлагается Правленіемъ Духовныхъ Семинарій установить съ 1908—1909 уч. года дополнительную за содержаніе плату съ казеннокоштныхъ воспитанниковъ, за исключеніемъ сиротъ, Правленіе Харьковской Духовной Семинаріи журнальнымъ опредѣленіемъ отъ 15-го іюня 1909 г., утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ, постановило взимать съ казеннокоштныхъ и полуказенныхъ воспитанниковъ, за исключеніемъ сиротъ, *дополнительную плату въ размѣрѣ 30 руб. въ годъ*, съ пользующагося стипендіей прот. Степурскаго (въ 90 р.) доплату въ 60 руб.,—съ частныхъ стипендіатовъ, пользующихся и казенною одеждою,—доплату до суммы, отпускаемой С. Синодомъ на содержаніе казеннокоштнаго воспитанника, т. е. до 195 руб.,—именно 3-хъ стипендіатовъ имени князей Голицыныхъ по 75 руб.; стипендіатовъ имени Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Митр. Макарія Московскаго по 60 руб. и стипендіата прот. Кустова—35 руб. При прошеніи о принятіи на то или иное содержаніе должны быть приложены 30 руб. Въ случаѣ отказа просителю въ казенной, полуказенной или частной стипендіи,—внесенныя деньги засчитываются въ счетъ слѣдуемой платы за содержаніе въ общежитіи или возвращаются обратно, если проситель будетъ жить на частной квартирѣ. Прошеніе о принятіи на казенную или полуказенную стипендію *безъ приложенія 30 рублей разсматриваться Правленіемъ не будетъ*.

4) Всѣ воспитанники Семинаріи, желающіе быть принятыми на казенное содержаніе, или получить пособіе изъ епархіальныхъ суммъ, кромѣ сиротъ духовнаго званія, уже состоящихъ на казенномъ содержаніи, должны подать о семъ прошеніе на имя о. Ректора Семинаріи *непрѣмѣнно къ 10-му августа съ приложеніемъ благочин-*

ническаго удостовѣренія о бѣдности, въ коемъ должно быть описано имущественное состояніе отца и составъ его семейства съ указаніемъ, сколько дѣтей и на чей счетъ воспитываются въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

5) Въ учебное время всѣ воспитанники Семинаріи обязаны носить одежду установленнаго образца. *Ношеніе иной одежды кромѣ форменной, въ учебное время не будетъ допускаться.* Форменная одежда воспитанниковъ Семинаріи состоятъ изъ мундирной пары чернаго сукна, шинели такого же цвѣта сукна или драпа и будничной сѣрой пары (куртка и брюки). При заказѣ для казеннокоштныхъ воспитанниковъ суконная форменная пара обходится въ 20 руб., будничная—8 руб., пальто—19 руб., фуражка 1 руб., по этой же цѣнѣ можетъ быть заказываема одежда и для желающихъ своекоштныхъ учениковъ.

6) Воспитанники, за которыми числится недоимка за содержаніе въ минувшемъ году, если таковая не будетъ представлена къ 15-му августа, не будутъ приняты въ общежитіе.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища, составленный Правленіемъ училища послѣ годичныхъ испытаній за 1909—1910 учебный годъ.

IV-й классъ. Удостоены перевода въ I-й классъ Духовной Семинаріи.

Разрядъ 1-й: Филишовъ Александръ, Церковницкій Александръ—награждаются книгами; Теренко Николай, Грабовскій Михайль; 5. Торанскій Иванъ, Поздняковъ Николай.

Разрядъ 2-й: Еллинскій Михайль (награждается деньгами изъ % съ капитала Протоіерея Никольскаго), Флоринскій Василій, Павловскій Родіонъ; 10. Стрижаковъ Андрей, Васильевъ Николай, Клименко Иванъ, Краснокутскій Владимиръ (награждается деньгами изъ % съ капитала Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія), Туранскій Михайль; 15. Горбачукъ Наумъ, Бутковскій Евгеній, Булдовскій Иванъ, Збукаревъ Владиміръ, Дашкіевъ Александръ.

Окончилъ курсъ, но не удостоенъ перевода въ Семинарію (на основаніи § 114 Уст. Дух. Сем.)—20. Андреевъ Антоній.

Подлежать испытанію въ августѣ мѣсяцѣ: Потаповъ Иванъ— по русскому яз. письменно.

Разрядъ 3-й: Фальченко Павелъ—по греческому языку и русскому яз. письменно; Печкинъ Дмитрій—по русскому яз. устно и письменно и греческому языку.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ по прошенію родителей: Василевскій Виталій и Котляревскій Семень.

Предоставляется право держать экзамень на окончаніе курса по прошенію отца въ августъ мѣсяцъ—Булгакову Евгенію.

III-й классъ. Переводятся въ IV-й классъ:

Разрядъ 1-й: Стахевичъ Борисъ (награждается книгою), Полтавцевъ Θεодоръ, Браиловскій Иванъ.

Разрядъ 2-й: Сахаровъ Василій: 5. Краснопольскій Валентинъ, Бесѣда Леонтій, Матвѣнко Василій, Никулищевъ Николай, Краснокутскій Иванъ: 10. Александровъ Анатолій, Ходской Дмитрій; 12. Геновскій Александръ.

Подлежатъ испытанію въ августъ мѣсяцъ: Петровъ Дмитрій и Геновскій Владиміръ—по русскому языку устно; 15. Кипоренко Александръ и Лысенко Михайлъ—по Катихизису; Бѣлогорскій Борисъ, Поповъ Θεодосій, Потаповъ Павелъ, Черняевъ Владиміръ и Крушедольскій Владиміръ—по русскому языку письменно.

Разрядъ 3-й: Гораинъ Иванъ, Завадовскій Сергѣй и Ракшевскій Леонидъ—по русскому яз. письменно и церковному пѣнію; 25. Васильковскій Дмитрій и Куиняпренко Θεодоръ—по русскому языку устно и письменно; 27. Дмитренко Александръ—по Катихизису, русскому языку устно и письменно.

Оставляются на повторительный курсъ: а) по малоуспѣшности: Бойченко Яковъ, Ветуховъ Θεодоръ; 30. Діаконовъ Владиміръ, Куницынъ Леонидъ и Θεодоровъ Алексѣй; б) по прошеніямъ родителей: Шишовъ Николай и 34. Яковлевъ Вячеславъ.

II-й классъ. Переводятся въ III-й классъ:

Разрядъ 1-й: Жуковъ Георгій, Станиславскій Алексѣй (награждаются книгами), Соколовскій Михайлъ, Вергунъ Михайлъ; 5. Котляревскій Георгій, Филипповичъ Леонтій.

Разрядъ 2-й: Антоньевъ Андрей, Пасько Василій, Мигулинъ Владиміръ, Галушка Павелъ, Михайловскій Иванъ (награждается нотами за отличное пѣніе въ хорѣ), Кротовъ Иванъ, Ковалевскій Петръ, Котляревскій Сергѣй; 15. Дюковъ Михайлъ, Полтавцевъ Θεодосій, Волковъ Николай, Θεодоровъ Иванъ, Арбузовъ Николай, 20. Никулищевъ Иванъ, Проскурниковъ Александръ, Подольскій

Владиміръ, Богачевъ Василій, Семеновъ Владиміръ; 25. Петрусенко Иванъ (хотя по церковному пѣнію имѣеть баллъ 2—вслѣдствіе природнаго физическаго недостатка).

Подлежать переэкзаменовкамъ въ августѣ мѣсяцѣ: Артюховскій Михаилъ, Геневскій Анатолій, Чумаченко Дмитрій и Ястремскій Борисъ—по русскому языку письменно; 30. Карпенко Сергѣй—по латинскому языку; Сукачевъ Леонидъ—по географіи, Левитскій Иванъ—по латинскому языку, Романцовъ Георгій—по русскому языку устно.

Разрядъ 3 й: Ракшевскій Павелъ—по географіи и русскому языку письменно; 35. Крыжановскій Евгеній—по латинскому яз., ариметикѣ и русскому яз. письменно.

Оставляются на повторительный курсъ по малоуспѣшности: Ильинскій Андрей, Поповъ Θεодоръ и 38. Сукачевъ Андрей.

1-й классъ. Переводятся во II-й классъ:

Разрядъ 1 й: Калюжный Николай, Церковницкій Сергѣй (награждаются книгами), Куленовъ Антонинъ, Стахевичъ Валеріанъ; 5. Александровъ Александръ, Кашуба Петръ, Столяревскій Николай, Корляковъ Михаилъ, Ракшевскій Митрофанъ; 10. Ольховикъ Григорій, Карповъ Θεодоръ, Дяденко Иванъ.

Разрядъ 2-й: Лысенко Иванъ, Дмитріевъ Иванъ; 15. Власовскій Александръ, Кузнецовъ Борисъ, Поповъ Георгій, Стрижаковъ Василій, Рябчуненко Иванъ; 20. Емецъ Василій, Бѣлоцерковскій Борисъ.

Подлежать испытаніямъ въ августѣ мѣсяцѣ: Вессловскій Николай, Сукачевъ Петръ—по русскому языку письменно; 25. Ярцевъ Иванъ—по ариметикѣ, Еллинскій Митрофанъ—по свящ. исторіи.

Разрядъ 3-й: Бородаевскій Аркадій—по географіи и церковному пѣнію, Торанскій Дмитрій—по русскому яз. письменно и церковному пѣнію, Поповъ Павелъ—по географіи и церковному пѣнію, Сулима Николай—по географіи и ариметикѣ; 30. Назаревскій Сергѣй—по географіи, ариметикѣ и церковному пѣнію, Василевскій Николай—по географіи, ариметикѣ и русскому яз. письменно.

Оставляются на повторительный курсъ по малоуспѣшности: Виноградскій Василій, Воскресенскій Григорій, Сорока Θεодосій; 35. Сукачевъ Валеріанъ, Яковлевъ Борисъ.

Предоставляется право держать экзаменъ въ августѣ мѣсяцѣ по всеѣмъ предметамъ, по прошенію отца,—Горайну Михаилу.

Увольняется по малоуспѣшности изъ училища: Будянский Владиміръ.

Приготовительный классъ. Переводятся въ 1-й классъ:

Разрядъ 1-й: Прядкинъ Василій, Бѣляевъ Александръ (награждаются книгами), Потаповъ Стефанъ, Калюжный Александръ; 5. Киктевъ Александръ, Власовскій Алексѣй, Богославскій Николай, Павловъ Дмитрій, Пасько Иванъ; 10. Чудновскій Василій, Вергунъ Григорій.

Разрядъ 2-й: Левитскій Николай, Македонскій Анатолий, Прокурниковъ Евгений; 15. Бранловскій Константинъ, Фальченко Илія, Артюховскій Веніаминъ, Михайловскій Порфирій, Федоровскій Иванъ, Семеновъ Василій, Дикаревъ Андрей, Лысенко Стефанъ, Власовскій Евгений, Оранскій Сергѣй; 25. Вербицкій Александръ.

Подлежать переэкзаменовкамъ въ августъ мѣсяцъ: Вербицкій Викторъ—по ариѳметикѣ, Горанинъ Анатолий и Ястремскій Николай—по русскому языку письменно.

Разрядъ 3-й: Ястремскій Стефанъ—по русскому языку устно и письменно.

Оставляются на повторительный курсъ по малоуспѣшности: 30. Дикаревъ Сергѣй и Поздняковъ Стефанъ.

Предоставляется право держать экзамены послѣ каникулъ по всѣмъ предметамъ, какъ не державшимъ по болѣзни: Ерофалову Борису и Бѣлоцерковскому Григорію.

Отъ Правленія Сумскаго Духовнаго Училища.

I.

Правленіе Сумскаго духовнаго училища объявляетъ: 1) въ пяти классахъ училища свободныхъ вакансій для поступленія въ августъ мѣсяцъ въ училище съ домашнимъ образованіемъ и изъ другихъ учебныхъ заведеній имѣется 68, а именно: въ 4 классѣ—11, въ 3 классѣ—пять, во 2 классѣ—5, въ 1 классѣ—4 и въ подготовительномъ классѣ—48.

2) Желающіе держать испытаніе для поступленія въ училище обязаны подать о семъ прошеніе въ Правленіе училища не позже 12 августа съ приложеніемъ: а) метрическаго свидѣтельства о рожденіи (непремѣнно съ маркой) и б) свидѣтельства врача о привитіи оспы.

3) Родители воспитанниковъ, желающіе, чтобы дѣти ихъ были

приняты на полнокштное или полукштное епархіальное содержаніе, а равно—съ уменьшенной платой, должны подать прошеніе о семъ въ Правленіе училища (къ 25 августа) непременно съ приложеніемъ благочинническаго удостовѣренія о своей бѣдности. Сироты отъ означенныхъ прошеній освобождаются.

4) На основаніи журнальнаго опредѣленія Правленія училища (примѣнит. къ Опр. Св. Слн. отъ 4—16 іюня 1908 г. за № 3), утвержденнаго Его Высокопреосвященствомъ 17 окт. 1908 г. за № 6795, съ казеннокоштныхъ воспитанниковъ (за исключеніемъ сиротъ) взимается дополнительная плата въ размѣрѣ 20 рублей; съ воспитанниковъ, пользующихся половиннымъ епархіальнымъ содержаніемъ—15 рублей и съ пользующихся уменьшенной платой—по 10 рублей. Поэтому при прошеніяхъ о принятіи на содержаніе непременно должна быть приложена дополнительная плата, безъ которой прошенія разсматриваться Правленіемъ училища не будутъ. Той же участи будутъ подлежать прошенія тѣхъ родителей, которые состоятъ должниками за содержаніе ихъ дѣтей въ училищномъ обществѣ въ истекшемъ учебномъ году.

5) По постановленію Съѣзда Духовенства Сумскаго училищнаго округа отъ 22 сентября 1909 г. „пріемъ учениковъ въ общество не допускается безъ взноса полной платы за содержаніе впередъ за полугодіе“. (Журн. 1, н. 2).

6) Всѣ воспитанники, желающіе поступить въ училищное общество, должны внести установленную плату впередъ за полгода въ суммѣ 45 р., а вновь поступающіе, кромѣ того, обязаны внести 25 руб. на первоначальное обзаведеніе (постельный приборъ и письменныя принадлежности).

II.

Правленіе Сумскаго духовнаго училища сямъ извѣщаетъ, что переэкзаменовки для воспитанниковъ училища и пріемныя испытанія для вновь поступающихъ въ училище будутъ произведены въ августѣ мѣсяцѣ съ слѣдующемъ порядкѣ:

17 августа—переэкзаменовки ученикамъ 4 класса.

18 августа—переэкзаменовки ученикамъ 3 класса по русскому языку (устный и письменный).

19 августа—переэкзаменовки ученикамъ 3 класса по остальнымъ предметамъ.

20 августа—переэкзаменовки ученикамъ 2 класса по Закону Божію и русскому языку (устный и письменный).

21 августа—переекзаменовки ученикамъ 2 класса по остальнымъ предметамъ.

23 и 24 августа—переекзаменовки ученикамъ 1 и приготовительныхъ классовъ.

25 и 26 августа—приемныя испытанія для поступающихъ въ приготовительный классъ.

27 и 28 августа—приемныя испытанія для поступления въ остальные классы училища.

30 августа—засѣданіе Правленія и молебенъ предъ ученіемъ.

31 августа—начало классныхъ занятій.

Епархіальныя извѣщенія.

1) Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

1) Псаломщикъ Покровской церкви, слоб. Безлюдовки, Харьковскаго уѣзда, Павелъ *Краснокутскій* опредѣленъ 9 іюня на священническое мѣсто при Рождество-Богородичной церкви, села Масловки, Зміевского уѣзда.

б) Псаломщикъ Троицкой церкви, слоб. Корбинныхъ-Ивановъ, Богодуховскаго уѣзда, Лука *Яловой* опредѣленъ 15 іюня на діаконское мѣсто при Архангело-Михайловской церкви, слободы Шебелинки, Зміевского уѣзда.

в) Сынъ псаломщика Митрофанъ *Роменскій* опредѣленъ 16 іюня и. д. псаломщика къ Соборной Покровской церкви, города Ахтырки.

2) О перемѣщеніи священно-церковно-служителей.

а) Священникъ Николаевской церкви, слободы Новой-Водолаги, Валковскаго уѣзда, Іоаннъ *Поповъ* перемѣщенъ 29 мая на священническое мѣсто при церкви Харьковскаго училища слѣпыхъ.

б) Священникъ Рождество-Богородичной церкви, слободы Ковягъ, Валковскаго уѣзда, Андрей *Лукѣнъ* перемѣщенъ 4 іюня на 2-е священническое мѣсто при церкви слободы Каплуновки, Богодуховскаго уѣзда.

в) Священникъ Николаевской церкви, слоб. Коломака, Валковскаго уѣзда, Василій *Евецкій* перемѣщенъ 5 іюня на священническое мѣсто при Николаевской церкви, слободы Новой-Водолаги, того же уѣзда.

г) Священникъ Троицкой церкви, слободы Перекопа, Валковскаго уѣзда, Михаилъ *Фальченко* перемѣщенъ 15 іюня на священническое мѣсто при Николаевской церкви, слободы Коломака, того же уѣзда.

д) Псаломщикъ Архангело-Михайловской церкви, слободы Казачей Лопани, Харьковскаго уѣзда, Василій *Потовъ* перемѣщенъ 7 іюня на псаломщицкое мѣсто при Іоанно-Богословской церкви, села Ивановки, того же уѣзда.

3) Объ увольненіи за штатъ.

а) Священникъ Рождество-Богородичной церкви, села Масловки, Зміевского уѣзда, Филиппъ *Пестряковъ*, согласно его прошенію, уволенъ за штатъ 9 іюня.

б) Псаломщикъ Соборной Покровской церкви, города Ахтырки, Григорій *Смирнскій*, согласно его прошенію, уволенъ за штатъ 10 іюня.

4) Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ Соборной Покровской церкви, города Старобѣльска, утвержденъ 11 іюня старостою мѣщанинъ Иванъ *Выставкинъ*.

б) Къ Архангело-Михайловской церкви, слободы Рублевки, Богодуховскаго уѣзда, утвержденъ 10 іюня старостою крестьянинъ Дмитрій *Пануця*.

в) Къ Успенской церкви, слободы Стрѣльцовки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 10 іюня старостою крестьянинъ Тимоѣей *Гребенникъ*.

г) Къ Троицкой церкви, слоб. Чернокамянки, Зміевского уѣз., утвержденъ 8 іюня старостою крестьянинъ Семень *Савченко*.

д) Къ Покровской церкви, села Раздолья, Зміевского уѣзда, утвержденъ 18 іюня старостою крестьянинъ Симеонъ *Сызченко*.

е) Къ Рождество-Богородичной церкви, слобды Алексѣевки, Зміевского уѣзда, утвержденъ 18 іюня старостою крестьянинъ Иванъ *Ивановъ*.

ж) Къ Николаевской церкви, слободы Новой Айдары, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 12 іюня старостою крестьянинъ Иванъ *Позняковъ*.

з) Къ Рождество-Богородичной церкви, слободы Сѣнной, Богодуховскаго уѣзда, утвержденъ 16 іюня старостою крестьянинъ Дмитрій *Бережной*.

5) Объ утвержденіи и. д. псаломщиковъ въ должности.

а) И. д. псаломщика Покровской церкви, слоб. Терновъ, Лебединскаго уѣзда, Тимоѣей *Михайловскій*, утвержденъ 28 мая въ должности псаломщика.

б) П. д. псаломщика Соборной Преображенекой церкви, города Валокъ, Андрей *Чернуха*, утвержденъ 28 мая въ должности псаломщика.

в) П. д. псаломщика Соборной Троицкой церкви, города Зміева, Алексѣй *Пантелеймоновъ*, утвержденъ 12 іюня въ должности псаломщика.

6) Объ утвержденіи должностныхъ лицъ.

а) Священникъ Тихоновской церкви, елободы Бѣлокуракиной, Старобѣльскаго уѣзда, Леонидъ *Поповъ*, утвержденъ 11 іюня въ должности депутата 2 округа того-же уѣзда, вмѣсто состоявшаго въ сей должности священника Михаила *Ветухова*.

б) Священникъ церкви слоб. Араповки, Купянскаго уѣзда, Петръ *Заводовскій*, утвержденъ 11 іюня депутатомъ для производства слѣдствій по 2 округу того-же уѣзда.

7) О присоединеніи къ православію.

а) Священникомъ Успенской церкви, сл. Рублевки, Богодуховскаго уѣзда, Петромъ *Федоровскимъ* присоединенъ къ православію 26 мая штурдистъ Артемій Дегтярь 19 лѣтъ.

б) Священникомъ Архангело-Михайловской церкви, села Приволья, Изюмскаго уѣзда, Александромъ *Крыжановскимъ* присоединенъ 3 мая н. г. къ православію баптистъ, крестьянинъ деревни Петровки, того-же уѣзда, Арсеній *Стефановъ* 22 л.

8) Вакантныя мѣста:

а) Священническія:

При Крестовоздвиженской церкви, города Харькова.

— Алексіевской церкви, сл. Курульки, Изюмскаго уѣзда.

— Троицкой церкви, слоб. Перекопа, Валковскаго уѣзда.

б) Діаконскія:

При Харьковской Николаевской церкви.

— Успенской церкви, сл. Сватовой Лучки, Купянск. уѣзда.

и в) Псаломщицкія:

При Успенской церкви, сл. Хотѣни, Сумскаго уѣзда.

— Архангело-Михайловской ц., г. Краснокутска, Богодухов. у.

— Іоанно-Предтеченской церкви, с. Знаменскаго, Изюмскаго у.

— Петро-Павловской церкви, сл. Петропавловки, Купянскаго у.

— Всѣхсвятской церкви, гор. Славянска, Изюмскаго уѣзда.

При Соборной Успенской цер., гор. Богодухова.

- Рождество-Богород. цер., сл. Мартовой, Волчан. уѣз.
- Петро-Павловской цер., сл. Петропавловки, Волчанскаго у.
- Троицкой церкви, города Харькова.
- Рождество-Богородичной церкви, сл. Алексѣевки, Сумскаго у.
- Николаевской церкви, сл. Крысина Яра, Богодух. уѣзда.
- Рождество-Богородичной церкви, сл. Волоховки, Волчан. у.
- Рождество-Богород. церкви, Казачей Лопани, Харьк. у.
- Казанско-Богород. церкви, сл. Пльмовъ, Сумскаго уѣзда.
- Покровской церкви, с. Безлюдовки, Харьковскаго уѣзда.
- Николаевской церкви, сл. Николаевки, Старобѣльскаго у.
- Вознесенской церкви, сл. Ефремовки, Волчанскаго уѣзда.
- Троицкой церкви, сл. Корбиныхъ-Ивановъ, Богодух. у.

II.

Содержаніе. Поученіе въ день рожденія Государыни Императрицы. *Святц. Иоанна Дмитревскаго.*—Четыре рѣчи, произнесенныя при обсужденіи законопроекта о старообрядческихъ общинахъ. (Продолженіе). *Члена Государственнаго Совѣта Протоіеря Т. И. Буткевича.*—Епархіальная хроника.—Годичный актъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ.—Прощаніе окончившихъ въ текущемъ году курсъ Харьковской Духовной Семинаріи съ Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Арсеніемъ.—Иноепархіальный отдѣлъ. Пастырское посланіе Преосвященнаго Серафима, Епископа Полоцкаго и Витебскаго. (Окончаніе).—Необходимость въ богослужебныхъ бесѣдѣ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Къ двухсотлѣтію русскаго Выборга.—Обращеніе въ редакцію члена Думы священника о. Н. Гепецкаго.—Географія литературныхъ талантовъ.—Объявленія.

Поученіе въ день рожденія Государыни Императрицы

о православіи и религіозной терпимости.

Благочестивые слушатели! Присоединимъ къ молитвѣ назиданіе, чтобы сдѣлать вдвойнѣ памятнымъ знаменательный для насъ день рожденія Государыни Императрицы. Молитва оставитъ у васъ слѣдъ на сердцѣ, а поученіе, по благодати Божіей, въ сознаніи.

Соотвѣтственно важности сегодняшняго торжества, хочу побесѣдовать съ вами по вопросу чрезвычайной важности,—о Христѣ Спасителѣ нашемъ, о Церкви Его, о томъ,

на какой путь стали теперь враги Церкви съ цѣлюю расхитить духовныя сокровища наши.

Всѣмъ извѣстно, что въ настоящее время Православная Церковь подвергается самому жестокому штурму со стороны разныхъ ученій протестантскаго типа. О серьезности момента говорить то, что Св. Синодъ недавно разослалъ повсемѣстно особый указъ по этому поводу съ подробнымъ выясненіемъ тяжелаго для Православной Церкви настоящаго положенія дѣла. Въ указѣ идетъ рѣчь о хорошо намъ, жителямъ Харькова, извѣстномъ „Русскомъ Евангельскомъ Союзѣ“. Цѣль этого союза—реформировать, обновить, оживить, какъ они говорятъ, Православную Церковь, а основные принципы: „распространять евангельскія истины въ христіанскомъ *безпартийномъ* духѣ на почвѣ укрѣпленія въ христіанахъ ихъ единства во Іисусѣ Христѣ“, и вообще проповѣдывать духъ широкой религіозной *терпимости*. Столь соблазнительные принципы развиваются и въ соотвѣтствующей формѣ.—На церковныхъ амвонахъ, говорятъ, молятся о соединеніи всѣхъ, а на дѣлѣ выдвигаютъ искусственныя преграды, проповѣдуютъ идею обособленія, отдѣленія; вѣчную книгу любви—Евангеліе, говорятъ, превращаютъ то въ орудіе религіозной борьбы, то въ орудіе фанатическаго искаженія истины, то въ орудіе политическихъ страстей. вмѣсто Христа выдвинули культъ, вмѣсто живой вѣры—обрядовѣріе, даже спасающую благодать заключили во внѣшнюю форму! Не то, говорятъ, проповѣдывалъ Христосъ, для Него не было ни католиковъ, ни православныхъ, ни лютеранъ, предъ Нимъ былъ только одинъ бѣдный, жалкій страдалецъ—человѣкъ, ради котораго Онъ сошелъ на землю. Придите ко Мнѣ, говорилъ Онъ, всѣ трудящіеся и обремененные... Кто не противъ васъ, сказалъ Онъ Апостоламъ, тотъ за васъ. Гдѣ Духъ Господень, тамъ—свобода. Одно Царство небесное, но каждый можетъ идти въ него своимъ путемъ... Не вѣра во Христа, говорятъ, раздѣлила христіанъ на отдѣльныя партіи, а невѣріе, люди большею частію обособляются другъ отъ друга не ради истины святаго ученія, а ради тѣхъ пяти хлѣбовъ и десяти рыбъ, которыя ласкаютъ и манятъ ихъ физическій взоръ...

Не утаимъ, возлюбленные, что эти и подобныя сужденія въ наше время имѣютъ мѣсто въ сердцахъ не однихъ

только членовъ „Русскаго Евангельскаго Союза“. Чѣмъ соблазнительнѣе они по содержанію, тѣмъ необходимѣе отвѣтить на нихъ по существу. Итакъ, что-же скажемъ такъ разсуждающимъ?

Великое дѣло, возлюбленные, единство во Христвъ Іисусѣ: Онъ нашъ Богъ, нашъ Спаситель, въ Немъ—все. „Отче Святыи!... молился объ этомъ Онъ Самъ, да будутъ всѣ—едино, какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино“ (Іоан. 17, 21), и мы молимся объ этомъ и именно поэтому проповѣдуемъ принципъ единства Церкви, тщательно охраняемъ ее, огораживаемъ ее отъ всѣхъ враговъ, хотя бы они прикрывались самыми святыми именами и возвышенными принципами, ибо вѣруемъ, что спасеніе не въ именахъ и принципахъ, а въ томъ, чтобы быть въ единеніи со Спасителемъ, по слову Его: „кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода“ (Іоан. 15, 5). Намъ говорятъ: Церковь не нуждается въ охраненіи, ее хранитъ Христосъ;—да, но и насъ всѣхъ хранитъ Отецъ нашъ небесныи, однако это не снимаетъ съ насъ обязанности разумно пользоваться своими способностями! Что любимъ, тѣмъ и дорожимъ, то и хранимъ; гдѣ наше сокровище, тамъ должно быть и все сердце наше. Насъ спасъ Христосъ, Сыиъ Божіи, а не всякій другой, „безпартійный“, котораго проповѣдуетъ намъ мудрость вѣка сего, посему мы и говоримъ, что мало называться христіаниномъ, чтобы быть въ стадѣ Христовомъ. „Если кто скажетъ вамъ, далъ намъ на этотъ случай наставленіе Спаситель нашъ, вотъ здѣсь Христосъ, или тамъ,—не вѣрьте; ибо возстанутъ лжехристы и лжепророки“ (Мѣ. 24,—23, 24). Но мы, говорятъ, проповѣдуемъ Христа того-же, въ какого вѣруетъ и Православная Церковь, мы только противъ той обстановки, въ которую люди заключили Христа и изъ-за которой препираются, дѣлятся на партіи, исповѣданія... Неправда это, возлюбленные, лукавая неправда! Кто пазываетъ институтъ Церкви обстановкой, кто призываетъ ко Христу внѣ Церкви Его, тотъ проповѣдуетъ не Христа-Спасителя.—„Созижду Церковь мою“ (Мѣ. 16, 18), говоритъ Онъ: Онъ, говоритъ Апостолъ, глава Церкви, а Церковь—тѣло Его (Ефес. 1, 22—23). Кто отдѣляетъ главу отъ тѣла, тотъ лишаетъ тѣло жизни. Такъ хотятъ лишитъ христіанъ жизни тѣ, которые проповѣдуютъ

Христа „безъ различія вѣроисповѣдныхъ оттѣнковъ“! Да и несбыточное это дѣло учить о жизни внѣ организма, внѣ вѣншей организаци; лучше всего это видно изъ того, что всѣ эти проповѣдники „свободнаго христіанства“ непремѣнно говорятъ о своей организаци. Разница только въ томъ, что они проповѣдуютъ новую организацию, основывающуюся на современномъ теченіи свободной мысли, а мы исповѣдуемъ старую, Апостольскую, пережившую два тысячелѣтія и основывающуюся на Откровеніи Божественномъ. Не о томъ мы говоримъ, возлюбленные, что въ церковной практикѣ, а тѣмъ болѣе—въ обычаяхъ все должно застыть въ разѣ опредѣленныхъ, неизмѣнныхъ формахъ, а о томъ, что въ Церкви, кромѣ стороны обрядовой и дисциплинарной, измѣняющейся соотвѣтственно историческому росту этого духовнаго организма, есть еще сторона таинственная и догматическая—это вѣчное, по существу неизмѣнное содержаніе, относительно котораго Апостоль сказалъ: „если мы, или Ангелъ съ неба возвѣститъ вамъ болѣе того, что мы благовѣстили—да будетъ анаѣма“ (Гал. 1, 8). Видите: по Апостолу, Ангелъ не можетъ измѣнить этого содержанія, а новые проповѣдники лютеранскаго типа измѣняютъ?! Несообразное это дѣло. И понимаемъ мы, почему этого измѣнить нельзя: потому что *истина неизмѣнна* и всякое измѣненіе ея есть отступленіе отъ нея, измѣна ей. Вотъ почему мы и говоримъ, что не одно и то-же, не безразлично быть православнымъ, или лютераниномъ, католикомъ, штундистомъ и т. п., какъ не одно и то-же обладать чистой истиной и съ примѣсью заблужденій, имѣть настоящій брилліантъ, или его художественную поддѣлку. А что наша истина есть именно старая, Апостольская, т. е. неподдѣльная, объ этомъ спросите у хулителей нашихъ. „Какою сложилась православная церковь въ древности, говоритъ объ этомъ одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ профессоровъ-историковъ запада, такой она осталась и до нашихъ дней: не произошло не только существенныхъ, но и незначительныхъ перемѣнъ“¹⁾. Вотъ въ чемъ наша слава, наша похвала! Мы не измѣнили Христу даже и „въ незначительномъ“ и до нынѣ хранимъ неизмѣнными принесенныя Имъ въ міръ жизнь и истину. Послѣ этого

¹⁾ Гарнакъ: „Сущность христіанства“.

вамъ понятно станеть, благочестивые слушатели, почему всѣ эти новые евангельскіе союзы болѣе всего говорятъ о язвахъ нашихъ: на недостаткахъ отдѣльныхъ членовъ Православной Церкви они хотять построить благополучіе своей системы. Приемъ извѣстный: въ дѣлѣ агитаціи, онъ достигаетъ цѣли, но предъ судомъ разума онъ блѣднѣетъ и гибнетъ безнадежно! Всѣ мы знаемъ, что мы немощные, грѣшныя, потому и молимся; но всѣ мы также знаемъ, что Церковь наша свята и непорочна, потому и дорожимъ этими самими нашими „вѣроисповѣдными отгѣнками“.

Столь же ложенъ въ своемъ существѣ и другой модный принципъ, такъ называемой, широкой религіозной терпимости въ смыслѣ равноцѣнности и равноправія всякихъ вѣрованій и тѣмъ болѣе—призывающихъ ко Христу. Только скудость мысли и религіозный индифферентизмъ могутъ восхищаться такого рода свободою духа! Въ самомъ дѣлѣ, если вы одинаково уважаете всякое вѣрованіе, это значитъ, что вы не вѣрите ни во что. Содержаніе вѣры—истина, значитъ, для васъ потеряна и вы хватаетесь только за оди формы вѣры, что-бы въ нихъ ни заключалось. Такъ было съ древнимъ міромъ, привѣтливо принимавшимъ всякую вѣру и всякій культъ, но отъ этого онъ погпбъ, ибо скептицизмъ убиваетъ жизнь. Все считать за одинаково истинное, значитъ, все объявлять неистиннымъ, и ничего не признавать несомнѣннымъ. Для кого противоположное мнѣніе столь-же хорошо, какъ и его собственное, тотъ равнодушенъ къ истинѣ. Равнодушіе-же къ истинѣ не есть добродѣтель, а порокъ. И скептицизмъ не есть сила духа, а слабость его. Древній міръ закончилъ скептицизмомъ и погпбъ отъ него. Христіанство начало съ увѣренности и побѣдило міръ. Терпимость, имѣющая своимъ источникомъ сомнѣніе, есть не высота духа, а признакъ упадка и предвѣстіе разрушенія. Истина есть благо, а благо нужно хранить. Для кого нѣтъ истины, тому, конечно, нечего и хранить, но для кого она есть, тотъ не можетъ ее цѣнить одинаково съ заблужденіемъ. Ясно, возлюбленные, что модная въ наши дни проповѣдь широкой религіозной терпимости есть проповѣдь не любви, а жестокости, ибо отнимаетъ, вытраиваетъ вѣру въ истину, есть проповѣдь индифферентизма, сомнѣнія, нравственнаго разложенія. Тепло - хладность одинаково поги-

бельна и въ жизни, гдѣ она показываетъ на ослабленіе пульса жизни, и въ вѣрѣ, ибо свидѣтельствуешь о язвѣ невѣрія. Такъ какъ ты, говоритъ объ этомъ Господь, ни холоденъ, ни горячъ, то Я извергну тебя изъ устъ Моихъ (Апок. 3,—14, 15)

Будемъ твердо помнить это, возлюбленные, чтобы не увлекаться прелестью новыхъ ученій, о которыхъ кричатъ теперь на всѣхъ перекресткахъ. Мы видѣли внутреннюю фальшь и убожество ихъ основныхъ принциповъ, таковыми же окажутся, если подумаете, и всѣ выводы ихъ изъ этихъ принциповъ. Амѣнь.

Свящ. Иоаннъ Дмитревскій.

Четыре рѣчи члена Государственного Совѣта Протоіерея Т. И. Буткевича, произнесенныя при обсужденіи законопроекта о старообрядческихъ общинахъ.

(Продолженіе *).

II.

Ваше Высокопревосходительство, г.г. члены Государственного Совѣта! Не припишите мнѣ дерзкаго намѣренія переступить порогъ чуждыхъ мнѣ и моей Матери Церкви пышныхъ чертоговъ „человѣческаго высокомѣрія“ (отъ чего такъ заботливо предостерегаетъ насъ графъ С. Ю. Витте), если я скажу, что такимъ или инымъ рѣшеніемъ вопроса *о религиозной пропагандѣ* больше должно быть заинтересовано государство, чѣмъ Церковь. Да, милостивые государи, рѣшеніе этого вопроса для государства важнѣе, чѣмъ для Церкви. Государственная жизнь и ея правильное, цѣлесообразное развитіе не могутъ базировать на однихъ только юридическихъ началахъ. Всѣ государственные законы, правила, уставы, созданные подъ руководствомъ однихъ юридическихъ соображеній, суть дѣло разсудка; а человѣческіи разсудокъ слишкомъ сухъ, безсердеченъ и эгоистиченъ, для того, чтобы онъ могъ цѣлесообразно и сносно устроить существованіе не только народовъ, но и отдѣльныхъ лицъ, которымъ Промысль Божіи судилъ жить въ сообществѣ другихъ. Что бы законы имѣли не случайный характеръ, а

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 11 за 1910 годъ.

дѣйствительную жизненную силу, при составленіи ихъ законодательство должно руководиться не только юридическими соображеніями, но и моральными принципами. Истину эту доказала исторія древняго міра. Римъ ничего не хотѣлъ знать кромѣ юридическихъ началъ. Въ погрѣшительныя ученія своихъ философовъ-моралистовъ, только уличавшихъ другъ друга во лжи, онъ извѣрился: ложь язычества, какъ религіознаго учевія, индифферентнаго къ нравственнымъ требованіямъ, для него была очевидна. Всѣ свои надежды онъ возложилъ только на юридическія основы, только отъ юристовъ ожидалъ своего спасенія и потому провозгласилъ всѣмъ извѣстный девизъ свой: „пусть погибнетъ весь міръ, лишь бы существовала справедливость“ —justitia! И что же? Промыслъ Божій не допустилъ погибнуть міру,—а Римъ погибъ! И онъ долженъ былъ погибнуть, ибо мѣсто философіи занялъ абсолютный скептицизмъ, мѣсто религіи—атеизмъ.

Исчезло грубое атеистическое язычество. По всему міру стало распространяться ученіе Христа. Подъ благотворнымъ вліяніемъ христіанства рѣзко измѣнилась жизнь не отдѣльных только лицъ, но и общества, народовъ, государствъ, человѣчества. Смягчена грубость нравовъ; оцѣнено достоинство личности человѣческой; исчезъ деспотизмъ въ семейной жизни; осуждено многоженство; спали цѣпи тяжелаго рабства съ несчастной женщины, которой даже Аристотель не хотѣлъ признавать человѣкомъ; урегулированы отношенія между родителями и дѣтьми; осуждены рабство и торговля людьми; сознали необходимость просвѣщенія, науки, школъ... Раскрыты вѣчные идеалы человѣка, какъ сына Божія, предназначеннаго идти къ блаженству и безконечному совершенству—умственному, нравственному, эстетическому и соціально-политическому... Кто скажетъ мнѣ, что это не плоды благотворнаго вліянія христіанской проповѣди?! Въ христіанскихъ государствахъ лучшими законодателями являются не простые, хотя бы то и ученые юристы, а юристы—христіане; а лучшими законами должны быть признаны тѣ, которые несутъ на себѣ отпечатокъ моральнаго христіанскаго вліянія. Укажу нѣсколько примѣровъ. Что такое ростовщичество? Вы называете его преступленіемъ, и вы не ошибаетесь; вы караете ростовщика по своимъ судебнымъ

приговорами,—и хорошо дѣлаете. Но вы не имѣете никакого права считать ростовщичество преступленіемъ съ точки зрѣнія однихъ юридическихъ соображеній. Предъ судомъ юриста ростовщикъ правъ и ничего дурного не дѣлаетъ, какіе бы проценты онъ съ меня ни бралъ. Меня заставляетъ идти къ нему нужда, обстоятельства, но не онъ самъ; насилья надо мною онъ не дѣлаетъ: я самъ вступаю съ нимъ въ договоръ, который обыкновенно полагается юристами въ основу человѣческихъ отношеній. Поэтому, когда вы осуждаете ростовщика, то въ этомъ случаѣ вы поступаете не какъ юристы, а какъ христіане: вамъ предносится заповѣдь Христа о любви къ ближнимъ, къ которой остается глухимъ ростовщикъ. Вы объявляете преступленіемъ азартныя игры. За что? Развѣ насильно заставляютъ садиться за карточный столъ того несчастнаго безумца, который, поработивъ себя своимъ собственнымъ страстямъ, проигрываетъ свое состояніе, пускаетъ себѣ пулю въ лобъ, а свою семью обрекаетъ на нищету и страданія? Развѣ, садясь за столъ, онъ не горѣлъ желаніемъ обратить другихъ такъ же, какъ обратилъ его партнеры? Нѣтъ, милостивые государи, не юриспруденція сама по себѣ, а христіанство подсказало вамъ, что азартныя игры суть зло, съ которымъ нужно бороться! А судъ присяжныхъ,—развѣ это только юридическое учрежденіе? Самъ преступникъ говоритъ вамъ: „да, я виновенъ“, а вы отвѣчаете: „нѣтъ, ты невиновенъ; ты—воръ, но ты наказанъ не будешь“. Кто научилъ васъ говорить такимъ языкомъ?—юристы?—Нѣтъ, не юристы, а Тотъ, Кто избавилъ отъ побіенія камнями даже явную блудницу, Кто одинъ только имѣетъ право прощать людямъ грѣхи и это право передалъ вамъ. Предъ юристами же всякая вина виновата. Даже законодатели, бравирующие своимъ невѣріемъ и враждующіе съ Церковію Христа, безсильны освободиться отъ вліянія христіанской морали, когда они пишутъ для гражданъ цѣлесообразныя законы. Въ христіанскомъ государствѣ вся атмосфера насыщена идеями Христа; мы ими дышемъ и безъ нихъ человѣчество существовать не можетъ: оно задохнется въ своихъ міазмахъ. Исторіи извѣстна попытка злосчастной Франціи обойтись безъ христіанской религіи въ управленіи государствомъ. 10-го ноября 1793 года французскіе революціонеры, во главѣ съ Робеспьеромъ, объявили

въ своемъ манифестѣ объ уничтоженіи всякой религіи: всѣ религіи—писали они—введены различными законодателями, чтобы посредствомъ ихъ управлять народами; религіи необходимы только тогда, когда основанія правительственнаго искусства еще не довольно тверды: наше правительство не нуждается въ подобной опорѣ“. Но чѣмъ кончилась эта затѣя? Въ самый годъ отреченія отъ христіанства тѣмъ же самымъ революціоннымъ правительствомъ Франціи была измышлена вмѣсто него безумная „религія Разума“ съ боготвореніемъ какой-то актрисы или, какъ утверждаютъ нѣкоторые историкки, даже проститутки, а полтора года спустя Франція снова объявила себя католическою державою. Не смущаютъ меня ссылки и на современную Францію. Современная Франція разорвала союзъ съ католическою церковію, подъ которою разумѣютъ на западѣ духовенство, клерикализмъ, папство, однимъ словомъ, людей, но не ученіе Христа, а отъ христіанскаго моральнаго вліянія французы не освободили себя, хотя бы нѣкоторые изъ нихъ и утверждали это. Въ настоящее время, по свидѣтельству многихъ внимательныхъ писателей, во Франціи и особенно въ ея провинціяхъ внутренняя религіозная жизнь возбуждена, пожалуй, сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было въ другое время.

Къ сожалѣнію, по причинѣ людскихъ страстей и ложныхъ мудрствованій, изъ христіанства выдѣлилось до четырехсотъ различныхъ исповѣданій, подъ видомъ сектъ и расколовъ, своими искаженіями ученія Христова уклоняющихся другъ отъ друга и враждующихъ между собою. Но истина одна. Учитель одинъ. Христосъ не раздѣлился и кто уклонился отъ его ученія, тотъ не ученикъ Его, а Его противникъ. „Кто не со Мною, сказалъ Онъ, тотъ противъ Меня; и кто не собираетъ со Мною, тотъ расточаетъ“. Всѣхъ четырехсотъ исповѣданій признать истинными нельзя. Нужно избрать одно изъ нихъ. И вотъ государство избираетъ одно изъ христіанскихъ вѣроученій, какъ истинное, для своего собственнаго руководства и для распространенія его, опять таки какъ истиннаго, между своими подданными, объявляя всѣ другія христіанскія исповѣданія только терпимыми у себя, но безъ права прозелитизма, такъ какъ истинными оно ихъ не признаетъ. Такими соображеніями руководствовались всѣ мудрые законодатели. Одно исповѣданіе они

объявляли господствующую церковь и только ей одной, какъ истинной, предоставляли право пропаганды, не давая этого права другимъ, хотя бы то и христіанскимъ исповѣданіямъ. Въ настоящее время у меня подъ руками нѣсколько дѣйствующихъ нынѣ конституціонныхъ актовъ иностранныхъ государствъ, и позвольте мнѣ привести изъ нихъ нѣсколько относящихся къ моей рѣчи узаконеній. Въ греческой Конституціи отъ 16 ноября 1864 года мы читаемъ: „Господствующая Церковь въ Греціи—восточная, православная, христіанская. Всякая другая признанная религія пользуется терпимостью, и свободное отправленіе ея культа поставлено подъ защиту законовъ; но запрещается прозелитизмъ и дѣйствія во вредъ господствующей Церкви“. Въ Конституціи Датскаго королевства отъ 5 іюня 1849 года, пересмотрѣнной и обнародованной 28 іюля 1866 года: „Евангелическая лютеранская церковь есть національная церковь Даніи и, какъ таковая, содержится на счетъ государства. Граждане имѣютъ право собираться вмѣстѣ для богослуженія согласно своимъ убѣжденіямъ, но не имѣютъ права даже во время богослуженія чему нибудь учить или что-нибудь совершать, что противорѣчитъ добрымъ нравамъ или общественному порядку“. Въ Конституціи Испанской монархіи отъ 8-го іюня 1876 года: „Римско-католическая апостолическая религія есть религія государственная. Народъ беретъ на себя обязательство содержать культъ и поддерживать его служителей. Никто на испанской территоріи не можетъ быть преслѣдуемъ за свои религіозныя убѣжденія или за исполненіе культа своей религіи, при чемъ однако всякій обязанъ уваженіемъ къ христіанской морали. Но не дозволяются манифестаціи и публичныя церемоніи другихъ религій, кромѣ государственной“. Въ основномъ статутѣ Итальянскаго королевства отъ 4 марта 1848 года: „Католическая, апостольская и римская религія есть единственная религія государства. Остальныя, въ настоящее время существующія, вѣроисповѣданія терпимы въ предѣлахъ законовъ“. Въ Норвегіи, по конституціи 17 мая 1814 г., и въ Швеціи, по акту уніи отъ 4 ноября 1814 года, господствующимъ вѣроисповѣданіемъ государства признано только одно евангелическо-лютеранское вѣроисповѣданіе и ему только предоставлено право пропаганды; „іезуитскіе же и

прочіе монашескіе ордена“ объявлены даже „нетерпимыми“. Въ Румыніи, по конституціи 30 іюня 1866 года, господствующею церковью объявлена только православная восточная церковь; то же въ Болгаріи—по конституціи 1879 года и въ Сербіи—по Уставу Сербскаго королевства отъ 2 іюня 1903 г. Въ Германіи, издавна князьями множествомъ протестантскихъ сектъ, были дѣлаемы попытки даровать имъ равноправіе и примирить ихъ въ формѣ какого-либо единенія. Сочиняли „королевскія обѣдні“, строили „храмы согласія“. Но изъ этого ровню ничего не вышло: обѣденъ королевскихъ никто не слушалъ; „храмы согласія“ стояли пустыми.

Въ Россіи господствующею болѣе тысячи лѣтъ признается православная вѣра. Нашъ основной законъ гласитъ: „Первенствующая и господствующая въ Россійской Имперіи вѣра есть Христіанская Православная Каѳолическая Восточнаго исповѣданія... Въ предѣлахъ государства одна господствующая православная церковь имѣетъ право убѣждать послѣдователей иныхъ христіанскихъ исповѣданій и ино-вѣрцевъ къ принятію ея ученія о вѣрѣ. Духовныя же и свѣтскія лица прочихъ христіанскихъ исповѣданій и ино-вѣрцы строжайше обязаны не прикасаться къ убѣжденію совѣсти не принадлежащихъ къ ихъ религіи“. Такимъ образомъ, предоставляя право пропаганды старообрядцамъ, Государственная Дума и меньшинство членовъ особой комиссіи Государственнаго Совѣта стремятся къ разрушенію даже основныхъ законовъ: они создаютъ двѣ церкви, обладающія равными правами. Но прежде чѣмъ перейти къ критикѣ думскаго законопроекта и мнѣнію меньшинства моихъ сочленовъ, я хочу высказать соображенія, которыми, по моему убѣжденію, до сихъ поръ руководилось русское правительство, признавая право пропаганды только за одною Православною Церковію.

Православная вѣра не была навязана нашимъ предкамъ механически или насильственно. Они приняли ее сознательно и добровольно. Всѣ мы знаемъ какъ Владиміръ Святой, познавъ ложь язычества, искалъ истиной вѣры и съ какимъ вниманіемъ онъ относился къ проповѣдникамъ. Прежде другихъ вѣрѣ онъ ознакомился съ католичествомъ. Но, какъ мудрый народоправитель, онъ отвергъ его: онъ зналъ о борьбѣ папъ съ императорами, о ихъ стремленіяхъ къ свѣт-

ской власти и ихъ притязаніяхъ. Такая религія, по его справедливому убѣжденію, не могла содѣйствовать правильному развитію государственной жизни, а могла только тормозить его. Вотъ почему онъ и отвернулся отъ нея. Надѣюсь, вы признаете разумными и тѣ мотивы, по которымъ Владиміръ не остановился на религіи евреевъ. Вѣдь и евреи являлись къ нему съ предложеніемъ своей вѣры. Не увлекся онъ и лестными для чувственности посулами магометанскихъ хозаръ. Истинную религію онъ нашелъ только въ Православіи Греческой Церкви. Но не довѣряя себѣ и греческимъ проповѣдникамъ, онъ отправилъ своихъ знатнѣйшихъ бояръ въ Константинополь—изучить Православную вѣру на мѣстахъ. Выборъ вѣры, какъ видите, происходилъ осмотрительно и осторожно. И русскій князь не обманулся. Вліяніе православной вѣры на нравы, законодательство, семейную и общественную жизнь, на просвѣщеніе у насъ сказалось благотворнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Видя это, наши князья относились къ заповѣдямъ Церкви Православной съ особеннымъ довѣріемъ и уваженіемъ; преклонялись предъ нею, какъ предъ великою культурною силою; совѣтывались съ архипастырями о дѣлахъ не только своихъ личныхъ, но и государственныхъ; умирая, они завѣщавали такъ же поступать и своимъ дѣтямъ. Русскому духовенству Православной Церкви они ввѣрили даже и не вполне свойственныя имъ обязанности, напр., провѣрку вѣсовъ на торжищахъ. Законодательство наше, какъ можете видѣть изъ его перваго опыта—„Русской Правды“ Ярослава, котораго народъ прозвалъ Мудрымъ, носило на себѣ явные слѣды церковнаго вліянія. Вотъ почему и вотъ съ какихъ поръ наша Православная Церковь стала не только первенствующею, но и господствующею. Русское правительство и русскій народъ всегда отличались рѣдкою вѣротерпимостію. Объ этомъ свидѣтельствуется каждое царствованіе нашихъ государей, какъ великихъ князей, такъ и царей и императоровъ. Всѣ не принадлежащіе къ господствующей Церкви подданные Россійскаго Государства, природные и въ подданство принятые, также иностранцы, состоящіе въ Россійской службѣ или временно въ Россіи пребывающіе, пользуются каждый повсемѣстно свободнымъ отправленіемъ ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной. Свобода вѣры присвоается не токмо христіа-

намъ иностранныхъ исповѣданій, но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ“. Это—основной русскій законъ. Онъ данъ не вчера, вызванъ не безумною революціею нашихъ дней. Тѣмъ не менѣе право пропаганды нашимъ законодательствомъ всегда было сохраняемо только за Православною Церковію, такъ какъ въ глазахъ законодателя только одно ея ученіе было признаваемо истиннымъ и потому полезнымъ какъ для государства, такъ и для его русскихъ гражданъ. И я убѣжденъ, что этого здраваго чувства русскій народъ не утратилъ еще и въ настоящее время. Когда въ школьной думской комиссіи увидѣли затрудненіе въ расширеніи предѣловъ народнаго просвѣщенія и увеличеніи народныхъ школъ въ неизмѣннѣ депежныхъ средствъ, одинъ изъ членовъ ея, католическій ксендзъ, предложилъ даровое обученіе при условіи дозволить вести это дѣло іезуитамъ. И что же?—на это предложеніе остальные члены комиссіи отвѣчали гробовымъ молчаніемъ.

Незначительнымъ числомъ голосовъ иновѣрцевъ-католиковъ, протестантовъ, евреевъ, магометанъ и язычниковъ, съ усерднымъ участіемъ русскихъ атеистовъ, Государственная Дума предоставила старообрядцамъ право пропаганды. Не говорю о легкомыслии тѣхъ членовъ Думы, которые именуютъ себя еще русскими и православными; но иновѣрцы, инородцы и элементы революціонные знали, что дѣлали. Они нашли еще одно средство для обезсиленія русскаго государства, чрезъ обезсиленіе русской Православной Церкви, ея вѣрной союзницы и надежной помощницы. За русскую Церковь я не боюсь, религіозная пропаганда для нея не страшна. Кого теперь можно совратить двуверсіемъ, двугубою аллилуею, седмипросфоріемъ или хожденіемъ посолунь? Да эти отступленія, какъ дѣло невѣжества только, Православная Церковь терпитъ въ единовѣрїи; предлогомъ къ расколу она ихъ не считаетъ. Отпадутъ и въ которые „очень грѣшные сыны Церкви“, какъ назвалъ себя вчера здѣсь одинъ ораторъ? Да они могутъ отпасть и безъ пропаганды, какъ перешелъ въ расколъ злосчастный Михайлъ Семеновъ. Такіе люди вѣдь фактически къ Церкви никогда и не принадлежали; они только называются православными. Даръ расколу отъ присоединенія къ нему этихъ пустовѣровъ также я считаю не особенно лестнымъ. Иное дѣло—интересъ госу-

дарства. Государство не можетъ и не должно быть равнодушнымъ къ старообрядческой пропагандѣ. Отпавъ отъ Православія, которое государство признаетъ единственно истинною религіею, расколъ, очевидно, и по его убѣжденію, уклонился отъ истины, а потому онъ будетъ распространять только ложное ученіе, вредное для его подданныхъ. Правительство насчитываетъ въ расколѣ 51 толкъ, а въ дѣйствительности ихъ—87. И всѣ они отличаются одинъ отъ другого какою либо ложью—извращеніемъ христіанскаго ученія. Государственный Совѣтъ не миссіонерское учрежденіе. И я не считаю себя вправѣ раскрывать здѣсь всю ложь старообрядчества, разоблачать всѣ его заблужденія. Но въ доказательство сказаннаго позвольте мнѣ остановить ваше вниманіе только на нѣкоторыхъ пунктахъ старообрядческаго лжеученія, имѣющаго непосредственное значеніе для государственной жизни. Поморцы съ своими многочисленными развѣтвленіями, и безпоповцы вообще,—это половина старообрядцевъ,—отвергнувъ таинство священства, отвергли вмѣстѣ съ нимъ всѣ христіанскія таинства и въ томъ числѣ таинство брака. Отрицаніе брака заставило ихъ снисходительно смотрѣть на половой развратъ, который всегда приводилъ въ ужасъ всѣхъ иностранныхъ путешественниковъ въ Россіи. Но и этого мало. Снисходительность къ разврату принудила старообрядцевъ не только оправдывать, но и благословлять грѣхъ и зло. „Не согрѣшишь—не покаешься, не покаешься—не спасешься“. „Блаженъ грѣхъ Адама, ибо чрезъ него явился на землю Христосъ!“ Вотъ корень ихъ нравственнаго ученія! Пропаганды такихъ ли идей среди русскаго народа желаютъ Дума и меньшинство нашей комиссіи?! А что сказать о бѣгунахъ и странникахъ, проповѣдующихъ ученіе о разрушеніи всякой государственности? Что сказать о самосожигателяхъ и уфимскихъ мехачевцахъ? Вѣдь они хуже скопцовъ и другихъ изуверовъ. Что сказать о неплательщикахъ и имъ подобныхъ? А вспомните старообрядческое ученіе объ антихристѣ! Сколько въ немъ человѣконенавистничества! Вѣдь мы всѣ, не принадлежащіе къ расколу—и вѣрующіе и не вѣрующіе—и русскіе, и греки, и католики и протестанты—все человѣчество, за исключеніемъ старообрядцевъ, принадлежимъ къ царству антихриста, который нами управляетъ. А ихъ ученіе о царѣ? Вѣдь въ 1907

году даже австрійцы—старообрядцы, окружники и противокружники, отчасти примирились между собою только на томъ условіи, чтобы „пятой просфоры за царя не приносить“, а молиться за него по Апостолу, т. е. безъ упоминанія его имени, какъ православные греки константинопольской церкви молятся за турецкаго султана. Ясно, что пропаганду такого рода ученій могутъ дозволить только враги Россіи, а не благожелательные законодатели.

Меньшинство членовъ нашей комиссіи, защищая думскій законопроектъ о старообрядческихъ общинахъ, увѣряетъ насъ, что никакой законъ не остановитъ старообрядческой пропаганды: „все равно она будетъ существовать“. Но въ такомъ случаѣ уничтожьте всѣ уголовные законы о разбояхъ, грабительствахъ, убійствахъ. Все равно и они будутъ существовать...

Защитники думскаго законопроекта указываютъ на то, что старообрядцы не могутъ быть лишены права вести пропаганду чрезъ свои сочиненія, книги, журналы, газеты. Правда. Но эта пропаганда для государства не можетъ быть особенно вредною, потому что правительство имѣетъ возможность слѣдить за нею: у него есть наблюдательные комитеты, инспектора печати. Иное дѣло устная пропаганда: полицейскаго чиновника правительство не можетъ приставить къ каждому старообрядческому пропагандисту для неотступнаго наблюденія за нимъ!..

Меньшинство нашей комиссіи указываетъ на миссіонерскія собесѣдованія, которыми старообрядцы могутъ пользоваться какъ средствомъ пропаганды. Пусть пользуются. На такихъ собесѣдованіяхъ всегда присутствуетъ представитель Церкви—миссіонеръ или священникъ,—и онъ съумѣетъ своевременно предупредить слушателей отъ лжи и заблужденія. Я самъ былъ миссіонеромъ; я самъ провелъ много публичныхъ собесѣдованій, —и могу свидѣтельствовать, что они приносятъ русскому народу большую пользу, укрѣпляя православныхъ въ истинѣ ихъ вѣры и разоблачая ложь расколо-сектантства. Но если вы дадите право пропаганды старообрядцамъ,—миссіонерскія собесѣдованія утратятъ свой смыслъ и значеніе: старообрядческіе агитаторы не будутъ на нихъ показываться; они предпочтутъ безирептственно таскаться по глухимъ селамъ и хуторамъ, совращая тѣхъ,

которые безсильны защищать свою вѣру и свои религіозныя убѣжденія.

Меньшинство нашей комиссіи готово ограничить старообрядческую пропаганду просвѣтительными и благотворительными учрежденіями, т. е. школами, больницами, пріютами и богадѣльнями... Но развѣ злоупотребленіе перестанетъ быть зломъ отъ того, что оно будетъ совершаться въ школѣ, а не на улицѣ? Припомните слова Христа о томъ, какой тяжкій грѣхъ беретъ на свою душу соблазнитель дѣтей. Іоанниты устроили въ Петербургѣ дѣтскій пріютъ. Какое, по-видимому, благотворительное учрежденіе! А между тѣмъ правительство вынуждено было его закрыть, ибо, въ дѣйствительности, пріютъ этотъ оказался вертепомъ разврата...

Насъ упрекаютъ въ томъ, будто, не представляя старообрядцамъ права пропаганды, мы этимъ стѣсняемъ свободу ихъ религіозной совѣсти. Это клевета и неправда. Данія, Швеція, Норвегія, Греція, Испанія, Португалія, Сербія, Болгарія и Румынія уже достаточно успѣли доказать всему міру, что можно пользоваться полною свободою вѣры и богомоленій безъ права пропаганды. Въ дѣйствительности мы, напротивъ, только укрѣпляемъ, по волѣ Государя, начала вѣротерпимости. Мы не отвергаемъ проповѣди и религіозныхъ собесѣдованій, какъ составной части старообрядческаго богослуженія. Мы говоримъ только старообрядческимъ ревнителямъ: „не ходите съ проповѣдію своего ученія по улицамъ и площадямъ; не гоняйтесь за совращеніемъ чужихъ. Оставайтесь въ своихъ молельняхъ и, если вы считаете свое ученіе истиннымъ, проповѣдуйте его и укрѣпляйте въ немъ своихъ единовѣрцевъ. Мы вамъ мѣшать не будемъ; но не производите соблазна и вы среди тѣхъ людей, которые не признаютъ вашего ученія истиннымъ“.

Вотъ тѣ основанія, по которымъ я признаю совершенно нецѣлесообразнымъ предоставленіе старообрядцамъ права пропаганды и всецѣло присоединяюсь къ законопроекту, представленному на ваше уваженіе особою комиссіею Государственнаго Совѣта.

(Окончаніе будетъ).

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Годи́чный актъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ.

10-го сего іюня, въ четвергъ, въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ состоялся выпускъ окончившихъ курсъ ученія въ 1909—1910-мъ учебномъ году воспитаницъ двухъ 6-хъ классовъ и 7-го дополнительнаго педагогическаго класса. Наканунѣ по сему случаю въ училищномъ храмѣ было совершено всенощное бдѣніе, а въ день выпуска Божественная литургія, которую служили: о. предсѣдатель Совѣта, прот. Н. Стеллецкій, законоучитель Училища, прот. Н. Любарскій и свящ. М. Клячный. Во время литургіи въ Училище изволилъ прибыть Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій. Встрѣченный при входѣ Г-жей Начальницей Училища, Е. Н. Гейцыгъ, о. инспекторомъ классовъ, прот. І. Котовымъ, и членомъ Совѣта, свящ. Н. Липскимъ, Его Высокопреосвященство направился въ церковь, при входѣ въ алтарь преподалъ благословеніе всѣмъ молящимся и стоялъ въ алтарѣ до окончанія литургіи. вмѣсто причастнаго стиха о. инспекторомъ классовъ, прот. І. Котовымъ, выпускнымъ воспитаницамъ было сказано теплое и назидательное напутственное слово на текстъ изъ евангелія Маттея (VII, 24—25). По окончаніи литургіи Его Высокопреосвященство изволилъ совершить благодарственный Господу Богу молебенъ, въ которомъ участвовали: о. Ректоръ Семинаріи, прот. А. Юшковъ, о. Предсѣдатель Совѣта, прот. Н. Стеллецкій, о. ключарь Собора, прот. І. Гончаревскій, о. инспекторъ классовъ прот. І. Котовъ, законоучитель, прот. Н. Любарскій, членъ Совѣта, свящ. Н. Липскій, членъ Совѣта, свящ. П. Тимоеевъ и нѣкоторые родители окончившихъ курсъ воспитаницъ. Въ концѣ молебна о. протодіакономъ было возглашено обычное многолѣтіе, а также „Начальствующимъ, учащимъ и учащимся“. Какъ за литургіей, такъ и во время молебна умирительно и стройно были исполнены положенныя пѣнопѣнія выпускными воспитаницами подъ управленіемъ преподавателя пѣнія, свящ. о. І. Петровскаго.

По окончаніи Богослуженія и нѣкотораго промежутка времени, въ который былъ предложенъ чай всѣмъ служащимъ въ квартирѣ Начальницы Училища, въ залѣ Училища состоялся годи́чный актъ. Актъ почтилъ своимъ присутствіемъ Его Высокопреосвященство, Вы-

сокопреосвященнѣйшій Арсеній, благостный покровитель Училища. На актѣ были многія почетныя лица изъ духовенства г. Харькова, а также родители и родственники воспитанницъ Училища. При входѣ въ залъ Владыки воспитанницы произѣли молитву „Царю Небесный“, послѣ которой съ благословенія Его Высокопреосвященства членомъ-дѣлопроизводителемъ Совѣта, свящ. Н. Липскимъ, былъ прочтанъ краткій отчетъ о состояніи Училища за 1909—1910-й учебный годъ.

Изъ отчета видно, что 1) въ 1909—1910-мъ учебномъ году Совѣтъ Училища составляли: а) Предсѣдатель Совѣта, профессоръ Богословія въ Императорскомъ Харьков. Университетѣ, протоіерей Николай Стеллецкій, б) Начальница Училища, окончившая курсъ въ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ, дворянка дѣвица Евгенія Н. Гейцыгъ, в) Инспекторъ классовъ, кандидатъ Богословія, протоіерей Іоаннъ Котовъ, г) Члены Совѣта отъ духовенства: священникъ Павелъ Грома, священникъ Николай Липскій (онъ-же и дѣлопроизводитель), священникъ Павелъ Тимофеевъ и священникъ Іоаннъ Петровскій (онъ-же и казначей), Почетная Попечительница Училища, жена д. с. с. Дарія Діевна Оболенская и е) почетный блюститель по хозяйственной части училища, потомственный почетный гражданинъ Николай Іосифовичъ Ленцинскій.

2) Въ отчетномъ году въ Училищѣ было: 6 нормальныхъ классовъ и 6 параллельныхъ отдѣленій, одинъ 7-й дополнительный педагогическій классъ и одна образцовая церковно-приходская школа.

3) Учебный персоналъ состоялъ изъ 21 преподавателя, изъ 17-ти учительницъ, 15-ти старшихъ воспитательницъ, 11 младшихъ воспитательницъ и 1-ной учительницы Образцовой церковно-приходской школы.

4) Резолюціею Его Высокопреосвященства, послѣдовавшею на докладѣ Совѣта отъ 28-го мая 1909 года за № 33, приготовительный классъ (оба отдѣленія) закрытъ, о чемъ и было оповѣщено Харьковское духовенство чрезъ о.о. благочинныхъ, а потому и пріемъ въ этомъ году дѣвицъ, вновь поступающихъ, не было, за исключеніемъ VII-го дополнительнаго класса, въ каковой въ сентябрѣ мѣсяцѣ поступило изъ окончившихъ курсъ VI класса—29 дѣвицъ.

Вслѣдствіе этого 1909—1910 учебный годъ начался при 634 воспитанницахъ. Въ теченіи 1909—1910 учебнаго года пріемъ вновь поступающихъ въ Училище дѣвицъ не было. Въ отчетномъ учебномъ году выбыло изъ Училища по разнымъ причинамъ 16 воспитанницъ. А вслѣдствіе этого къ началу годовыхъ испытаній всѣхъ воспитанницъ въ Училищѣ числилось 618.

5) Послѣ годичныхъ испытаній, произведенныхъ въ мѣѣ и іюнѣ мѣсяцахъ настоящаго года, по постановленію Училищнаго Совѣта отъ 3 и 5 іюня н. г., удостоены перевода въ слѣдующіе классы 398. Оставлены въ тѣхъ-же классахъ на повторительный курсъ по просьбамъ родителей и по малоуспѣшности 37 воспитанницъ. 76-ти воспитанницамъ, не державшимъ экзаменовъ по уважительнымъ причинамъ, а равно какъ и получившимъ неудовлетворительныя отмѣтки по нѣкоторымъ предметамъ, дозволено подвергнуться переводному испытанію и передержкѣ экзаменовъ послѣ каникулъ. Уволены изъ Училища 2 воспитанницы: 1 за долговременную неявку и 1 по просьбѣ матери.

Окончили полный курсъ Училища въ двухъ отдѣленіяхъ VI класса 83 воспитанницы, которымъ на основаніи § 111 „Устава Епархіальныхъ Женскихъ Училищъ“, выдаются аттестаты съ званіемъ домашнихъ учительницъ.

Окончили въ VII дополнительномъ педагогическомъ классѣ 28 воспитанницъ, которымъ, на основаніи Высочайше утвержденаго „положенія о сихъ классахъ“, выдаются свидѣтельства.

6) Изъ числа переведенныхъ изъ младшихъ въ старшіе классы и окончившихъ курсъ воспитанницъ за отличные успѣхи и благопріятіе, по опредѣленію Совѣта, съ утвержденія Его Высокопреосвященствомъ, удостоены награжденія похвальными листами и книгами 87 воспитанницъ. Изъ таковыхъ воспитанницъ въ VI норм. классѣ получили: 1) Василевская Валентина, Васильковская Александра, Иванова Екатерина, Пантелеимонова Евлампія, 5) Сапухина Зинаида, Стахевичъ Нина и Филевская Вѣра; въ 6 парал. кл.—1) Власова Елена, Власовская Елисавета, Горлова Елена, Кличнова Лидія, 5) Кудрявцева Валентина, Лядская Марія, Таранъ Пелагія, Теренко Елена, Филиповичъ Нина, 10) Черняева Александра, Юшкова Вѣра и Ѳедорова Анна; въ 7-мъ классѣ—1) Букасова Татіана, Венедиктова Наталья, Веселовская Александра, Знаменская Вѣра, 5) Ковалевская 2-я Раиса, Крутьева Вѣра, Наумова Анастасія, Розова Марія, Стрѣльцова Антонина, 10) Третьякова Екатерина, Торанская Евгенія и Чернявская Евгепія. Сверхъ сего воспитанницы—1) Васильковская Александра, Лонгинова Марія, Сапухина Зинаида, Стахевичъ Нина, 5) Власова Елена, Гладкова Надежда, Ковалева Евлампія, Черняева Елисавета, Юшкова Вѣра, 10) Яковлева Лидія, Венедиктова Наталья, Розова Марія за отличные успѣхи по музыкѣ и пѣнію награждены нотами.

Послѣ чтенія отчета окончившимъ курсъ ученія воспитанни-

цамъ въ числѣ 83 были розданы аттестаты и награды, а окончившимъ курсъ 7-го дополнительнаго педагогическаго класса въ числѣ 28—свидѣтельства и награды, при чемъ каждая воспитанница подходила подъ благословеніе Владыки и изъ его рукъ получала Евангеліе съ собственноручною подписью Владыки и молитвенникъ. По окончаніи раздачи аттестатовъ и наградъ одна изъ воспитанницъ 7-го педагогическаго класса—Крутьева Вѣра обратилась къ Его Высокопреосвященству съ слѣдующею рѣчью: „Ваше Высокопреосвященство, Высокочтимѣйшій Владыко! Насталъ послѣдній день или вѣрнѣе послѣдній часъ нашего пребыванія въ стѣнахъ дорогаго Училища. Предъ нами открывается новая жизнь, въ которую мы вступаемъ съ нѣкоторой тревогой и даже боязнью. „Что будетъ съ нами“?—„Что ждетъ насъ?“—Задаеть себѣ вопросъ каждая изъ насъ: „будетъ-ли тамъ такъ тепло и привольно, какъ жилось до сихъ поръ въ этомъ заведеніи, главнымъ и мудрымъ руководителемъ котораго состоите Вы, Высокопреосвященнѣйшій Владыка. Ваши заботы о насъ, Ваше отеческое отношеніе мы испытывали въ продолженіе всего своего пребыванія здѣсь, но особенно почувствовали его въ 7-мъ классѣ. Неоднократно посѣщая Училище, Вы всегда заходили къ намъ, подробно спрашивали, интересовались и постановкой дѣла въ этомъ новомъ классѣ и нашими занятіями и нашимъ развитіемъ, давая при этомъ мудрыя наставленія и цѣнныя указанія. Такое милостивое отношеніе къ намъ благотворно отражалось на насъ: мы съ большей охотой и неизсякаемой энергіей принимались за дѣло, возбуждаемыя Вашимъ живѣйшимъ участіемъ, поощряемыя Вашими похвалами. Но не этимъ только ограничилось Ваше милостивое отношеніе къ намъ. Мы знаемъ, что только благодаря Вамъ, Вашимъ щедрымъ пожертвованіямъ нѣкоторыя изъ насъ получили здѣсь свое образованіе и имѣли возможность закончить его въ 7-мъ дополнительномъ классѣ. Низко кланяемся Вамъ, Владыко, за все это и сердечно благодаримъ. Пусть Господь Богъ продлитъ Ваму драгоцѣнную жизнь еще на многіе годы, чтобы и слѣдующія за нами воспитанницы имѣли-бы возможность пользоваться Вашими попеченіями. Теперь-же, Владыко, мы просимъ Вашего напутственнаго благословенія, вѣруя, что оно принесетъ намъ счастье въ открывающейся предъ нами новой жизни. Благословите-же Ваше Высокопреосвященство!“

Въ отвѣтъ на эту рѣчь дѣвицы Крутьевой Высокопреосвященный Арсеній сказалъ окончившимъ курсъ ученія воспитанницамъ глубоко-трогательныя, назидательныя слова, въ которыхъ выразилъ

ту мысль, что Училище дало имъ хорошее образованіе и прекрасное воспитаніе, подготовило къ жизни. „Благодаря ученію, сказалъ Владыка, Вы сдѣлали себѣ прочный фундаментъ, остерегайтесь только, чтобы этотъ фундаментъ не сдѣлался шаткимъ, чтобы жизнь не испортила Васъ. Будьте вѣрны, тверды въ томъ, что дало Вамъ воспитаніе, убѣгайте соблазна, сторонитесь тѣхъ, которые могутъ смутить Ваши молодыя души, такъ или иначе дурно повліять на Васъ“...

Свое напутствіе Владыка закончилъ благословеніемъ. Каждая воспитанница получила отъ Архипастыря серебряный крестикъ.

Актъ закончился пѣніемъ „Достойно есть“ и „Боже, Царя Храни“, послѣ чего всѣ присутствующіе перешли въ другой залъ, гдѣ воспитанницамъ, учащимъ и родителямъ воспитанницъ, по установившемуся обычаю, былъ предложенъ отъ Училища хлѣбъ—соль. За обѣдомъ о. Предсѣдатель Совѣта провозгласилъ здравицу за Высокаго Покровителя Училища, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, такъ благостно и отечески относящагося къ Училищу и изволившаго въ этотъ знаменательный для Училища день раздѣлить хлѣбъ—соль вмѣстѣ съ корпораціей Училища и воспитанницами, окончившими ученіе. Всѣми присутствующими тоекратно было прогнѣто Владыкѣ „многая лѣта“. Въ отвѣтъ на это Владыка произнесъ здравицу за дорогое Училище и дальнѣйшее его процвѣтаніе, за Начальствующихъ въ немъ—о. Предсѣдателя Совѣта, г-жу Начальницу, о. инспектора классовъ, членовъ Совѣта, всѣхъ учащихся и воспитывающихъ и окончившихъ курсъ въ училищѣ въ семь году воспитанницъ.. Обѣдъ закончился пѣніемъ воспитанницами молитвы: „Благодаримъ Тя, Христе Боже нашъ“... послѣ чего Его Высокопреосвященство, напутствуемый пѣніемъ воспитанницъ „Ис-полла-эти, деспота“, отбылъ изъ Училища, а воспитанницы вмѣстѣ съ родителями стали разъѣзжаться домой, выражая благодарность начальствующимъ въ Училищѣ лицамъ за доставленное въ Училищѣ имъ воспитаніе и обученіе и за всѣ ихъ труды и заботы о нихъ.

Инспекторъ классовъ, *протоіерей Іоаннъ Котовъ*.

1910 года, Іюня 12 дня.

Прощаніе окончившихъ въ текущемъ году курсъ Харьковской Духовной Семинаріи съ Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Арсеніемъ.

10-го іюня текущаго года, послѣ своего послѣдняго экзамена, воспитанники Харьковской Духовной Семинаріи, окончившіе курсъ

и уходящіе навсегда изъ своей alma mater, пожелали явиться въ полномъ составѣ къ своему Архипастырю, Высокопреосвященнѣйшему Арсенію. Въ количествѣ 36 человекъ окончившіе курсъ прибыли къ 1 ч. дня въ пріемную архіерейскихъ покоевъ въ Покровскомъ монастырѣ, въ сопровожденіи г. инспектора Семинаріи Н. Н. Страхова. Въ 1½ ч. дня прибылъ Владыка, присутствовавшій въ тотъ день на актѣ въ Епархіальномъ Женскомъ Учлищѣ. Въ пріемной Его Высокопреосвященство было встрѣченъ пѣніемъ „ис-полла эти, деспота“, послѣ чего окончившіе курсъ были приглашены въ гостиную, гдѣ и были милостиво приняты Владыкой. Въ сопровожденіи ректора Семинаріи, протоіерея о. Алексѣя Юшкова, Его Высокопреосвященство позволилъ выйти къ воспитанникамъ и обратился къ нимъ приблизительно съ такими словами:

„Поздравляю васъ, возлюбленные юноши, съ окончаніемъ учебнаго курса. Благодареніе Богу, окончили вы его очень успѣшно, усердно и прилежно занимаясь, въ чемъ я убѣдился, бывая у васъ на экзаменахъ. Я не стану убѣждать и принуждать васъ всѣхъ безъ исключенія идти на поприще пастырскаго служенія. Пусть каждый изъ васъ избраетъ то, къ чему онъ болѣе способенъ, чего желаетъ, къ чему имѣетъ призваніе. Но я не могу не пожелать, и притомъ горячо пожелать, чтобы большинство изъ васъ посвятило себя на служеніе Святой Матери нашей Церкви и, главнымъ образомъ, окончившіе студентами. Къ крайнему же прискорбію моему, въ настоящее время наблюдается такого рода явленіе, что во іереи идутъ только средніе ученики и худшіе, что иногда ведетъ за собою довольно печальные результаты. Не то было въ наше время, когда пастырскому служенію посвящали себя чуть-ли не всѣ окончившіе Семинарію, не исключая и академиковъ, первымъ примѣромъ чего являюсь я самъ. А это вело къ тому, что Церковь Православная была сильна и количественно и качественно, и твердо отражала всѣ козни и нападенія враговъ христіанства и православія. Исполните же, возлюбленные юноши, мое желаніе: это будетъ для меня лучшимъ утѣшеніемъ.

Господь васъ благословитъ!“

Послѣ архипастырскаго слова, выслушаннаго окончившими воспитанниками съ глубокимъ и благоговѣйнымъ вниманіемъ, Владыка соизволилъ благословить каждого окончившаго натѣльнымъ крестомъ и Св. Евангеліемъ, пожелавъ при этомъ, чтобы всѣ они читали по возможности чаще слово Божіе и проводили начала послѣдняго во всей своей дальнѣйшей жизни.

Затѣмъ, съ разрѣшенія и благословенія Его Высокопреосвященства, однимъ изъ окончившихъ Семинарію воспитанниковъ (Н. Црковницкимъ) была произнесена рѣчь слѣдующаго содержанія:

„Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, Милостивый Архипастырѣ нашъ и отецъ.

Позвольте намъ въ эту минуту разставанія обратиться къ Вамъ съ краткимъ словомъ, чуждымъ всякихъ риторическихъ фразъ, всякой фальши и лицемерія, но непосредственно продиктованнымъ молодымъ искреннимъ чувствомъ. Сегодня для насъ, Ваше Высокопреосвященство, весьма знаменательный день: сегодня мы окончили курсъ наукъ Духовной Семинаріи. Первою мыслию нашею было-вознести въ душѣ своей горячее моленіе Тому, Кто направляетъ стопы человека, ведетъ его по многотрудному пути жизни, кто и насъ сподобилъ благополучно окончить теченіе семинарскаго курса. Другою же нашею мыслию было—предстать предъ очи нашего досточтимаго Архипастыря, подъ благодѣтельнымъ покровительствомъ и милостивымъ вниманіемъ котораго провели мы шесть лѣтъ, неоднократно посѣщаемые, неоднократно наставляемые архипастырскимъ словомъ и благословляемые святительскимъ благословеніемъ. Въ эти минуты передъ нашими глазами невольно проходятъ тѣ дни, когда мы имѣли счастье видѣть Васъ, Ваше Высокопреосвященство, въ стѣнахъ нашей alma mater. Мы не можемъ безъ глубокаго сердечнаго волненія вспомнить величественныя и благолѣпныя богослуженія Ваши въ высокаторжественный день нашего храмоваго праздника, въ день памяти Св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова. Масса любящаго Васъ народа наполняла храмъ, тѣснымъ кольцомъ окружая своего Архипастыря и отца, а Вы, Ваше Высокопреосвященство, читали на молебнѣ своимъ трогательнымъ, задушевымъ голосомъ Святое Евангеліе, исторгая слезы умиленія изъ глазъ своей вѣрной паствы. Мы отчетливо вспоминаемъ теперь любвеобильныя, мудрыя наставленія Ваши, съ которыми обращались Вы, Ваше Высокопреосвященство, къ намъ и въ другіе дни посѣщеній Семинаріи. Словно маститый отецъ среди любящихъ и преданныхъ чадъ, Вы, среди глубокаго молчанія, наставляли насъ мудрому хожденію по путямъ Божиимъ, указывали, въ чемъ заключается „воля Божія, благая, угодная и совершенная“, учили насъ, какъ слѣдуетъ христіанину „благочестно жити“. А на экзаменахъ у насъ, въ VI классѣ, Вы, Ваше Высокопреосвященство, милостиво дѣлились съ нами плодами Вашего многолѣтняго и мудраго опыта, пополняя наши познанія часто важными свѣдѣніями. Не можетъ забыть наше благодарное сердце и Вашихъ заботъ о нашемъ матеріальномъ по-

ложеиъ, Вашего теплаго участія въ судьбѣ „Общества вспоможенія нуждающимся воспитанникамъ“. Десятки, а, можетъ быть, и сотни сырыхъ и бѣдныхъ благословляютъ и будутъ благословлять за это Ваше имя, вознося къ Господу горячія моленія о здравіи и благоденствіи маститаго Владыки и Архипастыря.

И вотъ настаетъ теперь для многихъ изъ насъ минута въ послѣдній разъ сказать Вамъ глубокое, сердечное спасибо, въ послѣдній разъ облобызать Вашу благословляющую десницу. Тяжело, Ваше Высокопреосвященство, это разставаніе, тяжело въ особенности потому, что за шесть лѣтъ нашего пребыванія въ Харьковской Духовной Семинаріи мы успѣли привыкнуть къ Вамъ, привязаться горячимъ молодымъ сердцемъ, пылкой юношескою душою. Но многихъ изъ насъ утѣшаетъ то, что не навсегда они расстаются съ Вами, Ваше Высокопреосвященство, а идутъ или на подвигъ пастырскаго служенія или вообще на служеніе Церкви, оставаясь такимъ образомъ подъ Вашимъ мудрымъ водительствомъ. А въ сердцахъ всѣхъ остальныхъ будетъ вѣчно горѣть неугасимой лампадою теплое воспоминаніе о маститомъ Архипастырѣ Харьковскомъ, „право правящемъ слово истины“.

Ваше Высокопреосвященство! быть можетъ, бывали такіе дни и минуты, когда мы чѣмъ нибудь и оскорбили, обидѣли Васъ. Не помяните же, Владыко Святый, въ эти минуты разставанія вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеній нашихъ, простите и благословите насъ на многотрудный и далекій путь жизни своимъ святительскимъ благословеніемъ“.

Послѣ этого Владыка сказалъ еще нѣсколько словъ, въ которыхъ еще разъ коснулся отличныхъ успѣховъ и поведенія воспитанниковъ VI класса въ текущемъ учебномъ году, причемъ провелъ ту мысль, что вообще съ переходомъ въ старшіе классы семинаристъ словно перерождается, дѣлается серьезнымъ и отличается похвальнымъ поведеніемъ. Затѣмъ Владыка благословилъ благоговѣнно склонившихся юношей со словами: „Благословляю, васъ, возлюбленные чада, на грядущую жизнь“.

Необыкновенно трогательна и глубоко-умилительна была та картина, когда молодья, юношескія головы благоговѣнно склонились предъ маститымъ старцемъ-Владыкою, отечески благословлявшимъ ихъ на далекій, туманный, мало кому вѣдомый путь жизни. Пройдутъ долгіе годы, но воспитанники Харьковской Духовной Семинаріи выпуска 1910 г. никогда не забудутъ той незабвенной минуты, когда они прощались со своимъ любимымъ Архипастыремъ.

Сообщилъ студентъ Семинаріи *Н. Церковничій*.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Пастырское посланіе Преосвященнаго Серафима,
Епископа Полоцкаго и Витебскаго.

(Окончаніе) *).

Итакъ, въ какихъ же словахъ, обычаяхъ и поступкахъ Преподобной Евфросиніи явилъ Господь Свое спасеніе и Свою праведность предъ очами народовъ?

Прежде всего благочестивая княжна по своей врожденной добротѣ возлюбила св. Писаніе и духовныя книги и большую часть отроческаго возраста употребила на прочтеніе этихъ спасительныхъ писемъ, повѣствующихъ о дѣлахъ и мысляхъ Творца неба и земли и наставляющихъ на путь вѣчной блаженной жизни. Радя прилежанія и любви ко всему доброму и честному дивная княжна Предслава ясно уразумѣла сокровенную въ писаніяхъ Божію истину и чрезъ это сдѣлалась способною все оцѣнивать съ точки зрѣнія жизни и ученія Христова и пошла къ Богу издревле установленными спасительными путями—трудомъ, молитвою, постомъ, смиреніемъ, послушаніемъ, воздержаніемъ и служеніемъ духовнымъ и тѣлеснымъ нуждамъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, близкихъ и далекихъ. Вслѣдствіе такого поведенія, упражненія и житія въ доброй душѣ княжны Предславы мало по малу развились, окрѣпли и утвердились тѣ чувства и влеченія, которыя составляютъ знаменіе пребыванія Святаго Духа въ душахъ человѣческихъ, именно—святая любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, кротость и воздержаніе отъ грѣховныхъ утѣхъ и забавъ (Гал. V, 22).

Восходя въ этихъ святыхъ чувствахъ и дѣлахъ отъ силы въ силу, юная княжна дошла до такого праведнаго настроенія, когда все блага міра становятся равноцѣнными ненужному сору и рождается неудержимое влеченіе въ совершенствѣ исполнить слово Спасителя—„Иже хочетъ по Мнѣ идти, да отвержется себя и возьметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ.“ Въ данномъ случаѣ крестомъ для благочестивой княжны была разлука съ богатыми родными, но она не остановилась предъ взятіемъ этого креста и мужественно оставила княжій домъ отца своего, чтобы въ бѣдности всецѣло безъ всякихъ мірскихъ препятствій и заботъ работать Всеправедному Богу со страхомъ и радоваться предъ Нимъ святою радостью.

*) См. ж. „В. и Р.“, отд. Извѣстій и Замятокъ № 11 за 1910 г.

Это благодатное настроеніе дѣвственная княжна выразила въ томъ, что предъ многими свидѣтелями отеклась отъ удовольствій княжескаго быта и постриглась во святой монашескій образъ съ именемъ Ефросиніи.

Какой же смыслъ и значеніе имѣлъ этотъ важный шагъ въ жизни Преподобной? Почему это было нужно и насколько это было спасительно для нея и для всѣхъ, видѣвшихъ и слышавшихъ праведное житіе этой боголюбивой княжны?

Истинное монашество есть совершенное отреченіе отъ міра, т. е. отъ двухъ чарующихъ и пагубныхъ боговъ общественной жизни—корыстолюбія и честолюбія, или, точнѣе говоря, отреченіе отъ своего себялюбиваго грѣховнаго человѣческаго я, поклоненіе и служеніе которому состоитъ въ томъ, что люди безжалостно обираютъ (эксплоатируютъ) другъ друга и низкимъ образомъ рабствуютъ предъ силою и богатствомъ. Принявъ монашество, благочестивая княжна тѣмъ самымъ показала, что она не считаетъ полезнымъ и почетнымъ преклонять свои колѣна предъ этими прелестными, но злыми богами, и всѣмъ своимъ дальнѣйшимъ подвижническимъ, праведнымъ житіемъ явила въ себѣ для тысячъ мірскихъ людей сильное спасительное обличеніе и вразумленіе, дѣйствующее на колеблющихся въ добродѣтели умѣряющимъ, отрезвляющимъ и ободряющимъ образомъ. Добродѣтельная княжна ушла изъ міра, чтобы научить и міряне презирать суету мірскую. Она ушла изъ міра, но міряне вскорѣ сами шли къ ней, чтобы искать ея совѣта, поученія и благословенія. Она стала въ обществѣ своихъ современниковъ пророчицею, т. е. нелюбимой, неподкупной и безбоязненной обличительницею людскихъ слабостей и пороковъ. Свобода отъ мірскихъ отношеній и нуждъ сдѣлала ее совершенно безстрашной предъ сильными и богатыми, и она смѣло и благожелательно обличала неправду и беззаконіе разныхъ притѣснителей и обирателей бѣднаго люда. Не имѣя нужды въ имѣніяхъ, Преподобная приносимыя ей богатства передавала въ руки бѣдняковъ и такимъ образомъ являла изъ себя въ этой прекрасной роли передатчицы богатствъ величайшей важности общественный органъ, разрѣшающій наилучшимъ, богоустановленнымъ образомъ проблему объ уравновѣщеніи въ мірѣ богатства и бѣдности. Вслѣдствіе ограниченности своихъ нуждъ, Преподобная оказалась въ состояніи благотворить трудами своего руководлія. Вслѣдствіе превосходства въ начитанности св. Писаній сравнительно съ малограмотнымъ большинствомъ тогдашнихъ бѣдныхъ приходскихъ священниковъ эта

благочестивая игуменія явилась не только учительницею монастырскихъ дѣвственницъ, но и огромнаго большинства вѣрующихъ, добрыхъ мірянъ. Любящая, сострадательная, благостная и милосердная душа этой Дѣвственницы хотѣла видѣть повсюду счастье на землѣ, чтобы люди и въ Полоцкѣ, и въ другихъ княжествахъ жили въ мирѣ, въ дружбѣ, въ довольствѣ и радости; поэтому всѣ средства и преимущества своего княжескаго происхожденія и высокаго званія всѣми почитаемой игуменіи Преподобная употребляла съ великимъ усердіемъ на прекращеніе вражды и созиданіе мира. Наконецъ, ясно сознавая огромную духовную пользу отъ знакомства съ св. Писаніемъ и богослужебными книгами, она усиленно занималась распространеніемъ этихъ книгъ и созиданіемъ благолѣпныхъ храмовъ.

Въ такихъ то благихъ словахъ и дѣлахъ явилъ Господь въ лицѣ Преподобной Евфросиніи Свое спасеніе и праведность предъ очами ея современниковъ. А благодѣтельное вліяніе этого спасительнаго житія Преподобной отразилось не только на ея современникахъ, но и на отдаленныхъ потомкахъ. Ибо, подобно тому, какъ грѣхи нечестивыхъ губительно отражаются на склонныхъ къ беззаконію, такъ и праведность одного возбуждаетъ стремленіе къ богоугодной жизни во вѣхъ любителяхъ добродѣтели. Вслѣдствіе этого Преподобная, хотя и уснула смертнымъ сномъ, однако не престаётъ производить на вѣрующихъ животворящее вліяніе силою своихъ добрыхъ дѣлъ и священныхъ учрежденій. Посредствомъ своей лучезарной праведности и основанныхъ монастырей и храмовъ она свѣтитъ многострадальнымъ бѣлоруссамъ и путеводитъ ихъ въ обители Отца Небеснаго. Такимъ образомъ въ нынѣшнихъ свѣтлыхъ торжествахъ перенесенія ея святыхъ мощей всѣ концы земли воистину видятъ спасеніе Бога нашего.

Что же намъ нужно дѣлать, чтобы приобщиться этому спасенію? Великій служитель Христа всехвальнѣйшій апостолъ Павелъ говорилъ своимъ ученикамъ: „умоляю Васъ, подражайте мнѣ, какъ я Христу“ (I Кор. IV, 16). Такъ и святая Евфросинія всѣмъ своимъ житіемъ и своими достопоклоняемыми мощами говоритъ намъ: „подражайте мнѣ, какъ я подражаю всехвальному апостолу Павлу“. Въ чемъ же должно проявляться наше подражаніе Преподобной и ея ближайшему наставнику первоверховному апостолу Павлу? Любила Преподобная читать и поучаться въ св. Писаніяхъ и церковныхъ книгахъ; и ты поставь себѣ въ непремѣнную обязанность хоть разъ въ теченіе года прочесть св. Евангеліе, посланія св. Апостола и добрую руководительницу въ молитвѣ и благочестіи

священную псалтырь боговдохновеннаго царя Давида. Преподобная княжна любила рукодѣліе, молитву и воздержаніе; и ты, чтобы принять участіе въ ея небесной радости, упражняйся въ этихъ занятіяхъ, сдѣлай ихъ своими постоянными привычками и находи въ нихъ высшую на землѣ усладу. Святая Евфросинія познала блаженство смиренія, кротости и желанія праведности и милосердія къ бѣднымъ; и ты развивай въ душѣ своей эти спасительныя качества, чтобы вмѣстѣ съ этою праведницею царствовать въ будущемъ вѣкѣ. Постояннымъ устремленіемъ ума своего на дѣла и вещи благія и божественныя, трудолюбивая княжна очистила свое сердце отъ грѣховныхъ помысловъ и желаній и такимъ образомъ стала способною вмѣстѣ со св. Ангелами созерцать безконечно сладостную красоту лица Отца Небеснаго. И ты, чтобы вкусить вмѣстѣ съ Преподобной этой славы, очищай свое сердце, свое сознаніе отъ всего того, что его оскверняетъ и помрачаетъ, т. е. отъ злыхъ помысловъ, отъ зависти, отъ безстыдныхъ плотскихъ вождѣленій, отъ лжесвидѣтельства и хуленій (злыхъ пересудовъ). Преподобная княжна не только не присвоивала себѣ чужого и не вредила близкимъ, но и дѣлилась съ ними своимъ собственнымъ имуществомъ, помогала имъ въ нуждахъ тѣлесныхъ и нравственныхъ и, наконецъ, возлюбила православныхъ, какъ самое себя, и считала все свое принадлежащимъ себѣ въ равной мѣрѣ съ ближними. И ты не дѣлай себѣ боговъ изъ твоего богатства и почетнаго званія, не собирай богатства неправеднымъ способомъ, а подражай безсребренничеству и бѣдному житію святой княжны, чтобы подобно ей обогатиться нетлѣнными благами—животворящими дарами вѣчно блаженнаго Святаго Духа. Преподобная чрезъ добрыя дѣла свои стала свѣтлымъ животворящимъ лучемъ для современниковъ и потомства; и ты чрезъ подражаніе праведному житію ея старайся быть добрымъ примѣромъ для ближнихъ и дальнихъ.

Гдѣ же почерпнуть намъ силы для такого труднаго и спасительнаго подражанія Преподобной княжнѣ? Согласно своему обѣтованію наполнить вѣрующихъ во Христа дыханіемъ своего святаго животворящаго Духа, Богъ сохранилъ для насъ среди бурнаго, все-сокрушающагося потока временъ нетлѣннымъ тѣлесный составъ этой Своей угодницы. Ибо, какъ сосудъ, въ которомъ долго хранится благовонная масть, заимствуетъ отъ нея силу благоуханія,—такъ самое тѣло христіанина, въ которомъ постоянно обитаетъ благодатная сила Христова, проникается ею во всемъ составѣ своемъ и даже благоухаетъ ею для другихъ. И, поелику сила Христова нетлѣнна,

то естественно, что она, вселяясь (2 Кор. XII, 9) въ чловѣковъ, иже Христовы суть (Гал. V, 24), и тѣлесамъ ихъ сообщаетъ нетлѣніе: поелику сила Христова всемогуща, то съ естествомъ ея согласно и то, что она чрезъ нихъ чудодѣйствуетъ, когда это благоугодно Господу (Фил. М. М.—изъ слова о нетлѣніи св. мощей). Поэтому поистинѣ можетъ приходящій съ вѣрою къ мощамъ этой Божіей угодницы получить великія блага, ибо не только тѣла, но и самыя гробницы святыхъ исполнены духовной благодати. Богъ для того и оставилъ намъ мощи святыхъ, чтобы расположить насъ къ подобной же ревности и дать намъ надежное прибѣжище и утѣшеніе въ бѣдствіяхъ, постоянно постигающихъ насъ. Посему я убѣждаю всѣхъ васъ—находится ли кто въ уныніи, или въ болѣзняхъ, или въ скорбяхъ, или въ какомъ-либо другомъ житейскомъ несчастіи, или въ глубинѣ грѣховъ,—пусть съ вѣрою приходитъ къ гробницѣ Преподобной Евфросиніи, и онъ избавится отъ всего этого и возвратится съ великою радостію, получивъ облегченіе совѣсти отъ одного даже взгляда на сіи мощи. Впрочемъ, не однимъ только находящимся въ несчастіяхъ необходимо приходитъ въ храмъ Преподобной къ ея гробницѣ; но хотя бы кто находился въ счастіи, въ славѣ и во власти, или имѣлъ великое дерзновеніе къ Богу, и тотъ пусть не пренебрегаетъ этою пользою; ибо онъ, пришедши къ этой гробницѣ и увидѣвъ святую, сдѣлаетъ чрезъ воспоминаніе объ ея добродѣтеляхъ свои блага непреходящими, научить себя смиренію и не допустить своей совѣсти превозноситься своими добрыми дѣлами.

Итакъ, будемъ постоянно приходитъ къ Преподобной, будемъ прикасаться къ гробницѣ ея и съ вѣрою обнимать ея останки, дабы получить отъ нихъ нѣкоторое благословеніе. Аминь.

Необходимость внѣбогослужебныхъ бесѣдъ.

Донской Архіепископъ Владиміръ на одномъ изъ благочинническихъ отчетовъ положилъ слѣдующую резолюцію. „Изъ отчетовъ благочинныхъ усматриваю, что во многихъ приходахъ внѣбогослужебныя бесѣды не ведутся. Неужели обрѣтаются священники, кои не признаютъ необходимости во внѣбогослужебныхъ бесѣдахъ? Тогда нечему удивляться, если прихожане такихъ священниковъ будутъ посѣщать сектантскія бесѣды, устраиваемыя обычно сектаоучителями въ воскресные дни. Обязываю всѣхъ священниковъ вести внѣбогослужебныя бесѣды въ воскресные и праздничные дни въ школьныхъ зданіяхъ или въ храмѣ. О тѣхъ, кто не исполнитъ этой обязанности, благочинные пусть отмѣчаютъ въ своихъ отчетахъ“. (Дон. Е. В.)

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Къ двухсотлѣтію русскаго Выборга.

Выборгъ, поставленный когда то въ древне-русской Финляндіи передовымъ оплотомъ западнаго, шведскаго напора на русскій востокъ, сдался войскамъ Петра Великаго, чтобы стать „твердой подушкой“ для новой русской столицы, Петербурга.

Русскій Выборгъ 14 іюня торжественно праздновалъ этотъ знаменательный юбилей, а неутомимый М. М. Бородкинъ выпустилъ къ нему еще томъ своей исторіи Финляндіи—„Время Петра Великаго“.

Солидная книга—свыше трехсотъ страницъ, большого формата, съ массой рисунковъ, съ картами и планами—обладаетъ обычными достоинствами историческихъ трудовъ М. М. Бородкина. Она полна, точна, объективна— и потому является хорошимъ источникомъ надежныхъ свѣдѣній о первомъ, петровскомъ періодѣ возвращенія подъ русскую державу тѣхъ владѣній Великаго Новгорода, которыя были утрачены въ смутные періоды русской исторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ она хорошо написана,—читается легко и съ неослабнымъ интересомъ.

Хотя авторъ и военный человекъ,—какъ историкъ, онъ не выдвигаетъ на первый планъ описанія походовъ и сраженій. Его больше интересуетъ жизнь края, политическая, общественная и культурная. Но въ этомъ отношеніи его изслѣдованія представляютъ особый интересъ и для военныхъ людей. Понять исторію великой сѣверной войны, результатомъ которой Швеція потеряла свое великодержавное значеніе, а юная Россія поднялась на небывалую высоту, можно не по реляціямъ о военныхъ дѣйствіяхъ, о побѣдахъ и пораженіяхъ, но по изслѣдованію тѣхъ внутреннихъ сторонъ жизни народной и государственной, которыми обусловливаются побѣды однихъ и пораженія другихъ. Этимъ же и цѣнна новая книга М. М. Бородкина.

Широко использовавъ печатные матеріалы, русскіе, финляндскіе и шведскіе, авторъ много поработалъ и въ архивахъ. Оттуда онъ вынесъ на свѣтъ Божій массу интересныхъ и совершенно новыхъ свѣдѣній. Особенно богаты имъ главы VII—Побѣжденные и побѣдители, и VIII—Русское управленіе краемъ.

И нельзя не отмѣтить, что эти новые матеріалы представляютъ особый интересъ для русскихъ читателей. Они очищаютъ исторію

сѣверной войны отъ легкомысленныхъ и ложныхъ разсказовъ о жестокостяхъ русскихъ войскъ и темныхъ сторонахъ русскаго управленія краемъ,—вообще о русскомъ „варварствѣ“...

На дѣлѣ оказывается совсѣмъ не то.

Дисциплина въ русской арміи была образцовая. Мѣстныхъ жителей въ обиду не давали, а съ случайными обидчиками сурово расправлялись. Если по тогдашней системѣ „война питала войну“,—то поборы съ жителей взымались по шведскимъ раскладкамъ. Если, по военнымъ соображеніямъ, опустошали инныя мѣстности, то и въ этомъ отношеніи съ русской стороны не допускалось и отдаленнаго сходства съ тѣми жестокостями, которыми отличался польскій походъ Карла XII. Правовыя и культурныя учрежденія пользовались защитой русскихъ властей.

Рисунки оживляютъ текстъ. И какъ поучительно сличать виды шведскаго Выборга 1710 года съ нынѣшнимъ русскимъ Выборгомъ!

Тогда—нестройная куча деревянныхъ, большею частью одноэтажныхъ избъ.

Теперь—благоустроенный европейскій городъ съ красивыми многоэтажными зданіями, которыя и въ столицѣ не ударятъ лицомъ въ грязь.

Видно, что Россія относилась къ Финляндіи не по шведской системѣ! („Свѣтъ“). *Ив. Б—въ.*

Обращеніе въ редакцію члена Думы священника о. Н. Гепецкаго.

„Позволяю себѣ обратиться къ Вамъ, (М. Г.), съ слѣдующимъ. Газетныя сообщенія о положеніи въ Государственной Думѣ церковныхъ вопросовъ или далеко не достаточны, или весьма часто даже совершенно не вѣрны. Вопросы этого рода наша печать поднимаетъ лишь случайно—подъ вліяніемъ рѣчи того или иного оратора, произнесенной въ засѣданіи Государственной Думы. Нечего и говорить, конечно, что при такихъ условіяхъ члены православной церкви лишены возможности имѣть полное и цѣльное представленіе объ истинномъ характерѣ отношенія Государственной Думы къ церковнымъ вопросамъ. Между тѣмъ, болѣе чѣмъ необходимо, чтобы хотя пастыри церкви были бы въ полномъ курсѣ всего этого дѣла и знали бы не только о фактическомъ положеніи церковныхъ вопросовъ въ Думѣ, но и могли бы уразумѣть всѣ возможные послѣдствія для православной церкви того направленія дѣлъ, которое въ

достаточной степени уже опредѣлилось и, повидимому, все болѣе и болѣе крѣпнеть.

И вотъ, съ цѣлью систематически знакомить нашихъ собратьевъ съ положеніемъ церковныхъ вопросовъ въ Государственной Думѣ, съ характеромъ отношенія къ нимъ со стороны вліятельныхъ политическихъ группъ, мы, нѣсколько думскихъ священниковъ, рѣшили выступить на страницахъ „Земщины“ съ „письмами о Думѣ“ и съ отдѣльными статьями на вышеуказанную тему.

Полезно дѣла требуетъ того, чтобы, по возможности, всѣ священники читали наши сообщенія и тѣмъ самымъ проникались сознаниемъ особой серьезности текущаго момента, когда всѣ пастыри церкви, какъ одинъ человѣкъ, должны быть чрезвычайно чуткими къ вопросамъ церкви и вообще къ тому, что исходитъ отъ Думы“

Въ заключеніе этого обращенія о. Гепецкій проситъ „оповѣстить читателей, что тѣ изъ нихъ, которые пожелали бы знакомиться со статьями и письмами нашими сейчасъ же по ихъ напечатаніи,— тѣ благоволятъ выписать газету „Земщина“.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи

Членъ Государственной Думы священникъ

Николай Гепецкій.

Географія литературныхъ талантовъ.

Извѣстно, какое громадное значеніе для каждаго человѣка вообще и для писателя въ частности имѣетъ та житейская обстановка, тѣ впечатлѣнія, среди которыхъ протекло его дѣтство. Въ недавно вышедшей книжкѣ Е. Бѣлявскаго—„Русскіе писатели по ихъ происхожденію и воспитанію“—дѣлается попытка на біографіяхъ извѣстныхъ дѣятелей русской литературы прослѣдить вліяніе на образованіе таланта и его направленія не столько ближайшихъ семейныхъ впечатлѣній, сколько вліянія широкой окружающей среды, всего духа обстановки и житейскаго уклада. Любопытенъ его выводъ: оказывается больше всего дѣятелей, составляющихъ гордость русской литературы, отразившихъ лучшія стороны русской народной души, дали мѣстности съ населеніемъ исконно русскимъ, съ наименьшей примѣсью постороннихъ элементовъ, гдѣ складъ русской жизни выразился полнѣе и сохранился больше; ибо, какъ говоритъ авторъ, „выдающіеся писатели появляются только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сильно національное самосознаніе, гдѣ, такъ сказать, народная гордость, этотъ главный источникъ поэтическаго народнаго вдохновенія,

не подавлена какими-либо обстоятельствами, на примѣръ—вліяніемъ инородцевъ, гдѣ, слѣдовательно, господствуетъ не только политически, но и нравственно коренное населеніе государства, гдѣ живъ и не затемненъ народный идеалъ“.

И вотъ если мы прослѣдимъ, гдѣ именно средоточіе талантовъ русской литературы, то есть, гдѣ они рождались и воспитывались, то увидимъ, что „истинный родникъ русской словесности“ таится въ столицѣ Великороссіи—Москвѣ. Москва дала не только крупнѣйшихъ по своему генію, но и національнѣйшихъ писателей и ученыхъ. Здѣсь родились: Пушкинъ, Дельвигъ, Давыдовъ, Козловъ, кн. Вяземскій, кн. Одоевскій, Веневитиновъ, Лермонтовъ, Ап. Майковъ, Мей, И. А. Крыловъ, Фювизинъ, Грибоѣдовъ, Островскій, Достоевскій, гр. Саліасъ, Вс. Соловьевъ, кн. Щербатовъ, Бантышъ-Каменскій, Погодинъ, С. Соловьевъ, Хомяковъ, Ив. Кирѣевскій, Анненковъ, Катковъ, Ап. Григорьевъ, Посошковъ, Платонъ и Филаретъ, Новиковъ, Лопухинъ, Лажечниковъ, Сухово-Кобылинъ. Въ этомъ перечнѣ нѣтъ Л. Н. Толстого: онъ уроженецъ Тульской губерніи, но если придавать значеніе дѣтскимъ годамъ, какъ отражающимся на дальнѣйшей дѣятельности человѣка, то слѣдуетъ помнить, что и Л. Н. провелъ свое дѣтство въ Москвѣ.

Слѣдя дальше за географіей нашихъ литературныхъ талантовъ, мы увидимъ, что за Москвой и Московской губерніей наибольшее количество талантливыхъ писателей дали смежныя съ Москвой губерніи, и чѣмъ дальше отъ центра къ периферіи, тѣмъ скуднѣе значеніе этихъ мѣстностей въ исторіи русской литературы. При этомъ, однако, наибольшее распространеніе литературнаго таланта идетъ на великорусскій сѣверъ, на востокъ и юго-востокъ, по Волгѣ и Окѣ, а на югъ не дальше Полтавской и Черниговской губерній. Кіевская губернія, казалось бы, колыбель русской земли, издавна ослабивъ свои связи съ великорусскимъ идеаломъ, не избыточествовала и литературными талантами: помимо Шевченко, тутъ насчитываются лишь треть степенные: Подолинскій, Нелединскій-Мелецкій, Вс. Крестовскій и Новодворскій.

Но особенно ярко становится значеніе центра въ культурномъ отношеніи, если перечислить, что дали окраины. Вотъ, на примѣръ, что дала Сибирь: Ершовъ, бр. Полевые, Наумовъ и Омуревскій. Вся Новороссія дала: Даля, Гаршина, Потапенко и Ставюковича; Кавказъ—Немировича-Данченко и Аверкіева. Получается какъ бы весьма точный законъ: чѣмъ дальше отъ центра, тѣмъ таланты умяляются не только количествомъ, но и своимъ удѣльнымъ вѣсомъ.

Законъ этотъ отразился и на Петербургѣ. Казалось бы, рожденіе въ Петербургѣ—какъ всероссійской гостиницѣ—есть случайность, но, тѣмъ не менѣе, здѣсь изъ болѣе крупныхъ писателей родился лишь гр. А. Толстой, въ самомъ раннемъ дѣтствѣ перевезенный, однако, въ Черниговскую губ. А чистыми петербуржцами могутъ считаться: Курочкинъ, Помяловскій, Ахшарумовъ, Шеллеръ, Маркевичъ, Альбовъ, Баранцевичъ, Лейкинъ и Фофановъ. Нельзя не сознаться, что въ сравненіи съ Москвой это весьма скудно. И особенно конфузно такое явленіе для Петербурга, если принять выводъ Бѣлявскаго, что „первоклассные писатели происходятъ только изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ преобладаетъ коренное народонаселеніе государства, гдѣ живы народныя идеалы, гдѣ спленъ патріотизмъ и есть народная гордость—главный зиждитель высокой поэзіи“.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Къ свѣдѣнію духовенства.

„ВѢЧНЫЯ ТАБЛИЦЫ“

священника **Браиловскаго**

вышли 3-мъ изданіемъ, удвоеннымъ по объему и нѣсколько дополненнымъ по содержанію, которыя, священникамъ Харьковской епархіи, пріобрѣтшимъ 2-е изданіе, обмѣниваются бесплатно черезъ посредство о.о. Благочинныхъ.

ПРИЕМЪ СРОЧНЫХЪ ЗАКАЗОВЪ.

ИКОНОСТАСНАЯ ФАБРИКА

Братъевъ М. и В. Гетманъ

въ сл. ТАМАРОВКѢ, Курской губ.

Существуетъ болѣе ста лѣтъ.

Фирма удостоена медалями: серебряною въ 1887 г. и золотою въ 1904 г. Почетные отзывы многихъ учреждений и высокопоставленныхъ лицъ.

За послѣднія 20 лѣтъ существованія фирмы исполнено 136 иконостасовъ въ разныхъ городахъ и селеніяхъ Россіи. Подробный списокъ работъ желающимъ высылаемъ бесплатно.

Адресъ для грузовъ: „Томаровка“ Б.-С. ж. д.

„ „ телеграммъ: „Томаровка—Братъевъ Гетманъ“.

Журналь „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналь помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Биографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомнина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомнина).—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управление церковными имуществами?“—В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомнина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомнина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомнина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомнина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомнина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес. —прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихриствѣ. Профес. А. Д. Бѣльева.—„Книга Руоѣ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Экзарха Грузин).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Линицкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ лѣвѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи. Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналь помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплачивали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй Юшковъ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ Истоминоу.